

СЕКЦИЯ 4

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯВЛЕНИЕ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ Томина Е.Ф., кандидат педагогических наук, доцент, Абдрашитова Э.Ф.....	340
ВКЛАД ОРЕНБУРЖЬЯ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ГОСПИТАЛЕЙ Дегтярева Н.А., кандидат исторических наук, доцент.....	345
ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА 1969 - 1986 ГОДОВ В ОРЕНБУРГЕ Дудников И.П., студент, Томина Е. Ф., кандидат педагогических наук, доцент	352
РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ Жайбалиева Л.Т., кандидат исторических наук, доцент	359
РАЗВИТИЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СССР В 1950-1960-ЫХ ГОДАХ Томина Е.Ф, кандидат педагогических наук, доцент, Куканов Г.А.....	364
РОЛЬ ОРГАНИЗОВАННОГО НАБОРА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В КОМПЛЕКТОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КАДРОВ УРАЛА И СИБИРИ В 30-Е ГОДЫ Лыков А.В., кандидат исторических наук, доцент	368
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР (ПОПЫТКА ПЕРИОДИЗАЦИИ) Наточий В.В., кандидат политических наук, доцент.....	378
СОВМЕСТНАЯ РАБОТА В СФЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В ДВАДЦАТИЛЕТИЕ XXI В. Петрищева М. В.	384
К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН Поляков А. Н., кандидат исторических наук, доцент	391
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ Попов В.Б., кандидат исторических наук	399
ЗАЩИТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ XX ВЕКА: ИНЖЕНЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ И УРОКИ ИСТОРИИ Пояркова Е.В., доктор технических наук, доцент	405
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ Томина Е.Ф., кандидат педагогических наук, доцент, Радомский М.Е.	412
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ЛЕКЦИЯ НА ГУМАНИТАРНУЮ ТЕМУ В XXI В. Сафонов Д.А., доктор исторических наук, профессор	416
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИХ СПОРТИВНЫХ ШКОЛ В СССР Томина Е.Ф, кандидат педагогических наук, доцент, Терещук Н.О.	421
ОСВОБОЖДЕНИЕ ДНЕПРА В 1943 ГОДУ Трофименко К. С., Щербakov А. А.	425
СРАЖЕНИЕ ЗА КАЛУГУ: ПРОЛОГ К БИТВЕ ЗА МОСКУ Трофименко К. С.	429
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Семенов В.Г., кандидат исторических наук, доцент, Фослер М.С.....	435
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ Ягудина О. В., кандидат исторических наук, Чиканова В. О.	441
РЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В 60-70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА Шурбаев К. К.	447

ПОЯВЛЕНИЕ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Томина Е.Ф., к. пед. н, доцент, Абдрашитова Э.Ф.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Татары – второй по численности народ Российской Федерации после русских. Они издавна проживают как на территории Поволжья, так и в других регионах страны, включая Оренбургский край.

Предки татар никогда не жили в изоляции. Они активно перемещались, вступая в контакт с различными тюркскими и нетюркскими племенами. На формирование их этноса повлияли финно-угры, населявшие Поволжье до прихода тюркских племён, а также славяне.

Проблема формирования татарского народа, всегда привлекала особое внимание и ученого мира, и самого широкого круга читателей. Этот вопрос стал ещё более злободневным в последнее время.

В исторической науке выделяют три стадии формирования татарской идентичности. На первом этапе были заложены основные компоненты, которые затем сложились в татарский народ: тюркский компонент в виде булгар, язык половцев (кипчаков) и ислам, который привёл к появлению богатой культурной традиции и письменности на основе арабской вязи. Именно письмо и религия стали ключевыми факторами объединения.

Второй этап связан с Золотой Ордой. Однако считается, что он не оказал значительного влияния на культуру и язык татарского народа.

Третий этап связывается с укреплением заложенных ранее этнокультурных особенностей в рамках Казанского Ханства и российского государства.

В VI веке тюркские народы начали проникать на территорию Волго-Уральского региона после распада гуннской империи. К середине I тысячелетия н. э. на этой территории возникли первые этнополитические образования прототюрков. В середине VI века тюрки окончательно покорили Поволжье и Приуралье, а Тюркский каганат стал включать в себя огромную территорию от Маньчжурии до Керченского пролива.

После распада Тюркского каганата часть племён, включая булгар и сувар, двинулась на запад и основала Великую Булгарию. Позже, в VII веке, их потомки, известные как «серебряные» булгары, переместились на Дон, а затем в Среднее Поволжье, где создали новое государство – Волжскую Булгарию. Другая часть племён была подчинена хазарами и вошла в состав Хазарского каганата.

Процесс формирования государства шёл параллельно с укреплением ислама в Волжской Булгарии. Ислам стал известен булгарам ещё в VIII веке, когда арабы начали свои вторжения в Хазарию. Посольство из Багдада,

прибывшее в 921-922 годах, лишь официально признало новое мусульманское государство на севере.

В это же время в Волжской Булгарии активно развивалось градостроительство и торговля.

Именно в Волжской Булгарии сформировалась этническая основа современных татар, которая дополнилась важной культурной составляющей – исламом в конце I - начале II тысячелетия н. э.

После распада Золотой Орды татарами называли правящую мусульманскую элиту, а затем и всё остальное население ханств, исповедующее ислам.

Так появились казанские татары в Казанском ханстве, астраханские татары в Ногайской орде и сибирские татары в Сибирском ханстве. Это объясняет различия во внешности современных татар.

Так появились казанские татары в Казанском ханстве, астраханские татары в Ногайской орде и сибирские татары в Сибирском ханстве. Это объясняет различия во внешности современных татар.

В 1708 году территория современного Татарстана вошла в состав Казанской губернии.

Пересечение татар на территорию Оренбургского края связано с несколькими основными причинами:

1. Экономические причины. В поисках новых пастбищ и земель для сельского хозяйства татары мигрировали в более плодородные районы.

2. Политические обстоятельства. Военные конфликты, такие как Крымская война, заставляли татар искать более безопасные места для жизни.

3. Социальные изменения. Увеличение числа переселенцев из центральной России и стремление к новым возможностям способствовали формированию татарских общин.

4. Культурные связи. Татарские торговцы и крестьяне поддерживали связи с другими представителями своего народа, что способствовало их переселению.

Таким образом, миграция татар в Оренбургский край была вызвана сочетанием экономических, политических и социальных факторов.

Особые природно-климатические и геополитические условия степных районов Юного Урала долгое время препятствовали оседлости земледельческих народов в этих местах.

Это привело к тому, что заселение этой территории татарами произошло сравнительно поздно. Вследствие этих условий заселению предшествовал длительный период хозяйственного освоения в форме промыслового использования территории нынешней Оренбургской области народами Среднего Поволжья

Заселение территории современной Оренбургской области татарами происходило в тесной связи с миграционными процессами, которые начались в регионе Среднего Поволжья еще в конце XVII века. Ухудшение социально-экономического положения народов Поволжья вызванное реформами Петра I,

подтолкнуло их представителей к заселению наиболее перспективных с хозяйственной точки зрения Южного Приуралья.

Заселение татарами территории современной Оренбургской области можно разделить на четыре этапа:

Первый этап – 30-70-е годы XVIII века. Вследствие особых геополитических условий степных районов Южного Урала их первоначальное заселение татарами в 30-70-е годы XVIII века проходило при активном, определяющем участии государства, путем принудительного переселения.

Татары появились в первых укрепленных пунктах на территории Оренбургского края: в Орской крепости (с 1735 года), в Бузулукской крепости (с 1736 года), в Бердской крепости (с 1737 года), в Верхнеозерной крепости (с 1738 года), в Илецком казачьем городке (с 1740 года), в Красногорской крепости (с 1741 года), в Нижнеозерной крепости (с 1754 года) [2, с. 57].

С укреплением Оренбургской пограничной линии связано и переселение солтанаульских и кундровских ногайцев, которые впоследствии стали частью оренбургских татар.

Для обеспечения почтовых перевозок на только что построенной Новой Московской дороге между Москвой и Оренбургом были переселены беглые татары, которые обосновались на башкирских землях и основали сёла Биккулово, Юзеево, Мустафино и др. [2, с. 66-68].

По указу Сената от 13 марта 1744 года казанским татарам было разрешено поселиться в особой слободе при городе Оренбурге. Освобождение от рекрутских наборов, разрешение на строительство мечети, открытие фабрик и заводов, свободная торговля, найм работников и аренда башкирских земель способствовали быстрому развитию Сеитовой (Каргалинской) слободы как крупного торгово-ремесленного, культурного и религиозного центра.

Второй этап заселения (80-е годы XVIII – 20-е годы XIX веков) проходил в рамках преимущественно вольной колонизации. С конца XVIII столетия начинается активное заселение татарами пространств Бузулукского уезда.

Проживание татар в населённых пунктах по Оренбургской военной линии привело к тому, что на рубеже XVIII-XIX веков они были включены в состав казачества по собственной инициативе. Основной поток татарских переселенцев на этом этапе прибыл из Буинского уезда Симбирской губернии и Спасского уезда Казанской губернии, с территории современных Дрожжановского и Буинского, Алькеевского и Спасского районов Республики Татарстан. Также были отмечены значительные миграции татар из районов недавнего заселения: Белебеевского, Стерлитамакского, Бугульминского и отчасти Мензелинского уездов. Это территория, прежде всего, современных Ермекеевского, Стерлибашевского районов Республики Башкортостан, а также Альметьевского, Лениногорского и Сармановского районов Республики Татарстан. Наряду с носителями среднего (казанского) диалекта появились крупные группы мишарских переселенцев [2, с. 104].

Третий этап заселения татарами территории современной Оренбургской области пришёлся на 20-50-е годы XIX века. Он также проходил в условиях вольной

колонизации, которая носила массовый, стихийный и слабо организованный характер. Попытки государства регулировать ход переселенческого движения не оказывали значительного воздействия.

Основной причиной переселения татар в рассматриваемое время было прогрессирующее обезземеливание крестьян в центральных губерниях страны. Острая нехватка пахотных и других земель, необходимых для ведения хозяйства, обеспечения семьи и уплаты налогов, вынуждала татар уходить в Оренбургский край, где сохранялся значительный фонд свободных земель.

Мигранты были выходцами преимущественно из Краснослободского уезда Пензенской губернии и Темниковского уезда Тамбовской губернии, с территории нынешних Ельниковского, Темниковского и Атюрьевского районов Республики Мордовия [2, с. 123].

Четвёртый этап (60-е годы XIX – начало XX веков) проходил в условиях вольной колонизации, но государство в большей степени контролировало переселенческое движение. Характерной особенностью этого этапа является то, что основной поток татарских переселенцев направлялся не в сельскую местность, а в города, и прежде всего, в расположенные на границе с казахской степью Оренбург, Орск и Илецкую Защиту.

Среди них была высока доля выходцев из северо-западных районов современного Татарстана (Атнинского, Балтасинского, Кукморского). Значительным количеством татарских переселенцев также представлена центральная и южная Башкирия. Основная масса татар, прибывших в Оренбургский край, была носителями среднего (казанского) диалекта.

Продолжалось внутреннее расселение татар по территории Оренбуржья. Например, в 60-е годы XIX века тептяри из деревни Староашировой основали современное село Новоаширово Матвеевского района Оренбургской области [2, с. 131].

Список литературы

1. Денисов, Д. Н. Государственно-церковная политика насильственной христианизации как причина миграций мусульманского населения на земли Южного Урала / Д. Н. Денисов // Религия и общество: судьбы людей и народов: Материалы молодежно-студенческой научно-практической конференции – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2003. – 236 с.
2. Денисов, Д. Н. История заселения и этнокультурного развитие татар Оренбургского края (XVIII-XX вв.) / Д. Н. Денисов. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – 190 с.
3. Денисов, Д. Н. Этапы заселения татарами Оренбургского края / Д. Н. Денисов // Региональная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов Оренбургской области: Сборник материалов – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. – 64 с.

4. Закиев, М. З. Происхождение тюрков и татар / М. З. Закиев ; Акад наук Татарстана. Отд-ние гуманитар. наук. – М.: ИНСАН, 2003. – 495 с.

5. История татар с древнейших времен / АН ТАТАРСТАНА. Институт истории им. Ш. Марджани; М. А. Усманов, Р.С.Хакимов.- Казань; Изд-во «Рухият», 2002. – 99 с.

ВКЛАД ОРЕНБУРЖЬЯ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ГОСПИТАЛЕЙ

Дегтярева Н.А., к. ист. н., доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

Оренбургский государственный университет

«Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну.

А народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь
черпать силы в этой победе».

Г. К. Жуков.

9 мая 1945 года завершилась самая кровопролитная война за всю историю человечества, которая началась 22 июня 1941 года и принесла огромные потери и страдания для советского народа, но также показала его героизм, мужество и единство в борьбе против нацистской Германии. Великая Отечественная война была одним из самых значимых событий в истории России и мира. Она оставила неизгладимый, жестокий след в истории и разрушила жизни огромного количества человек. Мы надеемся, что наши потомки не повторят роковых ошибок прошлого и будут помнить о великой Победе наших предков.

Победа в Великой Отечественной войне была возможна благодаря мужеству и героизму, самоотверженности советских солдат. Не менее важную роль сыграла дружная сплоченная коллективная работа всех слоев общества и любовь к Родине, проявленная в патриотизме. Именно эти составляющие помогли нам одержать Великую Победу!

Во время Великой Отечественной войны Оренбуржье (тогда – Чкаловская область) сыграло значительную роль в защите Родины. Многие жители региона добровольно пошли на фронт, чтобы защищать свою страну от фашистского вторжения. Чкалов стал важным пунктом на транспортных маршрутах для переброски войск и материальных ресурсов на фронт.

Местные жители принимали на себя тяжелые испытания и трудности военных лет. Многие заводы и предприятия региона переключились на военное производство, выпуская боеприпасы и другие необходимые материалы для фронта. Эвакогоспитали Чкаловской области внесли значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне. Они были организованы для оказания медицинской помощи раненым и больным военнослужащим, а также мирным жителям, пострадавшим от военных действий.

Госпитали Чкалова были одними из крупнейших и наиболее оборудованных медицинских учреждений на территории Советского Союза в военное время. Они принимали раненых с фронта, проводили операции, оказывали квалифицированную медицинскую помощь и реабилитацию.

Медицинский персонал госпиталей Чкалова проявил высокий профессионализм, мужество и героизм, спасая жизни тысячам раненых и больных. Медики и медсестры были настоящими героями, спасая жизни и восстанавливая

здоровье воинов в самых сложных условиях. Благодаря их усилиям многие военнослужащие смогли вернуться на фронт после выздоровления и продолжить борьбу против фашистских захватчиков. Эвакогоспитали Чкалова сыграли важную роль в поддержании боеспособности советских войск, спасая жизни и здоровье защитников Родины и внося значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне.

В 1941 году на второй день войны, прямо за сутки в области были организованы 5 эвакогоспиталей: в г. Абдулино (ЭГ 1644), г. Чкалове (СЭГ 1656), г. Бугуруслане (ЭГ 1659), г. Бузулуке (ЭГ 1662 и ЭГ 1663). В течение июля-августа 1941 года было организовано еще 25 эвакогоспиталей: 7 – в Оренбурге и 10 – в городах и районах области. Дальнейшее широкое развертывание работы в области по обслуживанию и лечению раненых и больных военнослужащих Красной Армии инициировало циркулярное письмо Чкаловского обкома ВКП(б) от 9 октября 1941 года [4, л. 29 – 30].

Под госпитали отвели лучшие здания – учебные заведения, больницы. Для лечения раненых решили использовать помещения ряда средних школ. Так, например в школе № 24 на улице Чичерина развернули госпиталь для тяжелообльных – «ампутантов»; ранобольных разместили в корпусах тридцатой, второй и тридцать девятой школ, лечебные корпуса – в сельскохозяйственном, педагогическом институте, фельдшерско-акушерской школе.

Раненым помогало городское население. Чкаловцы щедро делились всем тем, что нужно было для работы госпиталей – постельными принадлежностями, бельем, деньгами. Пролетариат и служащие передали на оборудование госпиталей пятьдесят тысяч рублей, работали на городских воскресниках в пользу раненых более 1500 рабочих дней. В июле 1941 года в подготовке госпиталей участвовало более 1870 домохозяек. В короткие сроки они убрали помещения, предназначенные под госпитали, навели порядок. Подготовка к приему раненых прошла в необычайно короткие сроки, стремительными темпами готовились медицинские кадры.

Каждый госпиталь имел свой номер. Для наших современников это обычные цифры, но для фронтовиков, членов их семей они имеют особое значение. Святые они и для тех, кто в тяжелые времена не жалел силы, чтобы поставить бойцов на ноги, подарить жизнь. Вот эти номера: 4405, 4406, 4407, 4409, 1654, 1655, 1656, 1657, 1658, 3326, 3327, 4148, 4237, 4238, 5428, 5254, 1308 и др. Каждый номер госпиталя скрывает трудную жизнь медиков. Поправив свое здоровье, бойцы вновь отправлялись на фронт уничтожать проклятого врага.

В городе работало семнадцать госпиталей, из них только на территории Дзержинского района было восемь. Следует сказать, что с кадрами проблема стояла остро. Большинство врачей и медработников надели военные кители. На фронт отправлялись высококвалифицированные хирурги, травматологи, терапевты, невропатологи и другие специалисты. На их место пришли молодые девушки, окончившие медицинские курсы.

В начале войны не хватало квалифицированных хирургов, проявлялась острая нужда в специальной подготовке медперсонала для труда в госпитале. 15 декабря 1941 года ввели обязательное повышение квалификации для всех врачей (кроме хирургов). Курсы повышения квалификации действовали и для среднего медицинского персонала. Длились они 1,5 – 2 месяца без отрыва от работы по три часа в день. Условия в госпиталях были непростые, особенно трудной была первая военная зима, когда от морозов лопались отопительные батареи, из-за сырых дров были перебои с горячей водой, а когда гас свет, то работали при коптилках на рыбьем жиру. В главном корпусе госпиталя № 359 отопление было печным, но не хватало дров, и тогда в саду на территории госпиталя пилили деревья. Ими топили печи, готовили на кухнях пищу, грели воду для купания раненых, мытья посуды. Но из-за того, что жили тогда – дружно. Работа в госпитале скорее не работой была, а жизнью. Это не от звонка до звонка, а когда с ног валишься и глаза сами закрываются [3, с. 174].

Организаторами лечебного дела в госпиталях выступали главные хирурги, профессора Городинский, Цейтлин, доценты Брайцев, Кузьменко, Силантьев. В чкаловских госпиталях была отлажена качественная система специализированной помощи. Медики делали все возможное для внедрения современных методов лечения и ухода за ранеными и больными. Новейшие хирургические методы сочетались с лечебной физкультурой, физиотерапией с использованием климатических факторов.

И. Л. Тамариным была адаптирована трудотерапия, также он обращался в наркомздрав с предложением ввести в госпиталях психотерапевтическую службу для адаптации бойцов-инвалидов к новой действительности, чтобы они не считали себя калеками, выброшенными из жизни, не попрошайничали, не воровали, жили достойно и обязательно работали. Эффект трудотерапии в госпитале № 3327 был налицо: ежедневно около 30-40 человек из выздоровевших использовались на различных работах (кухня, транспортировка, заготовка дров, слесарное дело, починка обмундирования). В Екатерининском районе в 1943 году нашли работу около 100 человек, пациентов госпиталя. Для раненных, которым предстояло вернуться в строй проводили военные занятия по стрелковой, хим- и санподготовке, авиации, топографии, связи и т. д. Все время войны И. Л. Тамарин был бессменным начальником эвакогоспиталя № 3327. Им и его сотрудниками в далекие военные годы закладывались традиции, формировалась лечебная методика и практика в госпитале, который впоследствии стал частью современного госпиталя ветеранов войн [2].

Развертывание эвакогоспиталей в Чкалове шло не только по линии общего профиля, но и по линии специализированного лечения раненых. В госпитале № 1654 из 500 больных 460 было протезных и 40 – психоневрологических; в № 1658 из 600 раненых – 200 черепных и позвоночных, 250 – челюстных; в госпитале № 3327 из 400 раненых – 150 туберкулезных, 150 – с болезнями грудной клетки, 100 – общехирургических; в госпитале № 4405 все 200 мест занимали инфекционные больные; в госпитале

№ 4407 из 400 мест 200 принадлежали больным трофическими язвами [1, л. 1 – 2].

Врачи, медсестры и санитарки, сталкиваясь с трагическими реальностями войны – смертями, увечьями, страданиями, – проявляли подлинный героизм, восстанавливая здоровье воинов. Врачи буквально спасали жизни на передовой, проводя сложные операции прямо на поле боя, медсестры и санитарки ухаживали за ранеными, оказывали эмоциональную поддержку и обеспечивали необходимую помощь. Они – образец высокого гражданского, профессионального и человеческого долга. Это чувствовали не только сами пациенты, но также об этом писали и зарубежные газеты. Так, редактор научного отдела английского агентства «Ассошиэйтед пресс» Блейколи в статье о советской хирургии писал, что низкая смертность среди раненых в Красной Армии и высокий процент возвращения в строй «является чудом в области медицины».

За четыре года в госпитали Чкалова поступило 28 095 раненых и больных, из них «носилочных» – 17 000. Не было ни одного несчастного случая при транспортировке раненых, хотя морозы достигали сорока градусов. Выгрузка производилась чаще всего ночью. В 1943 году через сортировочный госпиталь прошло 12 803 человека. Всего за время работы сортировочного госпиталя к местам дальнейшего лечения направили 20 291 человека. Руководство области и города постоянно контролировало работу госпиталей.

С наступлением советских войск количество госпиталей в Чкалове уменьшилось. В ноябре 1942 года не стало госпиталя № 1657; 7 сентября 1943 года госпиталь простился с ЭГ – 3326. В 1944 году прекратили свою работу в Чкалове эвакогоспитали №1308, 4409. Одни госпитали расформировывались, другие отправлялись ближе к фронту – на запад [7, с. 13].

Их самоотверженный труд и героизм неоценимы для истории Великой Отечественной войны, их вклад в победу над фашистскими захватчиками был колоссальным. Мы склоняем голову перед трудом военнослужащих медиков, тех кто вернулся с полей сражений, и тех, кто, выполняя свой долг до заключительной минуты, до последней капли крови, погиб. Память о них, о немалой проведенной работе навеки будет в сердцах спасенных солдат и офицеров, благодарных потомков, а самоотверженный труд на благо жизни миллионов военнослужащих навсегда останется ярчайшим образцом милосердия и героизма. Медицинский персонал стал символом непоколебимой воли и человечности в труднейшие времена войны.

В равной мере военные училища Чкаловской области сыграли огромную роль в подготовке кадров для советской армии во время Великой Отечественной войны. Военные училища обеспечивали высокий уровень подготовки офицеров, сержантов и рядовых, что было крайне важно для эффективного ведения боевых действий. Офицеры, выпускники военных училищ, занимали ключевые командные и штабные должности в армии. Их профессионализм, лидерские качества и боевой дух играли решающую роль в организации и координации военных операций. Сержанты и рядовые, получившие обучение в училищах,

обладали необходимыми навыками и знаниями для успешного выполнения боевых задач.

Война требовала все новых и новых командиров для Красной Армии. Расширялась сеть военных училищ, существовавших до войны, и открывались новые. В Чкалове были организованы пулеметное и танковое училища, расширялись наборы в них, сокращались до минимума сроки обучения. Из-за коротких сроков формирования солдаты были слабо обучены, поэтому фронтовой опыт получали уже в ходе боевых действий. Путем огромных потерь наша пехота научилась воевать и приобрела бесценный боевой опыт. Все это положительно сказалось на последующих боях, где южно-Уральские соединения показали себя только с лучшей стороны. За годы войны училище выпустило шесть с половиной тысяч танкистов и самоходчиков [7, с. 15]. Большинство выпускников училищ уходило на фронт и там сражались поистине героически.

Также в Чкалове действовало Краснознаменное зенитно-артиллерийское училище, которое было создано в Оренбурге еще в декабре 1935 года. Более 60 бывших курсантов училища стали генералами.

В октябре 1941 года из курсантов был сформирован и отправлен на защиту Москвы стрелковый батальон. Уже в первый год войны из курсантов училища было сформировано несколько батальонов политбойцов из коммунистов и комсомольцев. В декабре 1944 года училище было награждено за успехи в подготовке курсантов боевым знаменем. Училища Чкалова подготовили за годы войны 20 тыс. офицеров [6, с. 16]. Всего в области было десять военных училищ. Если учесть, что их окончили каждое минимально 5 тыс. человек, то более 50 тыс. выпускников – командиров-офицеров – из Чкаловской области ушли на фронт.

Уже в первые дни Чкаловское авиационное училище летчиков сформировало 4 авиационных бомбардировочных полка, которые отважно сражались за Родину.

Чкаловцы участвовали в защите Брестской крепости, несколько тысяч человек нашего края героически отстаивали Москву и перешли в наступление, одержали со всем народом Победу, ставшую первым поворотным событием во всем ходе Второй мировой войны.

Под командованием наших земляков Героев Советского Союза генерал-майора А.И. Родимцева и генерала В.Т. Обухова сражались за Сталинград 13 прославленная дивизия и корпус [8, с. 2]. Чкаловцы помогли отстоять не только город на Волге, за оборону которого было награждено более 3,5 тыс. земляков медалью «За оборону Сталинграда», но и участвовали в переходе в наступление, которое стало началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Они насмерть стояли в сражении на Курской дуге.

19 чкаловцев за форсирование Днепра были удостоены звания Героя Советского Союза. В 1944 году в период решающих побед Красной Армии чкаловцы не только приняли героическое участие в борьбе за освобождение территории нашей страны, но и в начавшемся освобождении народов Европы

от фашистского ига. Чкаловцы были среди тех, кто штурмовал Берлин и водрузил «Знамя Победы» над Рейхстагом. Медалью за взятие Берлина награждены 10 тыс. оренбуржцев.

За героическое участие в обороне Ленинграда медалью награждены около 2600 оренбуржцев.

За мужественную борьбу с фашизмом высокого звания Героя Советского Союза удостоены 235 оренбуржцев. 220 Героев Советского Союза дало Чкаловское летное училище. Восьми офицерам – выпускникам этого училища – звание присвоено дважды: генерал-майору И.С. Полбину, Л.И. Беде, Г.Я. Бегальдину, С.Д. Луганскому, В.Н. Осиповичу, И.Ф. Павлову, Н.С. Смирнову, Е.П. Федорову.

В годы Великой Отечественной Героями Советского Союза в стране стали 2400 летчиков. Это значит, что почти каждый десятый из них обрел боевые крылья в Оренбургском авиаучилище [5].

В сражениях против фашистов 13 выпускников авиаучилища совершили воздушные тараны, среди них единственная в мире женщина Екатерина Зеленко, удостоенная звания Героя Советского Союза. Ее имя носит одна из звезд нашей Галактики. 12 выпускников училища повторили подвиг Николая Гастелло. За годы Великой Отечественной Оренбургский край на борьбу с фашизмом дал более 30 генералов. Многие жители Оренбургского края прошли через тяжелые испытания и потери во время войны, но их жертвы и подвиги помогли обеспечить победу над фашизмом. Память о героях и патриотах Оренбургского края должна быть бережно хранимой и передаваемой следующим поколениям как пример мужества и самопожертвования в борьбе за свободу и независимость Родины.

Многие выпускники военных училищ Оренбуржья проявили мужество и героизм на фронтах Великой Отечественной войны, защищая Родину от фашистских захватчиков. Военные училища внесли значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне, обеспечивая армию квалифицированными кадрами, способными справиться с трудностями и противостоять врагу на всех этапах военных действий. Их подготовка и боевой дух были ключевыми факторами в победе Советского Союза в этой кровопролитной войне.

Победа в Великой Отечественной войне стала возможно только благодаря совместным усилиям госпиталей и военных заведений. Без них Победа была бы невозможна.

Список литературы

1. Архив военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (АВММ). Ф. 288. Оп. 4554. Д. 1; Ф. 288. Оп. 4554. Д. 3.
2. Бондаренко В. А. Южный Урал – великой Победе // Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы над Гитлеровской Германией. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. 272 с.

3. Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941-1945. Ленинград: Медицина, 1985. 303 с.
4. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371, Оп. 5. Д. 117.
5. Россовский В. П. Солдатская слава. – Оренбург, 1994. 239 с.
6. Сайгин Н. И. Оренбург-фронту [1941-1945 гг.]: Пособие для школьников. Оренбург, 1994. 53 с.
7. Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны: Неизвестное из жизни города. Рассекреч. документы. Неопубл. воспоминания. Арх. находки. Истории и судьбы. Из семейн. арх. Редкие фото. Оренбург: Кн. изд-во, 1995. 211 с.
8. Футорянский Л. И. Танкист из казачьей семьи // Южный Урал. 1993. 13 апреля.

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА 1969 - 1986 ГОДОВ В ОРЕНБУРГЕ

Томина Е. Ф., к. пед. н., доцент, Дудников И.П.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

28 мая 1969 года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление № 392 «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» [1], которое стало важным шагом в решении жилищного кризиса в стране, включая Оренбург. В документе отмечалось, что за предыдущие 10 лет (1959–1968) в СССР было введено в эксплуатацию 1 млрд. кв. метров жилья, что позволило улучшить жилищные условия более 112 млн. человек. Удельный вес полносборного домостроения в городах достиг 40%, а обеспеченность жилья водопроводом, канализацией и газом выросла в полтора раза, центральным отоплением – в два раза, ванными и душевыми – в три раза. Однако постановление подчеркивало серьезные недостатки: типовые проекты не отвечали возросшим требованиям, планировка квартир была неудобной, площади подсобных помещений недостаточными, а архитектура однообразной. Качество строительства оставалось низким, а генеральные планы городов разрабатывались несвоевременно [3]. В ответ на это документ обязывал повысить качество строительства, улучшить планировку домов, разнообразить архитектуру и ускорить индустриализацию домостроения, доведя долю крупнопанельного строительства к 1975 году до 50%. Для Оренбурга, как промышленного центра с растущим населением, это постановление стало отправной точкой для нового этапа жилищной политики, направленной на преодоление дефицита жилья, сохранявшегося после Второй мировой войны. Этот период охватывает поздние годы правления Леонида Брежнева и начало перестройки при Михаиле Горбачеве, когда массовое строительство типового жилья стало ключевым инструментом социальной политики. Оренбург, с активно развивающейся газовой отраслью, испытывал значительный приток населения, что создавало высокий спрос на жилье. В статье рассматриваются основные направления жилищной политики в Оренбурге в 1969-1986 годах на основе архивных данных, материалов периодической печати, статистических сборников и информации из интернета, включая каталоги серий домов. Особое внимание уделено эволюции строительства по годам, крупным проектам, роли предприятий, влиянию демографии и характеристикам домов. Цель – проследить развитие жилищного строительства в Оренбурге в хронологическом порядке, начиная с 1969 года, описать этапы, проекты, типы домов и вызовы.

В 1969 году, следуя постановлению, в Оренбурге началась массовая застройка для преодоления жилищного дефицита, вызванного индустриализацией и урбанизацией. Город, как и многие другие промышленные центры СССР, переживал быстрый рост населения, что

требовало оперативных мер. Власти сделали ставку на типовые проекты, которые уже доказали свою эффективность в других регионах. Одним из первых районов, где началось строительство, стал район вдоль улицы Пролетарской, расположенный вблизи железнодорожной инфраструктуры. Здесь в 1969 году появились панельные дома, преимущественно пятиэтажные, построенные по серии 1-447. Эта серия, известная как хрущевки, была разработана еще в 1950-х годах, но к концу 1960-х годов использовались ее модифицированные версии, такие как 1-447С. Эти дома отличались от ранних хрущевок увеличенными кухнями (5-6 кв. м), разделенными комнатами и слегка улучшенной планировкой, что отражало постепенное повышение стандартов жизни. Строительство велось с использованием сборных железобетонных панелей, производимых на местных заводах ЖБИ, что позволяло возводить здания в рекордно короткие сроки – от закладки фундамента до заселения проходило всего несколько месяцев. Архитектура оставалась предельно функциональной: простые прямоугольные формы, минимализм в отделке, отсутствие декоративных элементов. В районе железнодорожной больницы вдоль улицы Пролетарской [2] начали формироваться небольшие жилые кварталы, которые со временем стали основой для более крупных микрорайонов. Эти дома, несмотря на свою серость и однообразие, сыграли ключевую роль в решении жилищного кризиса, предоставив жилье тысячам семей, ранее ютившихся в коммунальных квартирах, бараках или временных постройках. Постановление 1969 года подчеркивало необходимость улучшения качества жилья, но на практике приоритет отдавался скорости и объему строительства, что отражалось в простоте и экономичности проектов. Статистика показывает, что в 1960–1969 годах в Оренбурге было построено 468 домов с 22 973 квартирами общей площадью 1 141 215 м², что указывает на интенсивное начало периода и подготовку к более масштабным работам в следующем десятилетии.

В начале 1970-х годов жилищное строительство в Оренбурге продолжало набирать обороты, что было напрямую связано с демографическими и экономическими изменениями в регионе. Население города выросло с 344 266 человек в 1970 году до 386 000 в 1973 году, что объяснялось развитием газовой промышленности после открытия Оренбургского газоконденсатного месторождения в 1966 году. Этот промышленный скачок привлек в город тысячи рабочих, инженеров и специалистов, многие из которых приезжали с семьями, что резко увеличило потребность в жилье. В этот период продолжалось использование серии 1-447, но власти начали внедрять более современные проекты, чтобы соответствовать требованиям постановления о повышении качества и разнообразия жилья. В Северном районе города стартовала застройка девятиэтажными домами серии 90, которые стали важным шагом вперед по сравнению с пятиэтажками. Дома серии 90, вероятно относящиеся к модификации 111-90, отличались большей вместимостью, улучшенной планировкой — изолированными комнатами, кухнями площадью 7–9 кв. м и лоджиями, что делало их более комфортными для семейного

проживания. Эти здания возводились из крупнопанельных конструкций, что сохраняло высокую скорость строительства, но при этом обеспечивало большую этажность и вместимость. Промышленные предприятия, особенно газовая отрасль, сыграли ключевую роль в этом процессе. Оренбургский газоперерабатывающий завод, ставший одним из флагманов экономики региона, привлекал тысячи рабочих, для которых строились дома в шаговой доступности от производственных объектов. В Северном районе в 1970–1973 годах сначала возводились жилые массивы, а затем постепенно подтягивалась социальная инфраструктура – школы, детские сады, поликлиники и магазины. Такой поэтапный подход иногда приводил к временным неудобствам для первых жильцов, например, из-за нехватки детских садов или магазинов вблизи домов, но в долгосрочной перспективе обеспечивал устойчивый рост района. В 1973 году в Оренбурге началось строительство 12-этажного здания на улице Советской – одного из первых высотных домов в городе, который должен был символизировать переход к более современной архитектуре. Однако из-за финансовых трудностей, организационных проблем и нехватки ресурсов проект был заморожен, став своего рода памятником амбициям, которые не удалось реализовать в полной мере. Этот случай иллюстрирует, что, несмотря на общий прогресс, отдельные проекты сталкивались с серьезными препятствиями, что было типично для советской строительной практики того времени. Данные за 1970-1979 годы показывают, что в Оренбурге было построено 639 домов с 55 241 квартирами общей площадью 2 961 811 м², что дает среднее значение около 86 квартир на дом, указывая на сочетание пяти- и девятиэтажных зданий в этот период.

К середине 1970-х годов жилищное строительство в Оренбурге перешло на новый уровень, характеризуемый более масштабными проектами и попытками улучшить качество жилья в соответствии с требованиями постановления 1969 года. Население города продолжало расти: с 400 000 человек в 1974 году до 458 747 в 1979 году, что отражало устойчивый приток рабочей силы, связанный с индустриализацией. Северный жилой район стал ключевым направлением застройки, превратившись в один из крупнейших жилых массивов Оренбурга. Здесь продолжали строить дома серии 90, которые уже зарекомендовали себя как надежное решение для массового строительства, но в 1977-1979 годах начали внедрять серию 121 – многоэтажные здания высотой 9-12 этажей с более просторными квартирами (до 4 комнат), кухнями площадью 8-10 кв. м и раздельными санузлами. Эти дома были ориентированы на растущее число многодетных семей, что отражало демографические изменения в городе: если в конце 1960-х годов жилье строилось преимущественно для одиноких рабочих или малых семей, то в 1970-х годах акцент сместился на более просторные квартиры для семей с детьми. Серия 121 [2] также предусматривала наличие лифтов и мусоропроводов, что соответствовало требованиям постановления о повышении удобств в жилых домах. Застройка велась поэтапно: сначала возводились жилые дома, а затем добавлялась социальная инфраструктура. Например, в Северном районе

открывались новые школы, детские сады и поликлиники, что делало его привлекательным для молодых семей, переезжающих в Оренбург из сельских районов или других регионов СССР. В это же время в Промышленном районе, образованном в 1965 году и включавшем микрорайоны Красный городок, Маяк и Подмаячный, жилье строилось с учетом потребностей местных машиностроительных заводов. Эти предприятия, модернизируясь в 1970-х годах, нуждались в притоке рабочей силы, что стимулировало их участие в создании жилого фонда. Заводы предоставляли строительные материалы, выделяли средства и координировали усилия с местными властями, чтобы ускорить темпы строительства. Однако качество жилья оставалось слабым местом: панельные дома серий 90 и 121 [2] страдали от низкой теплоизоляции, протечек и плохой звукоизоляции, что было типично для советского строительства, где скорость и объем часто превалировали над комфортом. Постановление 1969 года призывало к улучшению отделочных работ и внедрению новых материалов, но на практике эти изменения внедрялись медленно из-за централизованного распределения ресурсов и ограниченного финансирования. Среднее число квартир на дом в этот период – около 86 – указывает на то, что в застройке сочетались здания разной этажности, что позволяло гибко реагировать на растущий спрос [4].

В 1980-х годах жилищная политика в Оренбурге приобрела более стратегический характер, что было связано с дальнейшим ростом населения и попытками реализовать долгосрочные планы развития города. Население достигло 494 000 человек в 1982 году и 523 000 в 1985 году, что требовало освоения новых территорий для застройки. В 1985 году был принят Генеральный план развития Оренбурга, утвержденный Советом Министров РСФСР 2 августа 1985 года. Этот документ, разработанный Государственным институтом градостроительного проектирования «Гипрогор», предусматривал рост населения до 550 000 человек и определил новые направления строительства: продолжение застройки Северного района, освоение Северо-Восточного района и перспективные территории за Загородным шоссе и рекой Урал в районе Карачай. Если в 1960-х и 1970-х годах строительство велось для решения текущих задач, то в 1980-х годах власти начали думать о будущем. Серия 121 [2] стала доминирующей в новых микрорайонах благодаря своим улучшенным характеристикам. Например, в Северо-Восточном районе, начавшем формироваться в 1983-1985 годах, строились дома с просторными квартирами, лифтами и мусоропроводами, что соответствовало требованиям постановления 1969 года о повышении удобств. Планировалось создание зеленых зон, спортивных площадок и транспортных развязок, чтобы повысить качество жизни горожан. Однако реализация этих планов столкнулась с экономическими ограничениями конца советской эпохи. Экономический кризис, начавшийся в середине 1980-х годов, замедлил темпы строительства, особенно амбициозных проектов, таких как освоение Северо-Восточного района. В этот период начали появляться кирпичные дома серий 1-480 и 87-185А [2], которые отличались лучшей тепло- и звукоизоляцией, просторными

квартирами и высокими потолками. Однако их строительство было дорогостоящим и занимало больше времени, поэтому такие дома составляли меньшую долю жилого фонда и часто предназначались для руководящих работников или возводились в центральных районах города, например, на улице Гагарина. Постановление 1969 года подчеркивало необходимость использования долговечных материалов для отделки фасадов, таких как лицевой кирпич или декоративные бетоны, но в Оренбурге эти рекомендации применялись ограниченно из-за дефицита ресурсов и приоритета массовости. Данные за 1980–1989 годы показывают, что было построено 406 домов с 49 994 квартирами общей площадью 2 729 332 м², что дает среднее значение 123 квартиры на дом, отражая переход к более высоким зданиям с большей вместимостью.

К 1986 году население Оренбурга достигло 524 000 человек, увеличившись почти на 200 000 с 1969 года. За 17 лет значительная часть новых жителей получила жилье, что стало главным достижением жилищной политики этого периода. Северный и Северо-Восточный районы заложили основу современной структуры города, а дома серий 1-447, 90 и 121 [2] до сих пор составляют значительную часть жилого фонда Оренбурга. Однако вызовы оставались серьезными: нехватка ресурсов приводила к задержкам в строительстве, качество жилья страдало из-за приоритета скорости над комфортом, а социальная инфраструктура не всегда успевала за ростом населения. Экономические трудности 1980-х годов, усугубленные общим кризисом в СССР, затормозили реализацию амбициозных проектов, таких как освоение территорий за рекой Урал в районе Карачай, которые рассматривались как резерв для будущего расширения города. Роль промышленных предприятий в жилищном строительстве в Оренбурге в 1969-1986 годах нельзя недооценивать. В условиях плановой экономики крупные заводы и фабрики часто брали на себя социальные обязательства, включая обеспечение жильем своих сотрудников. В Оренбурге эта практика приобрела особое значение благодаря газовой промышленности, которая стала одной из ведущих отраслей региона после открытия Оренбургского газоконденсатного месторождения. Предприятия, такие как Оренбургский газоперерабатывающий завод, привлекали тысячи рабочих и специалистов, для которых требовалось жилье. Эти заводы участвовали в финансировании строительства, особенно вблизи своих производственных объектов или в новых микрорайонах, таких как Северный район. Например, газовики строили панельные дома для своих сотрудников, что позволяло одновременно решать задачи привлечения рабочей силы и улучшения их жизненных условий. Дома обычно возводились по типовым проектам и располагались так, чтобы минимизировать время на дорогу до работы, что повышало производительность труда. Кроме газовой отрасли, в строительстве участвовали машиностроительные заводы и предприятия легкой промышленности, особенно в Промышленном районе. Эти заводы, модернизируясь в 1970-х и 1980-х годах, нуждались в притоке рабочей силы, что стимулировало их вклад в создание жилого фонда. Они

предоставляли материалы, выделяли средства и координировали усилия с местными властями. Однако участие предприятий имело ограничения: ресурсы распределялись централизованно, и не всегда заводы могли получить достаточно финансирования или материалов. Качество жилья, построенного на их средства, часто оставляло желать лучшего, так как приоритет отдавался количеству, а не комфорту. Тем не менее, без вклада промышленности Оренбург не справился бы с наплывом новых жителей.

Демографические изменения в Оренбурге в 1969–1986 годах стали одним из главных факторов, определивших масштабы и направления жилищной политики. За этот период население города выросло с 326 000 человек в 1967 году до 524 000 в 1986 году [10], что составило прирост на 198 000 человек за 19 лет. Этот рост был обусловлен индустриализацией и урбанизацией, которые привлекали рабочую силу из сельских районов и других регионов СССР. Особенно заметное влияние оказала газовая промышленность: с конца 1960-х годов приток специалистов и рабочих с семьями создал огромную нагрузку на жилищный фонд. Например, с 344 266 человек в 1970 году население увеличилось до 458 747 в 1979 году, что демонстрирует, как быстро росла потребность в жилье. Северный район, начавший развиваться в 1970-х годах, стал ответом на эту потребность, предоставляя жилье для семей рабочих. Генеральный план 1985 года, ориентированный на рост до 550 000 человек, закрепил эту тенденцию, определив новые направления застройки. Демографический рост повлиял и на структуру жилья: в 1970-х и 1980-х годах начали строить дома с более просторными квартирами для семей с детьми, что отражало изменение состава населения. Социальная инфраструктура – школы, детские сады, поликлиники – стала важной частью новых микрорайонов, хотя ее развитие иногда отставало от темпов строительства жилья, что приводило к временным трудностям, таким как нехватка мест в детских садах или переполненность школ. Анализ домов, построенных в Оренбурге в 1969–1986 годах, показывает, что в городе использовались типовые серии, обеспечивавшие быстрое строительство, но имевшие свои недостатки. Серия 1-447 (пятиэтажки) была основой застройки конца 1960-х – начала 1970-х годов: железобетонные панели, небольшие квартиры (1–3 комнаты), кухни 5–6 кв. м, совмещенные санузлы, высота потолков 2,5 м, без лифтов. Преимущества – быстрота и низкая стоимость, недостатки – низкая тепло- и звукоизоляция, ограниченная доступность для пожилых. Серия 90 (девятиэтажки), появившаяся в 1970-х годах, предлагала улучшенные квартиры с лоджиями, лифтами и потолками 2,64 м, но сохраняла проблемы с теплоизоляцией. Серия 121 (9–12 этажей), внедренная в конце 1970-х – 1980-х годах, отличалась просторными квартирами и современными удобствами, но была дороже и сложнее в сборке. Кирпичные дома (1-480, 87-185А) [9] обеспечивали лучшее качество, но строились реже из-за высокой стоимости. Проблемы качества – протечки, трещины, плохая теплоизоляция – были распространены, что отражало общие тенденции советского строительства, где скорость превалировала над долговечностью.

Жилищное строительство в Оренбурге в 1969–1986 годах столкнулось с рядом вызовов: нехватка ресурсов, низкое качество жилья, отставание инфраструктуры и экономические ограничения конца советской эпохи. Экономический кризис 1980-х годов затормозил планы, такие как освоение территорий за рекой Урал, что отражало общесоюзные тенденции. Тем не менее, достижения были значительными: за 17 лет обеспечено жильем почти 200 000 новых жителей, заложив основу современной структуры города. Дома этого периода, несмотря на недостатки, сыграли ключевую роль в решении жилищного кризиса и остаются частью городской среды Оренбурга. Жилищная политика в Оренбурге в 1969–1986 годах отражала общесоюзные тенденции, с акцентом на массовое строительство и индустриализацию. Она обеспечила жильем тысячи семей, сформировав современный облик города, и стала важным элементом социально-экономического развития, демонстрируя эволюцию подходов от массовой застройки в 1969 году до стратегического планирования в 1985 году.

Список литературы

1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет Министров. О генеральном плане г. Оренбурга: постановление Совета Министров РСФСР от 2 авг. 1985 г. № 341.
2. Год постройки, серия и тип дома по адресу в Оренбурге [Электронный ресурс]. – URL: <https://dom.mingkh.ru/orenburgskaya-oblast/orenburg/> (дата обращения: 06.04.2025).
3. Иванов, А. В. Жилищная политика в СССР: 1960–1980-е годы / А. В. Иванов. – Москва: Наука, 2005. – 300 с.
4. Козлов, Н. И. Жилищное строительство в Оренбурге в 1970-е годы / Н. И. Козлов // Вопросы истории. – 2015. – № 4. – С. 45–58.
5. Лебедева, О. А. Роль промышленных предприятий в развитии жилищного фонда СССР / О. А. Лебедева // Экономическая история. – 2012. – № 3. – С. 78–92.
6. Народное хозяйство Оренбургской области за 1969–1986 гг.: статистический сборник. – Оренбург: Оренбургстат, 1987. – 150 с.
7. Петрова, С. М. Градостроительство и урбанизация в Оренбуржье / С. М. Петрова. – Оренбург: ОГУ, 2010. – 210 с.
8. Смирнов, В. П. История Оренбургской области в XX веке / В. П. Смирнов. – Оренбург: Печатный дом, 2008. – 400 с.
9. Типовые серии жилых домов [Электронный ресурс]. – URL: https://prawdom.ru/k_seria.php?d=progijskt_docs/s1-447.php&s=3&r=99050 (дата обращения: 06.04.2025).
10. Численность населения СССР и регионов (по данным переписей 1970, 1979, 1989 гг.). – Москва: Госкомстат, 1990.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ

Жайбалиева Л.Т., к. ист. н., доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Советская модель модернизации страны связана с форсированным строительством социализма, созданием новой командно-административной системы с целью достижения высоких темпов экономического развития. В 1928 г. сталинское руководство перешло к реализации плана форсированного строительства социализма, предусматривавшего индустриализацию, массовую коллективизацию (по ленинскому плану – кооперирование) сельского хозяйства и культурную революцию.

Целью индустриализации в СССР стала ликвидация отсталости экономики страны, по сравнению с развитыми странами Запада, в короткий временной период за счет крайнего напряжения материальных и людских ресурсов, а также создание милитаризованной экономики с преобладанием отраслей тяжелой промышленности.

Курс на социалистическую индустриализацию взят на XIV съезде ВКП(б), состоявшемся в декабре 1925 г., и осуществлялся в годы первых предвоенных «пятилеток». Приоритет отдавался тяжелой промышленности и ее ведущей отрасли – машиностроению. На основе индустриализации предусматривалось достижение нескольких целей: 1) реконструкция всех отраслей народного хозяйства; 2) укрепление обороноспособности страны; 3) обеспечение экономической независимости.

В стране утвердилась плановая экономика, при которой все материальные ресурсы находились в общественной собственности и распределялись централизованно в соответствии с жестким экономическим планированием. Для разработки планов количественных объемов производства на пять лет (так называемые пятилетки) был создан государственный орган – Госплан СССР, регулировавший экономику государства. Плановая установка превращалась в жесткую директиву. Плановыми заданиями на первую пятилетку (1928–1932 гг.) предлагалось увеличить промышленное производство по сравнению с 1928 г. почти в три раза, на вторую пятилетку (1933–1937 гг.) – в два раза от достигнутого в 1932 г. На третью пятилетку (1938–1942 гг.) намечалось новое удвоение промышленного производства.

Индустриализация предусматривала электрификацию промышленности, создание новых промышленных центров на Урале и в Сибири, в непосредственной близости к источникам сырья. Главная роль отводилась тяжелой промышленности – металлургии, химии, станкостроению и производству вооружений. Чтобы связать новые предприятия между собой, предусматривалось строительство крупных электростанций и транспортных магистралей.

В условиях Гражданской войны в 1920 г. принят план ГОЭЛРО – государственный план электрификации России. Это была программа создания в стране целой сети электростанций с целью обеспечения энергетической основы индустриального производства [1, с. 50]. План предполагал строительство в России в течение 10–15 лет 30 крупных электростанций. Часть плана ГОЭЛРО, предусматривавшая восстановление разрушенного энергетического хозяйства страны, оказалась выполненной уже в 1926 г. К 1931 г. перевыполнены все плановые показатели по энергостроительству. К 1935 г. советская энергетика вышла на уровень мировых стандартов и заняла третье (после США и Германии) место в мире.

Самыми значительными промышленными сооружениями первой пятилетки стали металлургический комбинат в г. Магнитогорске, крупнейшая электростанция на Днепре – ДнепроГЭС, Туркестано-Сибирская железная дорога (Турксиб), Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Ростовский завод сельскохозяйственных машин, Московский автомобильный завод. Созданные предприятия на Урале и Кузбассе, сформировали вторую промышленную базу на востоке страны, что сыграло важную роль в период Великой Отечественной войны [2, с. 106]. С самого начала на эти предприятия возложена задача выпуска как гражданской, так и военной техники. Для реализации проектов привлекались иностранные инвестиции и специалисты. За 12 довоенных лет (1928–1940 гг.) страна совершила беспрецедентный рывок по выпуску промышленной продукции. Вступили в строй около 9 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Производство электроэнергии возросло в 10 раз; добыча нефти увеличилась почти в 3 раза; выплавка чугуна возросла в 4 раза.

По абсолютным объемам производства СССР уже в 1937 г. вышел на первое место в Европе и на второе место в мире после США [6, с. 151]. Индустриализация страны обеспечила Советскому Союзу экономическую самостоятельность, создала условия для реконструкции всех отраслей народного хозяйства, укрепила обороноспособность страны.

Однако реализация этих грандиозных планов была невозможной без использования внутренних источников накопления, поскольку внешние были недоступны в силу враждебного отношения большинства развитых стран. Одним из важнейших источников индустриализации стало сельское хозяйство.

Следующим шагом стала пролетаризация деревни, осуществленная в форме коллективизации. Курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства взят на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. Проводимая на селе политика коллективизации преследовала ряд целей: увеличение экспорта зерна для обеспечения финансирования индустриализации, осуществление социалистических преобразований в деревне, обеспечение продовольственным снабжением быстрорастущих городов.

Коллективизацию можно разделить на четыре основных этапа: 1-й этап (1928–1929 гг.) – начало создания колхозов как формы производственной кооперации. Направление в села кадровых рабочих в количестве примерно 25 тыс. человек – «25-тысячников»; 2-й этап (1929–1932 гг.) – публикация статьи

И.В. Сталина «Год великого перелома...» и переход к «сплошной коллективизации». 3-й этап (1932–1933 гг.) – коллективизация в основных зерновых районах страны, сопровождавшаяся массовым голодом; 4-й этап (1934–1937 гг.) – завершение коллективизации по всей стране, в том числе в национальных республиках.

Поводом для проведения коллективизации стал продовольственный кризис, разразившийся в 1927–1928 гг., который не удалось быстро преодолеть. Крестьяне не желали сдавать хлеб по заниженной цене. Руководство страны объявило причинами кризиса неразвитое, несоциалистическое сельское хозяйство, несознательность крестьян и враждебные действия кулаков.

5 января 1930 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», инициировавшее форсированную коллективизацию. Предусматривались ускоренные темпы проведения коллективизации строго по графику, когда к намеченной дате необходимо обобществить определенное количество хозяйств в разных регионах страны. К весне 1931 г. коллективизацией были охвачены основные зерновые районы – Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ; к весне 1932 г. – Центральное Черноземье, Украина, Урал, Сибирь, Казахстан; к концу 1932 г. – остальные регионы СССР [4, с. 252].

30 января 1930 г. принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором поставлена задача уничтожения кулачества как класса. Начавшееся вслед за ним «раскулачивание» вызвало крестьянские восстания, в которых приняли участие более 700 тыс. человек.

Часть крестьян, особенно беднейшие слои, стремились к вступлению в колхозы, поскольку рассчитывали на поддержку односельчан. Других, прежде всего состоятельных, склоняли к вступлению в колхозы с помощью угроз и обещаний льгот. Раскулачиванию мог подвергнуться любой противник коллективизации. Списки кулаков обсуждались на собраниях деревенской бедноты, проверялись сельсоветах и утверждались районными исполнительными комитетами Советов депутатов трудящихся.

Весной 1930 г. начались антиколхозные крестьянские выступления. Крестьяне массово стали выходить из колхозов, ликвидировались созданные на бумаге хозяйства. В ответ на крестьянские волнения в газете «Правда» от 2 марта 1930 г. появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». В ней вся вина за «перегибы», в том числе насилие, допущенное при создании колхозов, возлагалась на местные власти, но сам принцип коллективизации оставался неизменным. Однако уже в феврале – марте 1931 г. власти вновь вернулись к насильственной коллективизации, прокатилась новая волна раскулачивания. После неурожая 1931–1932 гг. тысячи колхозников остались без семян, продовольствия и кормов, начинается голод в ряде районов страны.

Политика раскулачивания отменяла принятые ранее (1926 г.) советской властью законы об аренде земли и найме рабочей силы. Было запрещено принимать зажиточных крестьян в колхозы, чтобы не создавать условия для

вредительства. В течение 1930–1931 гг. выселено в отдаленные районы страны 381 тыс. крестьянских семей [3, с. 16].

Завершающий этап коллективизации начинается в июне 1934 г. В очередной раз повышены ставки сельскохозяйственного налога на единоличников – на 50 % увеличены объемы обязательных поставок государству по сравнению с колхозниками. К концу второй пятилетки в СССР обобществлено 93 % крестьянских хозяйств.

Однако в ходе коллективизации произошло снижение уровня развития сельскохозяйственного производства. Снизилось валовое производство зерна, поголовье крупного рогатого скота сократилось вдвое. Вместе с тем массовая коллективизация и раскрестьянивание привели к значительному изменению уклада жизни крестьянства. Многие сопротивлялись обобществлению, уничтожали поголовье скота. В образовавшихся колхозах не было подготовленной материальной базы для содержания большого количества скота. Ослаблены экономические стимулы развития сельскохозяйственного производства, произошло отчуждение крестьян от собственности и результатов своего труда.

Несмотря на то, что коллективизация проходила болезненно, при серьезных перегибах и ошибках в темпах и методах ее осуществления, она позволила создать продовольственный фонд, обеспечила промышленность дешевой рабочей силой, позволила наладить бесперебойные поставки продовольствия и сырья, что привело к экономическому развитию страны накануне и в период Великой Отечественной войны [5, с. 523].

В ходе массовой коллективизации директивное планирование и руководство распространились на аграрный сектор, а затем постепенно и на все народное хозяйство, на все общество. В центре разрабатывались и принимались пятилетние, годовые, квартальные планы, которые имели силу закона и подлежали неукоснительному исполнению. Они дополнялись директивами, решениями и указаниями.

Командно-директивные методы руководства сложились и в промышленности. Планы доводились до отраслей и отдельных предприятий. Это означало, что в конце 1920–1930-х гг. в СССР сложилась планово-распределительная экономика, в которой преобладали директивные и внеэкономические методы руководства, жесткая централизация управления. Дальнейшие попытки модернизации проходили уже в условиях существования советской и постсоветской системы.

Список литературы

1. Восканян, С.С. Политическое руководство СССР в условиях модернизационных вызовов // Общество: Политика. Экономика. Право. – 2017. – № 4. – С. 49–53.
2. Жайбалиева, Л.Т. История модернизации России (XVIII – начало XXI века) / Л.Т. Жайбалиева. – Оренбург: ОГУ, 2023. – 163 с.

3. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 304 с.

4. Ивницкий, Н.А. «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 249–297.

5. Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2018. – 565 с.

6. Пророков, А.Н. Особенности проведения индустриализации в Советском Союзе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 2. – С. 146–154.

РАЗВИТИЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СССР В 1950-1960-ЫХ ГОДАХ

Томина Е.Ф, к. пед. н., доцент, Куканов Г.А.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Маленков Г.М. и Берия Л.П. не могли игнорировать нарастающие экономические сложности, которые выразились в замедлении темпов роста национальной экономики и снижении уровня жизни. Они поддержали политику Хрущёва Н.С., направленную на улучшение благосостояния населения путём стимулирования производительности труда [1, С. 387]. Реформа, развития общественного питания. Постановление 1956 года предложенная новым руководством, предполагала решение ключевых экономических проблем, однако её реализация столкнулась с рядом трудностей.

В конце 1950-х - начале 1960-х годов в стране начались серьёзные перебои с поставками сырьевого продовольствия от министерства сельского хозяйства, вызвавшие дефицит муки на хлебозаводах. В магазинах выстраивались длинные очереди за хлебом и другими продуктами первой необходимости. Качество выпускаемых изделий также ухудшилось: производители начали добавлять в муку сою и горох. Ошибочные меры правительства в сельском хозяйстве привели к обострению хлебного кризиса, вынудившего правительство поднять государственные цены на основные продукты питания в 1962 году, включая молочные изделия, крупы и мясо. Более того, было введено ограничение на продажу хлеба: каждому покупателю разрешали приобретать лишь две буханки (2,1 Кг). Этот кризис стал результатом дисбаланса спроса и предложения на рынке продовольственных товаров [2].

В начале 1960-х годов уровень обеспеченности продовольствием снова упал до критической отметки, напоминая ситуацию первых послевоенных лет. Высокие цены и дефицит основных продуктов оказали негативное влияние на жизнь граждан, контрастируя с относительно благополучным периодом конца 1940-х - начала 1950-х годов, когда магазины были полны товаров. Политика Сталина, направленная на регулярное снижение цен, пользовалась огромной поддержкой населения, тогда как реформы Хрущёва реформа, развития общественного питания встретили сопротивление и непонимание со стороны общества [3].

Хотя к середине 1950-х годов экономика СССР практически восстановилась после разрушений Великой Отечественной войны, и наблюдался рост благосостояния граждан, последующие эксперименты руководства привели к нестабильности. Освоение целины, начатое в 1954 году, изначально обещало решить проблему нехватки зерна, но недостаток планирования и учета затрат обернулся проблемами. Вместо инвестиций в традиционные регионы производства хлеба, ресурсы были направлены на

освоение новых территорий, что в итоге привело к снижению общего объёма сельскохозяйственных угодий и сокращению поставок зерна.

Непродуманные меры Хрущёва, такие как увеличение налогового тарифа, на сельское хозяйство, запрет личных хозяйств, введение кукурузы вместо пшеницы и ликвидация «неперспективных» деревень, привели к ещё большему ухудшению ситуации. Убой скота ради выполнения планов по сдаче мяса государству, нехватка кормов и отсутствие необходимых ресурсов для ведения эффективного земледелия только усугубляли положение дел. Всё это создало предпосылки для дальнейшего углубления продовольственного кризиса. Семилетний план развития народного хозяйства СССР (1959-1965), представлявший собой расширенный 6-й пятилетний план (принят в 1959).

Необходимость решения ряда важнейших экономических проблем, выходящих за пределы принятого в 1956 шестого пятилетнего плана, заставили руководство страны принять семилетний план, одобренный XXI съездом КПСС (1959). Главными задачами семилетки провозглашались развитие производительных сил, подъём всех отраслей экономики, значительное повышение уровня жизни населения. Особое внимание уделялось развитию наиболее современных и высокотехнологичных производств. Большие средства выделялись также на реализацию сельскохозяйственной программы семилетки. Принятый в 1959 году, обещал ускорить темпы экономического роста и достичь уровня ведущих западных стран, однако амбициозность поставленных целей не соответствовала реальной экономической ситуации. Эти меры не смогли предотвратить ухудшение положения в аграрном секторе и в конечном счёте привели к дальнейшему росту социальной напряжённости. В начале 1960-х годов экономическая система Советского Союза, сформировавшаяся в 1930-е годы, демонстрировала противоречивые результаты. С одной стороны, страна достигла значительных успехов в индустриализации и развитии науки, появились новые промышленные направления, включая нефтехимию и электротехнику. С другой стороны экономика регрессировала от серьёзных дисбалансов: основная часть ресурсов направлялась в тяжёлую промышленность и добывающие отрасли, в то время как сельское хозяйство и лёгкая промышленность испытывали острую нехватку инвестиций.

Особенно остро стоял вопрос дефицита потребительских товаров. Парадоксально, но несмотря на обширные сельскохозяйственные угодья, СССР был вынужден импортировать зерно. К началу 1960-х годов темпы экономического роста начали снижаться, что отражалось на динамике национального дохода.

В пищевой промышленности наблюдались позитивные изменения. К началу 1970-х годов значительно возрос профессиональный уровень управленческого персонала: 60,4% руководителей предприятий и 92,2% управленцев трестов и контор общественного питания имели высшее или среднее специальное образование. Это способствовало внедрению новых технологий производства [4, с. 48].

В 1956 году пищевая промышленность включала 1472 совхоза и 291 откормочный пункт, которые не только обеспечивали промышленность сырьем, но и поставляли семена для колхозов и совхозов. Особенно важным было развитие специализированных свекловодческих совхозов, которые обеспечивали отрасль качественными семенами.

С конца 1950-х годов началось активное развитие географического размещения предприятий пищевой промышленности. Новые производства появились на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе и Дальнем Востоке.

Важным достижением стала интеграция науки и производства. В 1954 году на Московском заводе шампанских и виноградных вин было внедрено революционное для того времени непрерывное производство шампанского. За это достижение коллектив разработчиков получил Ленинскую премию в 1961 году.

В 1960-е годы была запущена продовольственная программа, направленная на расширение ассортимента кондитерских изделий. Владивостокская кондитерская фабрика, где в 1967 году разработали и начали выпускать конфеты «Птичье молоко» по уникальному рецепту технолога Анны Чулковой. Появились такие знаменитые продукты, как шоколад «Аленка» и конфеты «Птичье молоко» с уникальной рецептурой на основе агар-агара. Предприятия начали выпускать новые виды молочной продукции, включая кофе со сгущенным молоком и вареную сгущенку.

В период 1951-1955 годов была проведена масштабная модернизация пищевой промышленности: внедрялись механизация и автоматизация, устанавливалось новое технологическое и холодильное оборудование.

Таким образом, несмотря на определенные достижения в развитии пищевой промышленности, существовавшие технологические ограничения и диспропорции в развитии различных отраслей экономики сдерживали переход к интенсивному пути развития и требовали более глубоких преобразований в экономической системе страны.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов в стране возникли трудности с продовольственным снабжением из-за уменьшения количества муки на хлебозаводах. За хлебом и другими пищевыми товарами образовывались большие очереди в магазинах. Продовольственный кризис был следствием дисбаланса между спросом и предложением в области поставок продовольствия, а также непродуманных мероприятий правительства по освоению целины, ликвидации машинно-тракторных станций, ограничению приусадебных участков крестьян, увлечению посадками кукурузы, повышению сельскохозяйственного и подоходного налогов с селян.

Список литературы

1. Басков, Л. П. Системность в планировании общественного питания / Л.П. Басков. - М.: Экономика, 1983. - 120 с.

2. Цориева, И. Т. Продовольственное снабжение советского города в контексте повседневности конца 1940-1960-х гг. / И.Т. Цориева // Вестник Владикавказского научного центра. - 2017. - № 5. - С. 29-35.
3. Попов, В. П. Российская деревня после войны / В.П. Попов. - М.: Прометей, 1993. -204 с.
4. Родин, С. Г. Руководящие кадры торговли, их подготовка и повышение квалификации / С.Г. Родин // Советская торговля. - 1977. - № 1. - С. 44–62.
5. Бычков, В. Г. Совершенствование управления на базе новой технологии / В.Г. Бычков // Общественное питание. - 1977. - № 3. - С. 5–10.

РОЛЬ ОРГАНИЗОВАННОГО НАБОРА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В КОМПЛЕКТОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КАДРОВ УРАЛА И СИБИРИ В 30-Е ГОДЫ

Лыков А.В., к. ист. н., доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Организованный набор рабочей силы, проводившийся в 30-е годы в сельских районах страны, явился результатом острой потребности советской промышленности в трудовых ресурсах. Сельское хозяйство и промышленность – взаимодействующие сферы экономики, тесно связанные производственными и социальными отношениями. Отходничество крестьян в города в поисках сезонного заработка или постоянной работы существовало и в дореволюционный период. В числе прочих факторов оно стимулировалось имевшимся аграрным перенаселением. Крестьяне-отходники, получив постоянную работу, становились новыми горожанами, увеличивая население городов. Совершенно иной характер и возросшие масштабы приобрёл процесс отходничества крестьян в советский период.

Форсированная индустриализация, развернувшаяся в СССР к концу 20-х годов, потребовала сотен тысяч новых рабочих. Стоял вопрос и о создании накоплений для развития промышленности. Решение проблемы было найдено в осуществлении коллективизации сельского хозяйства. Массовая коллективизация конца 20-х – начала 30-х годов выступила продолжением политики индустриализации. Проведённая в форме экспроприации индивидуальных крестьянских хозяйств, коллективизация сформировала многомиллионную массу потенциально свободных от земли и материальной заинтересованности тружеников и создала дополнительные источники финансирования промышленности. Рынок индустриальной рабочей силы стремительно расширялся. Созданные колхозы оказались полностью подчинены государственной власти. Они, по образному выражению В.П. Данилова, попали в самое основание сталинской административной системы и стали объектом постоянной мобилизации человеческих и материальных ресурсов [1, с. 398].

На Урале и в Сибири – важнейших регионах индустриализации – строились и реконструировались десятки и сотни промышленных предприятий, среди которых числились такие гиганты как Челябинский тракторный завод, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Уральский завод тяжёлого машиностроения. При этом уральская индустриализация имела значительную специфику. Её принципиальное отличие от южнороссийской (и частично сибирской) индустриализации заключалось в том, что промышленное строительство пришлось разворачивать практически на голом месте, за пределами старых горнозаводских округов [2, с. 140]. Необходимо было

справиться с несколькими проблемами, среди них выделялись две – узость топливно-сырьевой базы и нехватка рабочих рук. Для Урала решение первой проблемы заключалось в доставке коксующегося угля (необходимого для выплавки чугуна) из Западной Сибири, а в более широком плане – создание Урало-Кузбасского производственного комплекса. Решение второй (общероссийской) проблемы виделось в стимулировании отходничества крестьян в города.

Процесс отходничества крестьян, мотивированных сплошной коллективизацией, был стихийным вплоть до лета 1931 г. Государство стремилось придать ему организованный характер, установив в июне 1931 г. льготы для крестьян, уходивших в города по договору с промышленными предприятиями. Это решение правительства («Об отходничестве») стало правовой основой организованного набора рабочей силы в деревне. На предприятиях и стройках создавался вербовочный аппарат для проведения этой работы. Ответственность за организованный набор рабочей силы в деревне возлагалась на местные органы власти – райисполкомы и сельсоветы. Применение политики оргнабора, практикуемого с 1930 г., стало следствием растущей потребности промышленности в трудовых ресурсах. Обращения руководителей промышленных предприятий к правительству возымели действие. Масштабы оргнабора рабочей силы в деревне стали возрастать. Только с 1 июля 1931 г. по 1 октября 1932 г. в сёлах Западной Сибири по договорам с колхозами, колхозниками и единоличниками было завербовано для промышленности, транспорта и строительства на постоянную и сезонную работу 106,6 тыс. человек [3, с. 105]. Несмотря на такой внушительный объём, организованный набор рабочей силы в сибирских сёлах в этот период значительно уступал самотёку крестьянского населения. В 1932 г. оргнабор в Западной Сибири дал только 36% пополнений промышленных кадров, но уже в следующем 1933 году он составил 86, а по Кузнецкому комбинату – более 91% всех новых рабочих [4, с. 245]. Тенденция к росту масштаба оргнабора рабочей силы в деревне действовала и на Урале при несколько иной картине пропорций между организованным и стихийным движением крестьян. Хотя уже с 1934 г. размах организованного набора в регионах Урала и Сибири начал снижаться. У этих противоречивых тенденций имелись свои причины.

На Урале численность крестьян-отходников за 1931 год заметно выросла. Только по сельхозартелям их число увеличилось с 148 тыс. человек на 1 января 1931 г. (17,2% ко всем трудоспособным колхозникам) до 424,8 тыс. человек на 1 января 1932 г. (26,7% всех колхозников). Причём большинство из них (338,5 тыс. человек) ушло в город организовано и лишь 86,3 тыс. – самотёком. Значительное число из этих крестьян-отходников (250 тыс.) закрепились на производстве и стали новыми рабочими [5, с. 382]. Данные, отражающие сложные социально-экономические процессы 30-х годов, могут быть противоречивыми и неполными. В частности, статистика не всегда проводит различие между крестьянами-единоличниками и членами сельхозартелей, находившимися в отходе. В 1931- 1932 гг. на предприятия Уральской области

(в границах бывших Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний) пришли 472 тыс. крестьян, ставших новыми рабочими. Это позволило на 70% выполнить план оргнабора 1932 г. в целом по Уралу и уменьшить острый дефицит рабочей силы в промышленности, строительстве и на транспорте [там же, с. 382, 449].

Следует учесть и такие обстоятельства. Крестьянское отходничество, преимущественно сезонное, в урало-сибирском регионе получило широкое распространение. В силу своего стихийного характера оно не могло стать надёжной формой комплектования промышленных кадров. Предприятия Урала первыми в стране, начиная с 1930 г., стали применять практику организованного набора рабочей силы на основе договоров с колхозами и крестьянами-единоличниками. Однако подавляющая часть крестьян - 60-80% из всех, числившихся с 1931 г. в организованном отходе, в городах поступила на предприятия самостоятельно, в соответствии с личными интересами, невзирая на условия договоров [6, с. 99]. Действительные планы вербовки при таких обстоятельствах предприятиями не выполнялись.

Поток крестьян в города резко усилился в результате голода, охватившего в 1932 – 1933 гг. зерновые районы страны, в том числе Южный Урал и некоторые районы Сибири. Правительство, спровоцировавшее этот голод, ответило на рост стихийного движения крестьян не только вооружёнными кордонами на дорогах, но и введением в декабре 1932 г. паспортной системы в городах и рабочих посёлках. Крестьяне паспортов не получали и должны были оставаться в деревне. Паспортизация, начатая в январе 1933 г., была направлена на сдерживание потока голодающих крестьян в переполненные города, на поддержание карточной системы распределения продуктов питания и промышленных товаров и смягчение предельно острого жилищного вопроса. Важнейшей социально-политической задачей считалась и чистка городов от нежелательных (классово чуждых и нетрудовых) элементов.

Следующей мерой в русле политики регулирования трудовых ресурсов стало постановление правительства (и ЦИК СССР) 17 марта 1933 г. о новом порядке отходничества из колхозов. Прежнее постановление (от 30 июня 1931 г.) отменялось. Льготы теперь предоставлялись только тем колхозникам, которые уходили в отход на основе индивидуальных, зарегистрированных в правлении колхоза договоров с хозорганами. Колхозников, ушедших в город самовольно, без договора, предписывалось лишать права на колхозные доходы и исключать из колхозов [7]. Цель этих мер очевидна: остановить стихийный крестьянский поток, а затем по плану брать из деревни столько рабочей силы, сколько потребуется промышленности.

К 1933 г. ресурсно-трудовая (и демографическая) ситуация в стране (и урало-сибирском регионе) коренным образом изменилась. Ускоренными темпами шёл процесс урбанизации. Темпы прироста городского населения Уральской области выросли с 15,1 % в 1929 г. до 29,3 % в 1931 г. В результате за пятилетку (1928– 1932 гг.) численность горожан увеличилась в 2 раза (а жителей области в 1,1 раза). Удельный вес горожан поднялся соответственно с 21,7 до 36,9%, что

значительно превышало общесоюзный (24,3 %) и общероссийский (25,1 %) уровни [8, с. 24, 25]. В Сибири удельный вес горожан за 1929 – 1932 гг. увеличился с 13,6 до 23,6% [4, с. 232]. Стремительно растущая нагрузка на инфраструктуру городов создавала серьёзные социальные проблемы. Прирост рабочих шёл опережающими темпами. Их число в промышленной сфере (включая строительство и транспорт) Урала (в пределах Уральской области, Башкирии и Удмуртии) выросло за пятилетку в 2,7 раза – с 343,4 тыс. до 929,2 тыс. человек, из них 337,7 тыс. (более 36%) это рабочие-строители [6, с. 98]. Похожая картина наблюдалась и в Сибири. Численность строительных рабочих там (вместе со служащими) возросла с 1928 г. (18,3 тыс.) почти в 14 раз и составила к концу пятилетки четверть миллиона. В последующие годы потребность в строительных рабочих уменьшалась и их число сократилось. Численность рабочих крупной промышленности в Западной Сибири ежегодно возрастала на 32,7 тыс. человек, в Восточной Сибири - на 19,6 тыс. и за пятилетку увеличилась (в целом по всей Сибири) более чем в 2,3 раза [4, с. 228, 230].

Вектор процесса урбанизации в условиях форсированной индустриализации менялся: развитие урало-сибирских городов шло теперь по пути формирования крупных центров вокруг промышленных гигантов. В 1933 (и частично 1934) году индустриальные центры Урала и Сибири оказались в ситуации демографического кризиса (или даже катастрофы), понеся значительные людские потери из-за массового притока мигрантов, плохого снабжения и масштабных эпидемий. Однако после устранения (или смягчения) некоторых последствий этих факторов тенденция роста урбанизации вновь возобладала. И главную роль в этом процессе по-прежнему играла внутренняя миграция - массовое перемещение сельского населения в города. Свой вклад в этот процесс вносил организованный набор рабочей силы.

Промышленный рост после кризиса 1933 г. требовал постоянного притока рабочих из деревни, хотя уже в несколько меньших масштабах по сравнению с предыдущими годами. Предприятия и стройки могли функционировать и успешно развиваться, только постоянно вербуя новых рабочих из крестьян. Хозяйственные объединения Урала и Сибири в годы второй пятилетки использовали организованный набор как средство регулирования притока рабочей силы в те отрасли промышленности и на предприятия, которые в данный момент больше всего в этом нуждались. В соответствии с директивами партийных органов приоритет в плано-организованном наборе рабочей силы отдавался самым важным индустриальным объектам. Предприятия и стройки, нуждавшиеся в рабочей силе, подавали заявки в краевые и областные отделы труда, которые определяли районы вербовки и выдавали наряды. Вся эта работа проходила под контролем партийных органов, обеспечивающих связь промышленных предприятий с сельскими районами. Райкомы партии обязаны были содействовать вербовке крестьян в колхозах.

По установленным правилам оргнабор должен был проводиться предприятиями в районах, имевших излишки рабочей силы. Уполномоченный

вербовщик, приехав в колхоз, должен был обсудить с председателем (и правлением) возможность вербовки колхозников, рассказать последним об условиях труда на предприятии и затем составить взаимовыгодный (трёхсторонний) договор. Колхозу при этом обещалась материально-техническая помощь услугами и сырьём (углём, трубами, стеклом, гвоздями и другими дефицитными товарами) [9, с. 115]. Однако так делалось далеко не всегда. Партийные документы (справки, резолюции, постановления) руководящих парторганов полны упреков и серьёзных замечаний в адрес администрации заводов по поводу слабой организации вербовочной работы на селе. Упреки сводились к тому, что у многих предприятий плохо работал вербовочный аппарат (у вербовщиков не доставало опыта), недостаточно изучались прикреплённые районы вербовки и наличие в них свободной рабочей силы. Нередко сами плановые органы, выдавая наряды на вербовку, исходили из интересов предприятий, а не сельских районов. Все помнили, что ещё в 1931 г. Сталин дал понять, что при столкновении интересов промышленности и колхозов верх должна брать промышленность. Предприятия, обременённые собственными проблемами, часто не выполняли своих обязательств технической помощи колхозам, выделявшим рабочую силу для оргнабора. Всё это вызывало обратную реакцию – сопротивление колхозов и сельсоветов вербовке рабочей силы в деревне.

Сильное сопротивление колхозов вербовке колхозников проявилось уже в 1929 – 1930 гг. На просьбы вербовщиков помочь строительству предприятий руководители колхозов отвечали, что у них своё строительство. В итоге вербовщикам приходилось платить колхозу большие деньги за дачу разрешения колхозникам на отъезд из деревни. Практика денежных выплат колхозам продолжилась и в последующие годы. Со своей стороны, каждый колхозник, подписав обязательство о прибытии на предприятие к определённом сроку, получал денежный аванс от вербовщика [там же, с. 107, 116]. Действия сельских руководителей легко понять: у них была слабая мотивация для того, чтобы отпускать в город трудоспособных работников, особенно во время посева или уборки урожая.

Разность интересов обобществлённого сельского хозяйства и промышленности часто приводила к ситуациям, представлявшим собой отклонение от «идеальной модели» организованного набора. Уполномоченные предприятий в процессе вербовки крестьян (причём вербовка, в конечном счете, была успешной) настаивали на заключении договора с колхозом, но колхозные правления отказывали в нём, не желая брать на себя никаких обязательств. Нарушения обязательств в годы второй пятилетки были и со стороны предприятий. Это и неокказание технической помощи колхозам, выделившим рабочую силу для оргнабора, это и невыполнение условий договора с завербованными колхозниками. Крестьяне, не имевшие промышленной квалификации, прибыв на место работы и столкнувшись с тяжёлым трудом, низким заработком, плохими жилищно-бытовыми условиями, нередко покидали производство. Их не могло остановить даже распоряжение прокурора СССР (от 14

августа 1933 г.), согласно которому колхозники и единоличники, самовольно ушедшие с предприятий в течение срока действия договора, подлежали привлечению к уголовной ответственности. Подобных нарушителей в 1933 – 1936 гг. было немало. Однако трудно приписать «злонамеренный характер неисполнения» договора (что требовалось для привлечения к ответственности) работникам, не получившим, к примеру, жилья, продуктовых и обеденных карточек. Распоряжение прокурора, вероятно, не применялось на практике (редкий случай в карательной политике сталинской административной системы) ещё и потому, что условия договора нарушали, как правило, обе стороны. Колхозы, в свою очередь, нарушали договор вербовки, отзывая колхозников с предприятий во время сева и уборки урожая.

Предприятия Урала и Сибири, расположенные вдалеке от ресурсов крестьянской рабочей силы, стремились снизить издержки организованного набора, вербуя большинство рабочих в городах и на железнодорожных станциях. Оргнабор в колхозах выступал здесь лишь дополнительным источником поступления рабочей силы. Такой подход к формированию кадров, по сообщениям Запсибкрайкома, Новосибирского и Кемеровского городских комитетов ВКП(б), был присущ в 1933 – 1935 гг. Сибметаллстрою (Новосибирск), Кемеровокомбинатстрою и ряду других предприятий. Среди последних имелись предприятия, которые брали на работу всех, кто пришёл на сборный пункт. В число завербованных такими методами попадали прогульщики, «летуны» и классово чуждые элементы, что вызывало сильнейшее раздражение партийных органов, требовавших от предприятий наладить подлинный оргнабор в деревне на основе постоянной хозяйственно-политической связи с колхозами.

Организованный набор рабочей силы в деревне, по замыслу партийно-советского руководства, должен был решать несколько важных задач (наряду с формированием кадров рабочих). Среди них выделялись две, первая – формирование промышленных коллективов без социально чуждых элементов и вторая – закрепление рабочих на производстве. Обе задачи решались с большим трудом. На протяжении второй пятилетки проходили периодические чистки всех крупных предприятий от социально чуждых элементов, сопровождавшиеся увольнением тысяч рабочих. Основанием для увольнения являлось, в первую очередь, социальное происхождение работников. При этом правила поступления на работу (требовавшие определённого набора справок) становились все более строгими. Но одновременно с этими чистками в урало-сибирский регион направлялись десятки и даже (с учётом предшествующего этапа) сотни тысяч «чуждых» элементов – спецпереселенцев-трудпоселенцев (не только бывших «кулаков» и «подкулачников», но и представителей других социальных групп) и заключённых ГУЛАГа, которые тысячами (и десятками тысяч) прикреплялись ко всем предприятиям-гигантам и другим важным промышленным объектам. Только в Уральской области к февралю 1932 г. оказалось более 467 тыс. спецпереселенцев (свыше 6% населения региона), из них более 171 тыс. в качестве рабочих были направлены на производство [2, с. 173; 10, с. 22]. Количество людей, представляемых в общественном мнении как «классово чуждые», «вредители», а затем и «враги народа», продолжало нарастать. В этих

условиях сформировать производственные коллективы, свободные от подобных категорий, при помощи оргнабора даже при «тщательном наблюдении за классовым отбором вербуемых», не представлялось возможным.

Решение второй задачи – закрепление кадров на производстве при помощи оргнабора – также оказалось проблематичным. Текучесть кадров в промышленности (особенно в годы первой пятилетки) имела огромные размеры. За 1930 год на строительство Челябинского тракторного завода прибыло 43 тыс. рабочих, а выбыло 38 тысяч. За лето состав рабочих сменился четыре раза, и к 1931 г. осталось чуть более 4,5 тыс. человек. Похожая картина была на строительстве Магнитки. Только за первое полугодие 1932 г. на площадку завода прибыло более 32,7 тыс., а убыло более 39,1 тыс. рабочих [2, с. 150-151, 173-174]. Во второй пятилетке размеры текучести кадров в промышленности несколько снижаются, но продолжают оставаться большими. На крупнейший в Сибири Кузнецкий металлургический завод в 1935 г. прибыло 23,4 тыс., а уволилось 22,3 тыс. рабочих (больше среднесписочного состава коллектива) [11, л. 13]. В параметрах такой текучести, часто превышавшей 100-процентную отметку, надеяться на закрепление кадров посредством организованного набора рабочей силы в деревне (ведь в договоре указывался срок работы на предприятии) было излишне.

Завербованные сельчане сами нуждались в закреплении на производстве. Обычно они использовались на подсобных работах, не требовавших промышленной квалификации, часто переводились с одного участка на другой. Не выдержав тяжести труда и бытовой неустроенности, они покидали предприятие, нарушив договор. Оргнабор не выступал действенным средством закрепления кадров, если не подкреплялся комплексными мерами по улучшению труда и быта и профессиональному обучению рабочих.

Организованному набору рабочей силы в деревне середины и второй половины 30-х годов были присущи те же недостатки и противоречия, что и прежде. Предприятия слабо изучали районы с ресурсами свободной рабочей силы в деревне и осуществляли вербовку, руководствуясь собственными интересами. В итоге в 1934 – 1936 гг. сельские власти нередко противились вербовке крестьян. Так было в ряде районов Сибири. Немецкий район в 1934 г. отказался выполнять задания крайплана по вербовке крестьян на шахты Кузбасса. Председатель Рубцовского райисполкома ввиду отсутствия излишков рабочей силы просил снять с района все наряды на вербовку. Однако Кузнецкстрой всё же завербовал и отправил из района более тысячи человек. Уполномоченные треста «Кузбассуголь» в 1935 и 1936 гг. вербовали крестьян в разгар сельскохозяйственных работ, что вызвало сопротивление руководителей ряда районов. Ижморский и Панкрушинский районы в 1935 г. вообще не разрешили вербовку в колхозах, а ряд других районов в 1935 и 1936 гг. тормозили вербовку до окончания уборки урожая, не выдавая крестьянам справки для получения паспортов. Несмотря на это трест «Кузбассуголь» успешно выполнил план вербовки 1936 года [12, л. 38; 13, л. 94].

Краевые партийно-советские органы, отстаивая интересы предприятий, стремились обеспечить вербовку крестьян в полном объёме и с неодобрением встречали заявления райисполкомов и сельских советов об отсутствии в колхозах излишков рабочей силы. Однако потребности промышленности в новых кадрах уменьшались, что вызвало в 1934 – 1936 гг. заметное сокращение масштаба оргнабора рабочей силы в деревне. К концу 30-х годов оргнабор в деревне в политике предприятий по комплектованию кадров рабочих играл уже незначительную роль.

Оргнабор в деревне был более значим для новых предприятий Урала и Сибири, расположенных вдалеке от ресурсов свободной рабочей силы, в сравнении с предприятиями, находившимися в густонаселённых районах Центральной России. В территориальном плане основным источником пополнения промышленных кадров выступило местное село. Крестьянство же явилось и основным социальным источником оргнабора. Из завербованных в 1930 - 1932 гг. в экономику Урала 570 тыс. крестьян подавляющее большинство, примерно 70%, пришлось на сельские районы Уральской области, остальные (около 170 тыс.) были завербованы в Западной и Иваново-Вознесенской областях, Татарской и Башкирской АССР, Средне-Волжском и Нижегородском краях, а также на Украине [6, с. 99]. Внутри урало-сибирского региона также существовало миграционное движение (как и миграционный обмен с другими областями страны). В частности, из всего прироста рабочих Сибири за 1934 год более 50% пришлось на местное население, 12,6% - на Дальневосточный край, а 8,3% - на Уральскую область [4, с. 243].

Массовая миграция сельского населения в города привела к уменьшению числа крестьянских хозяйств. Их количество за 1927 – 1933 гг., по подсчётам В.В. Филатова, уменьшилось в Уральской области в 3,7 раза, в Удмуртии – в 2,7 раза, в Башкирии – в 2,5 раза [14, с. 29]. В Западной Сибири за 1929 – 1932 гг. сельское население уменьшилось примерно на 517 тыс. человек, а с 1 октября 1934 г. по 1 июля 1937 г. количество крестьянских хозяйств сократилось ещё более чем на 200 тысяч [4, с. 244]. В итоге с середины 30-х годов во многих сельских районах Урала и Сибири ощущался дефицит рабочей силы, что в дальнейшем привело к хроническому отставанию аграрного сектора. Следует ли с учётом этого обстоятельства говорить о подрыве производительных сил советской деревни или точнее будет сказать о неэффективности сложившейся системы хозяйствования? Вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Организованный набор рабочей силы в деревне был составной частью политики формирования промышленных кадров. Вербовка сельчан не являлась долговременной экономической стратегией, это скорее комплекс оперативных мер, вызванных сложившейся в ходе форсированной индустриализации ситуацией в промышленности. Наиболее активное применение этих мер пришлось на последние годы первой и начало второй пятилеток. Оргнабор как один из инструментов сталинской административной системы, несмотря на

низкую экономическую эффективность, способствовал комплектованию кадров промышленных рабочих.

Его опыт показал, что одними административными методами решить кадровую проблему невозможно. Нужны и социально-экономические меры. Наряду с их применением сталинское руководство в 1938 – 1940 гг. сделало упор на традиционные в советской практике административно-правовые методы закрепления кадров на производстве. Опыт оргнабора рабочей силы не был забыт властями, он применялся и в последующие годы [см.: 15]. Что же касается рубежа 30 – 40-х годов, то к этому времени в промышленности Урала и Сибири всё же сложились хотя и социально неоднородные, но относительно стабильные трудовые коллективы (с невысокой долей кадровых рабочих), способные выполнять производственные задачи.

Список литературы

1. Данилов В. Коллективизация... // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель / Сост. В.А. Иванов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 355 – 400.
2. Южный Урал. Век двадцатый / И.В. Сибиряков и др. // История Южного Урала: в 8 т. Т. 8. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. — 432 с.
3. Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. - 300 с.
4. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Новосибирск: Наука, 1982. – 424 с.
5. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. – 640 с.
6. Постников С. П. Модернизация социальной структуры на рубеже 1920-1930-х гг. (на примере рабочего класса Урала) / С.П. Постников // Российская модернизация XIX-XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Алексеев. - Уфа: Восточный университет, 1997. - С. 98-114.
7. СЗ СССР. – 1933. – Отд. 1. - №21. – Ст. 116.
8. Журавлева В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: Историко-демографический анализ: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2016. - 36 с.
9. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 422 с.
10. Бакунин А. В. Некоторые теоретико-методологические аспекты развития производительных сил в период формирования советской общественно-экономической системы (на материалах Урала) // Вестник Челябинского университета. – 1991. - № 1. - С. 16-26.

11. НФ ГАКО (Новокузнецкий филиал государственного архива Кемеровской области). – Ф. 143. – Оп. 3. – Д. 171.
12. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области). – Ф. 177. – Оп. 5. – Д. 11.
13. ГАКО. – Ф. 177. – Оп. 12. – Д. 5.
14. Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. — 43 с.
15. Чернышева Н. В. Организованный набор рабочих на предприятия и стройки Урала, Сибири и Дальнего Востока в середине 1940-х – конце 1950-х гг. (на материалах Кировской области) // Вестник Томского государственного университета. - 2016. - № 407 (июнь). - С. 169-173.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР (ПОПЫТКА ПЕРИОДИЗАЦИИ)

Наточий В.В., к. полит. н., доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Проблематика, связанная с государственной культурной политикой, в последнее время вновь приобретает повышенную значимость, так как в настоящий период мы наблюдаем очередную смену ориентиров деятельности государства в этой области. На смену доминировавшим в течение трех предыдущих десятилетий либеральным ценностям и процветанию коммерческой модели культурной политики приходит модель, ориентированная на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей (не лишенная, впрочем, коммерческой составляющей). В этой связи обращение к советскому опыту реализации культурной политики представляется закономерным и обоснованным.

Несмотря на достаточно глубокую изученность различных аспектов культурной политики советского периода, комплексные работы, посвященные этапам ее развития, практически отсутствуют. В качестве примеров можно назвать только статью Ю.Е. Архангельского «Истоки и основные направления формирования культурной политики советского государства», опубликованную еще в 2010 году [1] и более позднюю (2024 года) статью А.Ф. Абдиримовой «Основные этапы и специфика советской культуры» [2], хотя в последней речь идет больше об этапах развития культуры, а не культурной политики. Большинство же публикаций на эту тему связаны с изучением отдельных периодов эволюции советской культурной политики.

Анализируя имеющиеся источники по выбранной теме, следует отметить, что в большинстве случаев их авторы в качестве основы выделения отдельных этапов развития культурной политики в СССР отталкиваются от периодов нахождения у власти того или иного лидера. В этом случае говорится о «ленинском», «сталинском», «хрущевском» и других этапах. Примером здесь может служить, в частности, статья А.Д. Бородая «Демократизация культурной жизни в советском обществе под воздействием «Хрущевской оттепели» [3, с. 73].

Отчасти с таким подходом к периодизации культурной политики можно согласиться – действительно, каждый новый советский руководитель партии и государства приносил что-то свое во взгляды на культуру, а, следовательно, и во взаимодействие государства с ней. Причем зачастую это предполагало радикальные изменения в приоритетах и целях культурной политики. С другой же стороны, жестко привязывать развитие культурной политики к руководителям страны не совсем корректно – в истории советского периода имели место случаи, что изменения в отношениях государства и культуры

происходили и в течение периода нахождения у власти одного и того же человека. Поэтому, как представляется, целесообразнее связывать эволюцию советской культурной политики не с конкретными лидерами, а с основными этапами развития самого государства.

При таком подходе к принципам периодизации культурной политики СССР можно говорить о восьми этапах ее развития.

Первый этап начался сразу же после октябрьских событий 1917 года, приведших к власти леворадикальную партию, видевшую в культурной политике мощный инструмент формирования «нужного» типа общественного сознания и отношения населения к власти. Можно с уверенностью утверждать, что именно с этого времени культурная политика превратилась в самостоятельное направление государственной политики. Начавшаяся после революции политической культурная революция имела своей целью построение социализма в советском государстве, а это было невозможно без существенного повышения культурного уровня трудящихся [4, с. 789]. Характерной чертой этого этапа являлось полное отрицание «буржуазного» культурного наследия и попытка создания абсолютной новой «пролетарской» культуры.

Еще одним признаком первого этапа является ярко выраженная массовизация культуры, стремление государства донести ее в простейшей форме до как можно большего количества людей – иллюстрацией этого признака является известная фраза В.И. Ленина – «из всех искусств для нас важнейшим является кино» (от себя добавим, кино – важнейший в тот период вид искусства, поскольку не требует грамотности, глубоких знаний и легко распространяется). Наконец, в качестве последней характеристики этого этапа следует отметить отсутствие специализированного государственного органа управления культурой; все вопросы управления этой сферой находились в ведении Народного комиссариата просвещения.

Окончание первого этапа и начало второго связано с окончанием Гражданской войны, отказом от политики «военного коммунизма» и переходом к НЭПу (1921 г.). В этот период происходит формирование органов партийно-государственного управления культурной жизнью – Агитпропа (отдел ЦК ВКП (б)), Главполитпросвета, Главлита (органа цензуры), что показывает постепенное огосударствление всей сферы культуры, постановку под жесткий контроль творческих работников и их произведений. Главным критерием оценки качества того или иного произведения становится соответствие официальной идеологии и генеральной линии правящей партии. В конце этого периода от деятелей культуры уже требуется безоговорочная поддержка и пропагандирование реализуемой государственной политики.

При этом для второго этапа еще характерны признаки некоторой свободы творческой деятельности, о чем свидетельствует существование большого количества негосударственных творческих объединений – в одной только Москве их насчитывалось более 30 [5, с. 60]. Еще продолжают публиковаться поэты и писатели, представлявшие дореволюционный «серебряный век»

русской литературы. Однако степень свободы творчества постепенно снижается и существование пока еще относительно свободных от государственного контроля творческих союзов сочетается с эмиграцией (порою вынужденной) части деятелей отечественной культуры.

Со сворачиванием НЭПа в 1928 году начинается третий этап в развитии советской культурной политики, продолжавшийся до 1941 года. Для этого этапа важнейшей чертой стало формирование ярко выраженной политизированной модели культурной политики, что напрямую было связано с процессами, происходящими в политической сфере жизни общества. Начавшиеся в конце 1920-х годов политические процессы («шахтинское дело», процессы Промпартии, Трудовой крестьянской партии, борьба с партийными «уклонами»), очевидно, стали своеобразными сигналами к запугиванию и подчинению творческой интеллигенции.

Именно в этот период было окончательно покончено с относительным культурным плюрализмом предыдущего этапа – в целях объединения творческих работников распускаются существовавшие ранее культурные объединения, вместо которых «сверху» создаются единые организации – Союз писателей, Союз художников, Союз композиторов и т.п. Эти организации представляли собой централизованные структуры, находившиеся под жестким государственным контролем. Вхождение в состав подобных организаций означало государственную поддержку творческой деятельности – помощь в публикации произведений, организации выставок, творческих встреч и т.д. С другой стороны, нахождение вне таких организаций или исключение из их рядов лишало творческого работника всех возможностей получения какой-либо помощи со стороны государства, а порою означало и репрессии.

Оценка культурной политики этого периода очень неоднозначна. Можно говорить о ее положительных чертах, выраженных в невиданной нигде доселе государственной поддержке деятелей культуры. Творческим работникам, обласканным властью, полагались персональные автомобили, бесплатные дачи и квартиры, им присваивались государственные звания и вручались государственные премии. На этом фоне налицо было резкое сужение границ творческой деятельности, всеобъемлющий контроль за деятелями культуры и их обязанность во всем следовать господствующей идеологии и идейно поддерживать правящую партию.

В качестве отдельного, четвертого, этапа развития культурной политики СССР представляется справедливым выделить культурную политику периода Великой Отечественной войны. Отличительной чертой этого этапа стала изменение стратегической цели культурной деятельности – теперь она заключалась не в идейном обосновании строительства коммунизма, а в достижении победы над врагами [6, с. 516]. Вероятно, именно это обусловило тот факт, что в содержании культурной политики этого периода отчетливо стали прослеживаться идеи патриотизма, любви к Родине и необходимости ее защиты (чего не было раньше, коммунизм – идеология интернациональная).

Пятый этап развития культурной политики охватывает послевоенный период с 1945 по 1953 годы. В целом его характеристики совпадают с чертами довоенного периода реализации культурной политики; единственными новшествами в плане государственного контроля за деятельностью творческих работников стали борьба с космополитизмом и ярко выраженный антисемитский характер проводимой политики.

Шестой этап связан со сменой политического руководства страны в 1953 году и обозначается как «хрущевская оттепель». В этот период основной чертой развития советского общества и государства, затронувшей в том числе и сферу культуры, стала относительная демократизация всех сторон общественной жизни.

В сфере культуры демократизация проявлялась в нескольких формах. Во-первых, это касается развития международного культурного сотрудничества и резкого увеличения количества художественно-литературных изданий. По данным А.Д. Бородая, в 1950-е годы было создано или возобновлено 28 литературных журналов и 7 альманахов, среди которых – журналы «Нева», «Юность», «Наш современник», «Молодая гвардия» и т.д. [3, с. 75]. Важнейшей же чертой этого периода, как представляется, стала публикация ряда художественных произведений, не в полной мере отвечавшей господствующей идеологии.

Таким образом, можно говорить о расширении свободы творческой деятельности работников культуры как главном признаке этого этапа. Однако этот факт ни в коей мере не говорит об ослаблении партийно-государственного контроля за процессами, происходившими в сфере культуры. Те результаты творческой деятельности, которые существенно противоречили господствовавшей идеологии, как и ранее, преследовались и уничтожались. Здесь достаточно вспомнить выставку авангардистов в Манеже в 1962 году, посещенную Н.С. Хрущевым и закрытую после этого посещения.

Следующий – седьмой – этап развития советской культурной политики оказался самым длительным и продолжался более 20 лет (1964-1985 гг.). Для него были характерны возврат к консервативным тенденциям в творческой деятельности и ограничение прежней относительной свободы творчества. Особенно усилились эти тенденции после «Пражской весны» 1968 года, когда советское руководство, очевидно, боясь повторения в Советском Союзе чехословацких событий, значительно усилило контроль за деятельностью творческих работников.

Именно в этот период в СССР возникает диссидентское движение, значительную часть членов которого составляли именно деятели культуры. Взгляды диссидентов существенно отличались от господствовавшей в обществе коммунистической идеологии, что уже само по себе делало их противниками существующего режима, который применял репрессивные методы по отношению к ним. В отличие от практики 1930-х годов эти методы не были связаны с лишением жизни или свободы, применялись иные формы – высылка

из страны, помещение в психиатрические больницы, отказ в публикации произведений и т.п.

Сами творческие работники, осознавая опасность оппозиционности существующей власти, стремились работать в русле господствовавших политических идей, что приводило к ситуации, когда прогрессивные произведения, часто не вписывавшиеся в существующие рамки, не тиражировались, зато активно публиковались, может быть, не очень талантливые произведения, соответствующие целям и задачам государственного развития.

Характерной чертой этого периода стало формирование феноменов «самиздата» и «магнитофонной культуры», когда официально запрещенные произведения поступали к потребителям культурных благ нелегальным путем. Наиболее часто употребляемый эпитет в отношении этих двух десятилетий – «застой» - хорошо подходит и для описания ситуации, сложившейся в сфере культуры.

Наконец, восьмой этап в развитии советской модели культурной политики охватывает последний период существования Советского Союза – 1985-1991 гг. На этом этапе очень хорошо прослеживается взаимосвязь между происходившими социально-политическими процессами и тенденциями развития культуры. Взятый в период перестройки курс на демократизацию всех сторон общественной жизни ярко отразился на состоянии культурной сферы. В этот период значительно ослабевает государственный контроль за происходящими культурными процессами, что приводит к значительной активизации творческой деятельности и появлению новых ее направлений. Это проявилось, в частности, в появлении большой группы произведений, в которых содержалась критика господствовавшей идеологии, деятельности КПСС, отдельных лидеров государства и партии; ставилась под сомнение правильность самого выбранного в 1917 году курса развития страны. Можно констатировать что деятели культуры и сама эта сфера внесла значительный вклад в перестройку и последовавший вслед за ней распад Советского Союза, подготовив идейную почву для этих событий.

Завершая, следует отметить, что развитие взаимоотношений политических институтов и культуры в советский период не было однолинейным процессом, навязываемые государством приоритеты и цели развития культуры периодически изменялись. Однако в целом, можно говорить о советской культурной политике как весьма своеобразном явлении, внесшим значительный и в основном положительный вклад в развитие культуры нашей страны.

Список литературы

1. Архангельский, Ю. Е. Истоки и основные направления формирования культурной политики советского государства / Ю. Е. Архангельский // Аналитика культурологии. – 2010. – № 18. – С. 2-13.

2. Абдиримова, А. Ф. Основные этапы и специфика советской культуры / А. Ф. Абдиримова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-1 (97). – С. 11-15.
3. Бородай, А. Д. Демократизация культурной жизни в советском обществе под воздействием «Хрущевской оттепели» / А. Д. Бородай // Вестник ГУУ. – 2012. – № 4. – С. 73-77.
4. Янборисов, М. Х. В. И. Ленин и доктринальные основы партийно-государственной политики в области культуры / М. Х. Янборисов // Вестник БашГУ. – 2012. – № 1. – С. 788-791.
5. Табейкина, Е. К. Культурная политика советской власти в 1920-1930-е годы / Е. К. Табейкина // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 5-6. – С. 59-62.
6. Глушакова, О. В. Государственная культурная политика в годы Великой Отечественной войны / О. В. Глушакова // Вестник Кемеровского государственного университета. – Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – № 4 (22). – С. 515-525.

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА В СФЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В ДВАДЦАТИЛЕТИЕ XXI В.

Петрищева М. В.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Одной из линий сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан является гуманитарная, включающая в себя ряд направлений, в том числе исследования по истории. Историческая наука занимает особое место в двусторонних межгосударственных отношениях.

Две страны имеют долгую общую историю. Пребывание Казахстана в качестве одной из республик в составе СССР создало общую научную базу и единую методологическую основу в научных исследованиях. После обретения Казахстаном независимости и установления дипломатических связей накопленный прошлый опыт оказал своё влияние. На этом фоне значение приобретают межгосударственные соглашения России и Казахстана, заключенные после 1991 г.

Последовательное согласование между двумя независимыми государствами документов о сотрудничестве, создало правовую базу двусторонних отношений в гуманитарной сфере. Ключевым является соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 28 марта 1994 г., в котором особое внимание уделяется тому, как государства, опираясь на многовековые культурные и духовные связи, будут продолжать сотрудничать. В Декларации о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие от 6 июля 1998 г., говорится о способствовании с обеих сторон развитию культуры, сохранению наследия и взаимодействия в гуманитарной сфере, в том числе в науке, культуре и образовании [16, с. 67].

В Казахстане на протяжении многих лет осуществляет свою работу Институт истории государства Республики Казахстан, который возглавлял Б. Г. Аяган. В мае 2010 г. институт заключил одно из первых международных соглашений в сфере исторической науки с Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ) [14]. В этой связи отметим труд директора Института истории государства РК Б. Г. Аягана «Россия - Казахстан: история взаимоотношений и современность» [2]. Работа в своей основе направлена на исследование общего прошлого. Каждая из глав книги затрагивает единство исторических процессов двух государств.

Наиболее значимым событием сотрудничества в сфере исторической науки стала договоренность о создании в 2018 г. совместной рабочей группы историков России и Казахстана. В этот же год прошло первое заседание. Данная экспертная площадка позволила развивать самые разные выставочные, образовательные, издательские и исследовательские проекты с участием ученых-историков двух стран, создавать институциональные организации и условия для

создания совместной научной и образовательной инфраструктуры, такие как летние школы, курсы повышения квалификации, стажировки и научные конференции [17].

При планировании создания рабочей группы уже были намечены общие проекты, к которым относятся окончательное утверждение и подписание Положения о Совместной рабочей группы историков Российской Федерации и Республики Казахстан и принятие плана работы на 2018 – 2019 гг. На 2018 г. было запланирована подготовка специального номера электронного журнала «История», тема номера – «Россия и Казахстан: вехи совместной истории», согласование структуры многотомного издания «История становления и развития российско-казахстанских отношений». На апрель-май 2019 г. было запланировано второе заседание Совместной рабочей группы историков в Москве и проведение международной научно-практической конференции «Ключевые вопросы истории российско-казахстанских отношений в начале XXI в.»

В апреле 2018 г. в институте всеобщей истории РАН прошла конференция «Оазисы Шелкового пути. Традиции духовных связей: исторические и современные аспекты», чуть позже была презентована книга «Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: к 100-летию доктора исторических наук Б. Х. Кармышевой». Следовательно, проделанная работа Институтом всеобщей истории РАН по исследованию Шелкового пути вылилась в реализацию совместной исследовательской работы учёных двух стран.

В мае 2019 г. состоялось второе заседание рабочей группы в Москве. В рамках этой встречи прошла международная научная конференция «В сердце Евразии: Россия и Казахстан на исторических перекрестках». Обмен мнениями и научные дискуссии развернулись в рамках круглого стола «Сакральная память народов Евразии» [4]. В том же году был выпущен электронный научно-образовательный журнал «История». В нём представлено множество статей учёных из разных городов, затрагивающие различные аспекты истории, археологии, этнологии, источниковедения, востоковедения и политологии двух стран [18].

В рамках заседания в Москве были подписаны Меморандумы о сотрудничестве между Институтом истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Институтом всеобщей истории РАН, и Российским государственным гуманитарным университетом.

Таким образом, двухлетняя деятельность рабочей группы историков дала свои результаты – это совместная работа по исследованию Шёлкового пути вылившаяся в публикацию двух сборников, заключение нескольких меморандумов о сотрудничестве и публикация номера журнала История, в котором были собраны статьи самых авторитетных учёных в археологии, этнологии, антропологии, исторической науке и исследователей архивов двух стран. Деятельность совместной рабочей группы стала неким обобщением более ранних исследований в истории, а также послужила толчком для дальнейшей плодотворной работы.

Говоря об исторической науке, отметим исследования в археологии, как отражение материальной составляющей этого направления. В этой сфере между научными сотрудниками двух государств ведётся активная работа.

С начала 2001 г. продолжаются раскопки городища Жайык в Западно-Казахстанской области, находящийся на расстоянии 11 км от Уральска. По материалам археологических раскопок 2012-2015 гг. была опубликована статья в соавторстве исследователя из России и из Казахстана, которые изучали материальную культуру городища Жайык [11].

Институт археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы) в 2017 г. активно занимался включением в транснациональную номинацию казахстанского участка Шелкового пути, а также включением городища Шымкент и городища Сайрам в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это послужило одной из причин заключения Институтом соглашений с Казанским (Приволжским) федеральным университетом (КФУ) [12]. Некоторые полевые работы были реализованы на основании Соглашений о научном сотрудничестве между Институтом археологии РАН и Институтом археологии им. А. Х. Маргулана, заключённых в 2019 г. [10]

В 2017 г. в Уральске прошла Международная конференция «Культурное наследие в российско-казахстанском приграничье», по итогам которой вышел сборник научных статей «Евразийский перекресток». Во многих исследованиях красной нитью проходила мысль, что тесное сотрудничество в изучении, охране, популяризации национального и общекультурного наследия имеют важное значение в приграничье [13].

Археологические раскопки довольно активно ведутся студентами вузов двух стран. Ещё в 2006 г. на базе отделения Археологии и кафедры археологии и этнографии Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (НГУ), была организована Сибирская археологическая полевая школа (САПШ). С 20 июня по 2 июля 2019 г. школа прошла в Восточно-Казахстанской области [3]. Основная тема — «Древности Великой Степи в потоке тысячелетий: инновации в методологии археологических и этнографических исследований». Значимость этой школы заключается в развитии научных и образовательных проектов между НГУ и Евразийским национальным университетом им. Л. Н. Гумилева (ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва). Новые методы в археологии, этнографии и этнологии стали важной составляющей программы полевой школы. К таким новым методам относятся: экспериментальные исследования, создание трехмерных моделей объектов историко-культурного наследия, использование цифровых методов фиксации археологических и этнографических материалов [15].

Историки Казахстана принимают участие в российских научных форумах, конференциях, конгрессах и круглых столах. На VIII конгрессе этнографов и антропологов России в 2009 г., в рамках первого симпозиума «Российские регионы: этнокультурная специфика и направления развития» выступили С. Е. Ажигали и Р. А. Бекназаров с докладом «Этнографическое памятниковедение (историческое и этнокультурное наследие Оренбуржья и

Казахстана)». На этом конгресс в качестве главной темы обсуждалась проблема «Границы и культуры».

О взаимодействия в сфере исторической науки говорили во время Дней Актюбинской области в Оренбурге. В апреле 2017 г. были достигнуты договоренности о проведении международной научной конференции «Перспективы взаимодействия ученых России и Казахстана в изучении общей истории» [7]. Конференция состоялась в июне того же года в Актюбинском региональном государственном университете им К. Жубанова [9]. Она охватила различные аспекты совместной истории двух государств. Помимо историков в ней приняли участие архивисты, которые говорили о фондах документов, связанных с различными вехами истории. Был поднят вопрос о значимости объективного взгляда на события и сокращения пространства для попыток фальсификации тех или иных исторических событий [1]. Материалы архивов часто становятся основой исторических исследований. В «Евразийском перекрёстке» несколько докладов было посвящено исследованиям, основу которых составили документы архивов двух стран [6].

В Москве в 2016 г., когда состоялось подписание Договора о социальном партнерстве между Архивом Президента Республики Казахстан и Российским государственным гуманитарным университетом, была высказана идея о создании ежегодного образовательного проекта при участии стран СНГ. Первая такая школа состоялась в 2017 г. в Алматы. В лекциях поднимались вопросы по теории и методике архивоведения и документоведения, управления электронными документами в делопроизводстве с учетом мирового опыта. Уже в третьей школе в 2019 г. были задействованы более ста специалистов по архивному делу. Весь процесс обучения сопровождался лекциями и практическими занятиями, в процессе которых учёные делились своим опытом и знаниями.

Работа в архивах активно ведётся исследователями из Казахстана. Ученые со всей страны, поддерживаемые государством, приезжают в Россию и другие страны, чтобы изучать документы по истории Казахстана. «Архив-2025» – семилетняя программа, в которую входят исследования казахстанских, российских и зарубежных архивов с древних времён и до современности. Задача специалистов собрать данные, конвертировать в цифровой формат, делая их доступными для всех заинтересованных экспертов и широкой общественности.

В рамках программы специальными группами востоковедов, историков, архивистов проводится поисково-исследовательский анализ. Работа проходит при системном и долгосрочном взаимодействии с архивами [5]. «Архив-2025» является логическим продолжением предшествующих государственных программ. С 2004 по 2009 гг. осуществлялась «Мәдени мұра» («Культурное наследие»), с 2013 по 2015 гг. «Халық тарих толқынында» («Народ в потоке истории»). Одним из результатов работы явилось издание около 50 томов истории Казахстана.

Вопросы общности исторического процесса были подняты в 2020 г. на международной экспертной площадке «История как общая память: российско-казахстанский диалог» [8]. От Казахстана в ней приняли участие представители научных учреждений городов Алматы, Нур-Султана и Петропавловска. От России — ведущие исследователи из Новосибирска и Томска. На экспертной площадке говорили о взаимодействии историков-профессионалов, о том, как поддерживать отношения, как осуществить наиболее продуктивное сотрудничество в науке и не допустить её использование в политических противостояниях.

В начале 2020 г. прошла международная научно-практическая конференция «XX век и модернизационные проекты на пространстве Евразии: российско-казахстанский диалог». Главным приоритетным вопросом этой конференции стало налаживание контактов историков-профессионалов и представителей гуманитарной общественности России и Казахстана. Значимость события заключалась в том, что было заключено несколько соглашений, к которым относится окончательное согласование Меморандумов о сотрудничестве между Институтом истории Сибирского Отделения РАН и Институтом истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (Алматы), подписано соглашение между Государственным архивом Новосибирской области и Институтом истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, а также между Гуманитарным институтом Новосибирского госуниверситета и Институтом истории государственного комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Нур-Султан)[4].

Казахстан в период с 2000 по 2020 г. активно вовлекался и вёл работу по сотрудничеству с Россией в самых разных сферах исторической науки, архивном деле и археологии. Создание совместной рабочей группы в 2018 г., является ещё одним доказательством заинтересованности казахстанской и российской сторон в углублении исследований исторического характера. В качестве материальной работы по истории произошло несколько крупных событий в области археологии. Помимо раскопок и найденных важных исторических артефактов, были проведены конференции, на которых ученые двух стран обсуждали собранные материалы, исследовали находки. По результатам работы были опубликованы сборники научных статей.

Казахстан и Россия крайне активно ведут деятельность по поиску документов, касающихся истории своих стран. Благодаря этой работе в архивах учёными было создано несколько научных трудов по истории Казахстана и России. Поэтому практически любая научная конференция по направлению истории, обязательно содержит статьи связанные с архивными источниками, документами, относящимися к совместному историческому прошлому. Более детально и углублено исследования ведутся на территории приграничных регионов.

Несмотря на сложности, возникшие после распада СССР, страны сумели сохранить историческую общность и двусторонние связи, а также построить отношения на принципах взаимовыгодного партнерства. Накопленный

исследовательский опыт и широкая полоса приграничья способствует укреплению и разнообразию форм взаимодействия двух стран. Благодаря уже существующим исследованиям реальна перспектива более плодотворного дальнейшего сотрудничества. У России и Казахстана есть реальные перспективы и хорошая база, чтобы вести коллективную исследовательскую работу.

Список литературы

1. Абусейтова М. Х. Историко-культурные взаимоотношения Казахстана и России: история и современность // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Выпуск 1 (75). URL: <https://history.jes.su/s207987840002556-0-1/> (дата обращения 09.03.2023)
2. Аяган, Б. Г. Россия – Казахстан: история взаимоотношений и современность: историко-хрестоматийный очерк / Институт истории государства МОН РК. - Алматы: Раритет, 2011. - 240 с.
3. В НГУ подвели итоги Сибирской археологической полевой школы 2019 // Новосибирский государственный университет. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/33sQXe> (дата обращения 09.03.2023)
4. Второе заседание Совместной рабочей группы историков Российской Федерации и Республики Казахстан // Институт всеобщей истории Российской академии наук. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/33sQAs> (дата обращения 09.03.2023)
5. Государственная программа «Архив – 2025» // Министерство науки и высшего образования республики Казахстан Институт востоковедения имени Р. Б. Сулейменова – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://shygystanu.kz/rus/archives/2064> (дата обращения 09.03.2023)
6. «Евразийский перекресток». Сборник материалов научно-практических мероприятий. Выпуск седьмой. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017. – 528 с.
7. Историки России и Казахстана готовы укреплять научное взаимодействие и переводить его в новые формы // «Берлек-Единство» Центр геополитических исследований – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/33sPr7> (дата обращения 09.03.2023)
8. Историки Казахстана и России укрепляют сотрудничество // Эхо Казахстана – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/33sQ4J> (дата обращения 09.03.2023)
9. Историки России и Казахстана укрепляют сотрудничество научных школ в изучении общей истории // Содружество народов Евразии. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/33sM7N> (дата обращения 09.03.2023)
10. Казахстанский палеолитический отряд // Институт Археологии РАН – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/347N2B> (дата обращения 09.03.2023)

11. Калменов М. Д., Ашығалиев Б. М. Материальная культура городища Жайык (по результатам археологических исследований 2012-2015 гг.) // Археология евразийских степей. 2022. №1. URL: <https://clck.ru/347TsS> (дата обращения 09.03.2023)
12. КФУ и казахстанский Институт археологии им А. Х. Маргулана стали партнерами в реализации проекта «Шелковый путь» // Казанский федеральный университет – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/347TrX>
13. Международная конференция «Культурное наследие в российско-казахстанском приграничье» // Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала – Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.osu.ru/sites/niisu/event_2017_12_20 (дата обращения 09.03.2023)
14. Международное сотрудничество. Института истории государства КН МОН РК // Институт истории государства – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://history-state.kz/ru/worldpartners/index.php> (дата обращения 09.03.2023)
15. НГУ открыл Международную Сибирскую полевую археологическую школу в Казахстане // Новосибирский государственный университет. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://clck.ru/33sQWG> (дата обращения 09.03.2023)
16. Резинкин, А. Ю. Правовое регулирование международного двустороннего и многостороннего научно-технического сотрудничества России и Казахстана // Российско-Азиатский правовой журнал, № 3 (2021), 66-74 с.
17. Состоялось первое заседание Совместной рабочей группы историков России и Казахстана // Российский государственный гуманитарный университет. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=258291> (дата обращения 09.03.2023)
18. Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Выпуск 1 (75). URL: <https://history.jes.su/s207987840002566-1-1/> (дата обращения 09.03.2023)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Поляков А. Н., к. ист. н., доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Тема восточнославянского и древнерусского язычества не теряет актуальности с XVIII века. Заметный след в её изучении оставили фольклорист А. Н. Афанасьев, филолог и этнограф Н. М. Гальковский, советские лингвисты и филологи В. В. Иванов и В. Н. Топоров. А. Н. Афанасьев написал большой труд, собрав воедино материалы славянского фольклора языческого происхождения [2, 3, 4]. Н. М. Гальковский опубликовал наиболее полную подборку поучений против двоеверия, содержащую разнообразные сведения о верованиях, обрядах и традициях восточных славян [7]. В. В. Иванов и В. Н. Топоров предприняли попытку реконструкции так называемого «основного мифа» о борьбе громовержца Перуна и его противника Волоса (Велеса), воспринятую многими исследователями как вполне обоснованную [9, 10].

Наибольшее влияние на представления о древнерусском язычестве оказали труды фольклориста и историка литературы Е. В. Аничкова и советского историка и археолога Б. А. Рыбакова. Е. В. Аничков считал религию восточных славян «сельскохозяйственной», населённой множеством всевозможных племенных божков, связанных с земледельческим укладом. Культ Перуна и других богов, известных летописи, по его мнению, появился в результате реформаторской деятельности князя Владимира. Первоначально, полагал он, Перун был родовым богом Игоревичей и стоял во дворе князя. Владимир сделал его сначала дружинным (то есть богом элиты), а затем и общегосударственным богом, заставив молиться ему всех восточных славян [1].

Б. А. Рыбаков доказывал глубокую, уходящую корнями в эпоху бронзы древность восточнославянских богов. В X веке, по его мнению, восточнославянское язычество было уже сложившейся системой со своими служителями культа. Реформу Владимира он рассматривал в качестве религиозно-идеологического явления, направленного против христианства. Суть реформы Б. А. Рыбаков видел в создании государственной религиозной идеологии, выраженной в языческом пантеоне во главе с Перуном. Киевская Русь конца X века казалась ему огромной языческой державой, обросшей капищами (или даже храмами) с деревянными и каменными кумирами и государственными языческими вакханалиями, включающими человеческие жертвоприношения [26].

Существенный вклад в решение проблемы древнерусского (восточнославянского) язычества внесли финский филолог, исследователь русского и финского фольклора Вильо Мансикка (1922 г., 2005 г.), польский историк Генрик Ловмянский (1979 г., 2003 г.), советский и российский археолог Л. С. Клейн (2004 г.). Вильо Мансикка подготовил и опубликовал в 1922 году критический обзор

основных источников о язычестве восточных славян на немецком языке (первое русское издание было сделано в 2005 году). По его мнению, сведения большинства письменных источников: летописей, поучений против двоеверия, «Слова о полку Игореве» и др. — отражают книжную традицию и имеют мало общего с действительной жизнью. Перун, по его мнению, был у славян персонификацией грозы и только под влиянием норманнов, которые перенесли на него черты Тора, приобрёл статус божества. Волос — византийский святой Власий, воспринятый восточными славянами в качестве бога. Дажьбог — библейский Саваоф, принятый славянами за бога солнца. Все остальные — или плод книжных заимствований (Велес, Хорс, Троян), или демоны, возведённые древнерусскими авторами в разряд богов (Мокошь, Стрибог) [14].

Генрик Ловмянский утверждал, что практически все славяне (за исключением балтийских) не достигли стадии развитого политеизма. Славянское язычество, в том числе восточнославянское, по его мнению, представляло собой полидоксию, увенчанную прототеизмом, то есть веру в магию, во всевозможных духов и демонов, обожествление объектов природы (солнца, луны, огня, родников, рощ, камней и т. п.) и поклонение небу, как верховному божеству (у восточных славян в виде Перуна) [13].

Л. С. Клейн в своём исследовании использовал новый источник — вайнахские легенды о демоне Пироне. Он подверг обстоятельной критике концепцию Б. А. Рыбакова и других сторонников развитого политеизма у восточных славян и пришёл к выводу, близкому концепциям Вильо Мансикки и Генрика Ловмянского. По мнению Л. С. Клейна, божеством восточных славян может считаться только Перун, которого он относит к разряду умирающих и воскресающих богов [11].

В целом развитие историографии восточнославянского (древнерусского) язычества напоминает движение по кругу. Представления о язычестве Древней Руси менялись, начиная от взглядов, провозглашавших убогость и примитивность языческих культов [28, с. 169], в сторону представлений о высоком уровне развития древнерусского язычества, предполагающего наличие сословия жрецов, иерархии богов и мифов. Этот этап в историографии вопроса приходится на вторую половину XX — начало XXI столетия и связан с выходом трудов Б. А. Рыбакова. Затем направление в историографии сменилось на противоположное и движется в настоящее время к изначальной идее. В этой связи оказались востребованными труды Вильо Мансикки и Генрика Ловмянского, появившиеся на свет ещё в XX веке.

Важным результатом длительной полемики по этому вопросу является исключительно предположительный характер восточнославянского пантеона. Развитой системы богов и мифологии (как в античной Греции) исследователям, независимо от их взглядов на уровень развития язычества, воссоздать не удаётся. Единственным бесспорным персонажем древнерусского язычества был и остаётся Перун, роль и значение которого колеблется от древнего божества неба до нового и навязанного населению в качестве княжеского и дружинного бога войны.

Многие исследователи увидели в скудости сведений о восточнославянском язычестве, прежде всего, источниковедческую проблему. Дело в том, что ни летописи, ни актовые документы, ни поучения против двоеверия, ни другие литературные произведения Древней Руси (включая «Слово о полку Игореве») не дают ясного и полного представления о религии восточных славян.

Летописцы стараются обходить эту тему стороной. Данных о язычестве восточных славян в летописях почти нет. «Повесть временных лет» содержит пересказ скреплённых клятвами Перуну и Волосу договоров Руси с греками [23, стб. 32]. Под 980 годом здесь рассказывается о «языческой реформе» Владимира, представившей Перуна главным божеством, окружённым целым семейством других богов (Хорсом, Дажьбогом, Стрибогом, Симарглом и Мокошью) [23, стб. 79]. В Ипатьевской летописи под 1114 годом есть фрагмент из хроники Иоанна Малалы, рассказывающий о египетских царях Свароге и Солнце-Дажьбоге (По мнению Вильо Мансикки, вставка сделана около 1262 года, то есть фактически при составлении Ипатьевского свода) [24, стб. 279; 14, с. 91]. Однако эти сведения лишь создают почву для всевозможных спекуляций, и не дают практически ничего основательного, на что можно опереться в процессе реконструкции язычества восточных славян. Реально мы имеем дело только с именами богов (в первом и втором случае) и переводом имён греческих богов (Гефеста и Гелиоса) — во втором. Всё остальное — плод исследовательских фантазий, предположений и домыслов.

Почуения против двоеверия сведений о богах не добавляют. Они содержат лишь списки теонимов в различных сочетаниях (какие-то ближе, какие-то дальше от перечня «Повести временных лет»). Основное же место в них уделено суевериям и обрядам языческого происхождения. Именно на это направлено острие гнева авторов, поучающих христиан «двоеверно живущих» [17, 20].

Не помогают и активные археологические исследования. Ни языческих храмов и святилищ, ни идолов, ни высокой культуры с ювелирными свидетельствами существования развитой языческой мифологии до сих пор не обнаружено. Известны лишь мелкие фигурки (домовые?), поддающиеся различным толкованиям, сомнительные артефакты (Збручский идол), спорные капища (Перынь под Новгородом, святилище Владимира в Киеве) [18, с. 271–282; 11, с. 160–182].

Обычным объяснением бедности источниковой базы древнерусского язычества является ссылка на существенные утраты в фонде источников и суровое отношение к языческому наследию со стороны православной Церкви. Смущает только удивительное единодушие источников разных видов и типов, хорошо и предметно знающих языческие суеверия и обряды восточных славян, и совсем не знающих или путающихся в восточнославянских богах, а порой и откровенно фантазирующих на эту тему. Может быть, дело не столько в утратах? Может быть, мы плохо знаем восточнославянское языческое наследие не потому, что православные книжники к нему были излишне суровы, а потому, что этого наследия просто не было? А если так, то представления об

основных чертах восточнославянского язычества и его влиянии на ход исторического развития после крещения Руси следует пересмотреть.

Панорама археологических культур VIII–X веков, принадлежащих восточным славянам, демонстрирует унылую и однообразную картину: гнёзда (группы) мелких неукреплённых или слабо укреплённых поселений, усыпанных небольшими подквадратными жилищами типа полуземлянки; бедный (в основном сельскохозяйственный) вещевой набор и полное отсутствие каких-либо следов имущественного и социального неравенства. Ко всему этому примыкают безинвентарные грунтовые или курганные могильники с обрядом сожжения на стороне [19, с. 170–172].

Несмотря на то, что многие исследователи пытаются подтянуть восточнославянское общество до уровня необходимого для подтверждения схем, которых они придерживаются (военной демократии или вождества), реально эта картина отражает, скорее всего, позднеродовое первобытное общество. Этому уровню соответствуют племенные культы, анимизм, фетишизм, персонификация и тому подобное. Об этом и сообщают самые разные источники.

Знаменитый византийский историк Прокопий из Кесарии, писавший в VI веке, отмечал, что славяне «считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. <...> Они почитают и нимф, и всякие другие божества, приносят в жертву всем им и при помощи этих жертв производят и гадания» [22, с. 297]. В силу авторитета Прокопия Кесарийского, как серьёзного и объективного автора, этому сообщению принято доверять. Предполагается, что Прокопий имел возможность получать сведения о славянах благодаря собственным впечатлениям и разговорам с военнопленными [13, с. 70]. Очень часто упомянутый им «бог-творец молний» отождествляется с Перуном, а нимфы с южнославянскими вилами или другими духами. Вместе с тем высказывались и скептические оценки сообщения Прокопия. В этом случае данное свидетельство представляется «гладко выточенной фразой в классическом стиле», на которую нельзя полагаться. Верховный бог славян считается списанным хорошо знающим античную мифологию Прокопием с греческого Зевса [13, с. 69].

Знал ли византийский историк о славянской религии со слов её носителей или, презирая варваров, посчитал достаточным описать их веру по аналогии с эллинской, сведения, которые он сообщает, во многом (не полностью) совпадают с данными, которые мы получаем из других источников, в том числе, фольклорных, стоящих от Прокопия Кесарийского на расстоянии более тысячи лет. Впрочем, ничего конкретного Прокопий о религиозных представлениях славян не сказал.

Устное творчество восточных славян из всех богов, упомянутых в письменных источниках, знает только Перуна и Мокошь. Известно белорусское сказание о Перуне, где он представлен небесным воином, держащим лук и стрелы [2, с. 247]. Часто встречаются указания на его оружие — «Перунова палица», «Перунова стрела», «Перунов камень», выражение «метать перуны» и проклятие, обращённое к нему — «чтоб тебя Перун убил» [2, с. 250, 251, 257; 16, с. 165;]. С

Мокошью связывается сказание о волшебной пряже мокошѣ, у которой были длинные руки и большая голова [8, с. 149–150, 153; 15, с. 169]. В ходу выражения «мокуша пряла», «а то мокоша спрядѣт», «мокуша остригла овец» [16, с. 167; 6, с. 134]. Знает этих персонажей и топонимия Восточной Европы (урочище «Перынь» под Новгородом, деревня «Мокшея» Новг. губ., урочище «Мокошино болото» в Белоруссии) [5, с. 339, 554; 8, с. 157]. Сведения об остальных богах древнерусских письменных источников в фольклоре и топонимии восточных славян представлены слабо или вовсе отсутствуют [20, с. 20–22].

Восточнославянский фольклор изобилует рассказами о различных духах — домовых, овиинниках, леших, водяных, кикиморах, шишигах, русалках и многих других. Известны такие персонажи, как Ярило, Купало, Кострома, Масленица. Праздники, которые они олицетворяют, явно связаны с языческой традицией и переполнены первобытным эротизмом, гаданиями, играми и тому подобными вольностями, неподобающими правоверным христианам.

Поражает огромное разнообразие всевозможных заговоров — любовные приворотные и отворотные, направленные против нечистой силы, от пьянства и порчи, охотничьи, рыболовные, воинские, против зубной боли и других болезней, от насекомых, бешеных собак, оборотней, лихих людей, даже от лягания коровы во время доения. До нас дошла масса оберегов и примет, связанных с языческими представлениями о природе [25].

Почитание камней, священных деревьев и рощ, вера в оборотней, колдунов и вампиров — живая действительность русской деревни даже в XIX веке [25]. Собиратели русского фольклора говорят о почитании Земли как живого существа. «...Русский народ-пахарь, — отмечает А. А. Коринфский, — дышащий одним дыханием с природою, исполнен к Матери-Сырой Земле истинно сыновней любви и почтительности» [12, с. 1]. Деревья и травы воспринимались народом как волосы земли, скалы как кости; корни деревьев как жилы; а реки и родники представлялись кровью [12, с. 13–14]. В заговорах Мать-Сыра Земля изображается источником достатка и образцом красоты. К ней обращались с просьбами о защите от бед и болезней. Её просили усмирить волнения в природе, успокоить ветры и метели, поглотить нечистые силы.

Судя по всему, в основе религиозных представлений восточных славян были два культа — природы и предков. Они обожествляли и персонифицировали солнце, луну, землю и ветер. Верили во всевозможных духов. Почитали священные деревья, рощи, камни, озёра, родники и т. п.

В числе богов древних славян, возможно, значился Перун, культ которого мог сложиться ещё в эпоху славянского единства (если верить Прокопию Кесарийскому). Почитание Перуна напоминает культ «племенного» бога, который обычно возникает на «высшей ступени варварства», на пороге цивилизации [29, с. 353]. После расселения славян в различных частях славянского мира Перун мог занять разное место. Где-то его могли почитать, как одного из главных богов, а где-то он мог затеряться среди прочих «племенных божеств» [11, с. 228].

Что касается восточных славян, дальше персонификации неба и грозы, мне кажется, он не ушёл. Об этом свидетельствует упоминание «перуна» в качестве синонима слову «небо». Оно встречается в одном из списков «Слова святого Афанасия, архиепископа Александрийского к Антиоху», который находится в рукописном сборнике конца XV века из собрания М. П. Погодина. На вопрос *«колка небесь есть?»*, который в других списках сопровождается ответом с подробным описанием состава небес, ответ здесь начинается фразой *«перунъ есть много»* [27, л. 75 об.]. В «Беседе трёх святителей» Перун назван одним из ангелов грозы (грома и молнии): *«Василий рече: еста ангела громная на не еленский старецъ Перунъ, Нахоръ [Хорс] есть жидовинъ. а два еста ангела молниина»* [21, с. 252]. В качестве синонима молнии он упоминается и в рукописи XVII века из собрания Пискарёва: *«... въ руках же держаше камен по подобию перуна палающен»* [7, с. 296]. Фигурирует Перун в этом значении и в фольклоре [2, с. 250]. Что касается других древнерусских богов, шансов быть полностью обоснованными у них практически нет [20, с. 20–22].

Думаю, не случайно древнерусские акты, посвящённые, помимо прочего, проблеме противодействия языческим обрядам (Церковный уставы Владимира и Ярослава), поклонения идолам славянских богов совершенно не замечают [14, с. 200]. Это тем более важно, если учесть, что уставы носили практический характер и не были направлены на пропаганду православия. Косвенно это говорит о том, что идолы появляются исключительно в трудах летописцев и других книжников, озабоченных борьбой с остатками язычества, и к реальности отношения не имеют.

Неразвитость восточнославянского язычества можно объяснить. Славяне Восточной Европы, не имевшие до прихода русов государства и социального расслоения, а значит и культурно обособленной элиты, в развитом многобожии не нуждались. Русь приняла православие на стадии становления цивилизации (государства и элитарной культуры) и поэтому выработать собственный набор языческих культов и систему многобожия, не успела, оказавшись под сильным влиянием христианского учения и византийских традиций, в том числе двоеверных [19, с. 207].

Таким образом, развитие дохристианской религии восточных славян, скорее всего, не пошло дальше первобытного язычества, представленного такими явлениями как персонификация, магия, анимизм и фетишизм. Наличие этого пласта религиозных представлений в Древней Руси и в более позднее время подкреплено значительной источниковой базой и никем из исследователей не подвергается сомнению. Пантеон из случайно подобранных богов, кочевавший из одного сочинения против двоеверия в другое, к реальной жизни восточных славян отношения, по всей видимости, не имеет. Споры, которые ведутся по поводу функций этих богов, плодотворными быть не могут.

Список литературы

1. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков; послесловие В. Я. Петрухина. М.: «Индрик», 2003. 440 с.
2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. М.: изд. К. Солдатенкова, 1865. Т. 1. 800 с.
3. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. М.: изд. К. Солдатенкова, 1868. Т. 2. 784 с.
4. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. М.: изд. К. Солдатенкова, 1869. Т. 3. 840 с.
5. Васильев, В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В. Л. Васильев. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
6. Волошина, Т. А. Языческая мифология славян / Т. А. Волошина, С. Н. Астапов. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. 448 с.
7. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе / Н. М. Гальковский. М.: Печатня А. Снегирёвой, 1913. 308 с.
8. Zubov, N. I. O teonime Mochoš / N. I. Zubov // Etimologičeskie issledovaniia. 1981. Vyp. 2. S. 149–160.
9. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. М.: Наука, 1974. 342 с.
10. Иванов, В. В. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (данные о Велесе в традициях северной Руси и вопросы критики письменных текстов) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 308. Труды по знаковым системам. Т. VI. Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1973. С. 46–82.
11. Клейн, Л. С. Воскрешение Перуна: к реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
12. Коринфский, А. А. Народная Русь / А. А. Коринфский. М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. 723 с.
13. Ловмянский, Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.) / Генрик Ловмянский; перевод с польского М. В. Ковальковой. СПб.: Академический проект, 2003. 512 с.
14. Мансикка, В. Й. Религия восточных славян / В. Й. Мансикка; подготовка текста, вст. ст., комм. А. И. Алиев, В. Я. Петрухин, С. М. Толстая. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2005. 368 с.
15. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1988. 719 с.
16. Очерки истории культуры славян / ред. В. К. Волков, В. Я. Петрухин, А. И. Рогов и др. М.: «Индрик», 1996. 463 с.
17. Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т. Т. 1. Домонгольский период / сост., авт. вст. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 688 с.
18. Петрухин, В. Я. Русь языческая и христианская: историко-археологические очерки / В. Я. Петрухин. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2019. 608 с.

19. Поляков, А. Н. Образование Киевской Руси / А. Н. Поляков. Оренбург: ОГУ, 2020. 254 с.
20. Поляков, А. Н. Проблема двоеверия в истории древней Руси / А. Н. Поляков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2025. № 2/2. С. 17–26.
21. Православный собеседник. 1861. Часть 1.
22. Прокопий из Кесарии. Война с готами / отв. ред. академ. Е. А. Косминский; перевод с греч. С. П. Кондратьева; вст. ст. З. В. Удальцовой. М.: изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
23. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
24. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
25. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Зыбылиным. М.: Изд.-е книпрод. М. Березина, 1880. 616 с.
26. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1988. 783 с.
27. Слово святого Афанасия, архиепископа Александрийского к Антиоху // Сборник учительный и толковый (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 588-Погодин М. П. Оп. 2. Шифр. Погод. 967)
28. Соловьёв, С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времён. Т. 1–2 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. 797 с.
29. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Попов В.Б., к. ист. н.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Работа посвящена одному из наиболее актуальных вопросов современного российского общества, относящаяся к гуманизации судопроизводства и поискам правовых источников, обеспечивших зарождение института обжалования судебных решений. Подобная проблематика имеет не только научный, но и социально-значимый потенциал, так как решение подобных задач приводит к пониманию и переосмыслению важнейших элементов взаимодействия власти и современного социума. Автором проанализированы различные правовые памятники и сделан вывод о том, что к важным источникам формирования современного законодательства, относятся развитие институтов частной собственности, морально-нравственные ценности нашего общества, которые поэтапно концентрировались в различных правовых документах и сборниках, основой которых стали Новгородская и Псковская судные грамоты.

Оригинальность Новгородско-Псковского правового пространства, где существовало разграничение княжеского и вечевого судопроизводства, исподволь создавало условия для пересмотра определений нижестоящей в вышестоящую инстанцию. Формирование подобной структуры, вероятно, послужило предпосылкой возникновения института обжалования, важнейшего правового социального учреждения на пути зарождения гражданского общества. Само по себе это явление - уникальный прецедент потенции создания подлинно правового государства на пространстве пропитанного духом ордынского владычества.

Мнения относительно зарождения учреждений пересмотра судебных решений в правовом поле России, поднимаемые современной историографией, достаточно разнообразны. Рассматривая ранние законодательные акты Древней Руси, начиная от правды Ярослава до Устава Ярославичей и Владимира Мономаха, большая часть исследователей приходит к выводу о том, что в Киевском государстве не существовало апелляционных или кассационных инстанций, так как в указанных документах не содержится никаких постановлений о повторном рассмотрении дела по жалобе недовольной стороны. Также обращают внимание на то, что приговоры суда после их вынесения подлежали исполнению, и правильность таких решений под сомнение не ставилась. Но это не означает, утверждает известный исследователь, основоположник учебного предмета «История государства и права» Серафим Владимирович Юшков, что князья не принимали жалобы на действия своих судей – посадников и волостелей: разбирая жалобы этого рода, князь вынужден был пересматривать дело заново, по существу. Таким образом,

полагает ученый, де-факто институт имел место уже в период Киевской Руси [11, С.132]. Здесь также нужно подчеркнуть, что древнерусское законодательство - свидетельство высокого уровня общественных отношений и культуры славян. На Руси уже в то время была развитая письменность, организованная государственная жизнь в таких же формах, как в период раннего средневековья в Западной Европе, что опровергало версии об отсталости древнерусского общества и предполагало аналогичное становление правовых институтов. Позднее они перерабатывались в связи с изменением социально-экономических условий, но, тем не менее, Русская Правда может считаться основой удельного или раннесредневекового правотворчества, в том числе фундаментом апелляционных инстанций.

Между тем, историки права, в вопросе о происхождении института обжалования, обращаются к Псковской и Новгородской судным грамотам [2, с.19]. При рассмотрении данных правовых памятников, необходимо отметить, что в Пскове и Новгороде сложилась не характерная для Руси форма правления - Республика. Складывание подобного государства, с элементами выборности власти, одно из следствий удельной раздробленности, хронологически выделяемой с 1132 года (момента смерти князя Мстислава Великого). Еще одним важным фактором явилось, то, что основным экономическим ресурсом здесь становиться капитал, а не земля и, следовательно, иные социальные отношения. Действительно, в отличие от классического традиционного общества, что сформировалось на осколках раздробленной Киевской Руси, в Великом Новгороде и Пскове отсутствовали предпосылки крепостного права, наличествовала международная торговля и те правовые отношения, что ею порождались. Неслучайно, в силу начавшейся обособленности, Киевские земли не восприняли подобные изменения и, соответственно, вектор данного развития не получил общерусского значения, став Новгородским правовым эксклюзивом. Именно республиканская форма правления, развитие торговли, правовой протекции предпринимательства и частной собственности, позволили Новгороду и Пскову доминировать цивилизационно, в отличие от удельных русских княжеств, где постепенно отмирала всякая выборность (последнего тысяцкого – Ивана Вельяминова, казнил Дмитрий Донской) и начала, в период ордынской зависимости, формироваться абсолютная монархия с элементами восточной деспотии. Подобная ситуация свидетельствовала, на наш взгляд, о социальной деградации и не способствовала развитию правовых институтов обладающих важной общественной ценностью. Действительно, требования к судебному определению, так или иначе, ориентированы на защиту основополагающих социокультурных ценностей, к которым традиционно относят достоинство, честь, благополучие человека, а сам судебный вердикт являет собой выражение защиты прав и свобод, как высшей формы справедливости. При этом каждый приговор суда порождает вопросы в аксиологической составляющей данных определений с позиции ценности самого права. К ним относятся, в том числе, объективность, равенство, свобода, стабильность и в, конечном итоге, возможность обжалования судебных

решений, что является ключевой составляющей любого приговора и постановления, как общественное отстаивание одной из главных ценностей – справедливости. Разумеется, подобная категория не может полноценно развиваться в государстве деспотического типа, к коим относилось набирающее силу Московское княжество.

Каковы же истоки формирования опротестования судебных решений? На наш взгляд, как уже упомянуто выше, развитие правовых институтов, в том числе обжалования, Великого Новгорода тесным образом связано с развитием торговли, в том числе международной, которую вела эта «боярская» республика и, в конечном итоге, институтов частной собственности. В рамках новгородско-ганзейских торговых договоров, первый из которых датируется 1189 годом (начало периода фактической независимости этого государства), происходит становление правовых отношений в русле тех, что уже сформировались в Европе. Любопытно, что торговые связи здесь практически не рассматривались, хотя данные правовые акты считаются одними из первых, заключенных на подобном уровне [6, с.154]. Основные положения здесь касались норм уголовно-правового характера. Очевидно, что данная ситуация возникла вследствие отсутствия необходимости правового регулирования торговли, так как экономические отношения уже сложились и регламентировались [5, с.18].

Данное соглашение было прогрессивным вектором развития Новгородского права, так как определяло правовые стороны жизни людей, которые наиболее часто вызывали конфликты - связанные с наказанием виновных. В договоре также существует любопытный постскрипtum, смысл которого кратко можно свести к тому, что соглашение не надо перезаключать в случае смены властей [6, с.156].

Действительно в Европе, где возник Ганзейский торговый союз - крупное политическое и экономическое объединение торговых городов, законодательство, основанное на Римском праве и разделении власти политической и вещной было более прогрессивным, нежели то, что предлагалось Московским княжеством, густо замешанном на Великой Яссе Чингисхана. Неслучайно, при составлении Судебников 1497 и 1550 гг. нормы, заимствованные из Русской Правды, Новгородской и Псковской судных грамот, предельно адаптировались к сложившемуся правосознанию и юридическому быту складывающегося централизованного государства. Таким образом, по мнению большинства исследователей, получила распространение негативная оценка Судебника 1497 г [3, с. 140; 4, с.168]. В целом, их точка зрения сводилась к тому, что создатели Судебника просто стянули в одно целое законодательные акты, разведенные по отдельным грамотам, не пользуясь «живым, обычным правом», что свидетельствовало о невысоком уровне московских кодификаторов. По мнению известного русского историка права Николая Львовича Дювернуа, Судебник Ивана III характеризуется бедностью содержания. Он не только не обогатил русское право, но и стал шагом назад по сравнению с Русской Правдой [4, с.74].

Хронологически же появление возможности пересмотра судебных решений относится к созданию Новгородской судной грамоты, в силу того что согласно многим данным, Псковская грамота вторична. Так, историки обращают внимание на расхождение в датах принятия данного правового сборника, возможно, по вине переписчика. [10, с.7]. Большая часть исследователей предполагает вероятной датой появления Псковской Грамоты 1467 год [4, с.74; 5, с.80]. При этом, известно, что Новгородская судная грамота была составлена в 1456 году, а в 1471 году была переписана от имени Великого князя московского Ивана III Васильевича. Первоначальный текст ее был утвержден на общем Новгородском вече, в период противостояния с Московским княжеством. Ситуация способствовала определенной правовой узурпации со стороны новгородских привилегированных сословий, когда при внешнем равенстве голосов вердикт выносился с учетом мнения более авторитетного меньшинства. Как защита от подобного рода нарушений и была составлена Новгородская судная грамота. Исследователь В.В. Сидоров высказывает мнение о том, что князь являлся последней инстанцией в судебном разбирательстве, согласно статьям второй Псковской Судной грамоты, а потому именно этот законодательный свод, является отправной точкой в деле зарождения института обжалования судебных определений [9, с.83]. В то же время, первичность появления правового пересмотра судебных решений в Новгородской судной грамоте, подтверждается более конкретными, на наш взгляд, фактами. Так в разделе «Суд докладчиков» содержатся правовые положения, которые освещают процессуальные моменты рассмотрения дела, включая его ревизию или «пересуд», а указанное существование двух судебных инстанций, дополнительно подтверждает возможность апелляционного обжалования решений нижнего суда. На это, в частности, указывал известный исследователь русского права XIX в., археолог Дмитрий Яковлевич Самоквасов [8, с.166]. Итак, наиболее близкой по смыслу к современному понятию обжалования является «пересуд» – проверка судебных актов апелляционной инстанцией, по обращению истца или обеими сторонами разбирательства. Данное правовое положение, было впервые закреплено в Новгородской Судной грамоте [8, с.245]. Здесь также была определена последовательность кассации по «челобитью» участников процесса. В отличие от ситуации, когда дело поступало на рассмотрение вышестоящей инстанции независимо от желания сторон, апелляция следовала только по прошению истца или ответчика и могла быть аннулирована, если во время «существенного» изложения обе стороны признавали правильность ведения протокола заседания.

Таким образом, обжалование осуществлялось согласно волеизъявлению сторон, правда, не по всем делам, а лишь в тех случаях, когда один из участников судебного разбирательства подвергнет сомнению протокол судебного заседания, указывая на явные процессуальные или процедурные нарушения. В то же время по малозначимым делам ревизия судебных определений не предполагалась [8, с. 766-767]. В случае обжалования лицо, призванное виновным, оплачивало судебные издержки в пользу государства.

Стоит отметить, что обжалование часто определяется лишь как судебная пошлина, а не ревизия всего дела. Неправильность такого восприятия отмечена несколькими исследованиями Судебника [2, с. 292; 8, с.116].

В Судебнике Ивана IV, принятом позднее, основывающемся на положениях Судебника 1497 г., в связи с увеличением числа земельных споров и изменением правового положения холопов в статье № 51 были расширены пределы права на обжалование. Апелляция предоставлялось также по искам о холопах и земле. То есть обжалование приняло сословно-экономический характер. Функции апелляционной инстанции оказались в ведении Великого князя и Боярской думы. Интересно отметить, что жалобы участников судебного разбирательства понимались, как обвинение самого судьи в процессуальных ошибках и имели вид внутрисудебного разбирательства, а не взаимных тяжб сторон. Подобное свидетельствует о деградации данного социального института, по сравнению с Новгородскими правовыми положениями. Неслучайно, говоря о Судебнике 1497 года, С.В. Юшков, подчеркивал, что «этот памятник права нельзя воспринимать как свод законодательного материала периода феодальной раздробленности, он отражает «черты нового экономического и социально-политического строя» [11, с. 234].

Несмотря на существенную ревизию правовых положений Новгородских и Псковских судных грамот, состоявшиеся в Московском государстве в XV-XVI определения на обжалование судебных решений сохраняются вплоть до XIXв. [11, с. 189]

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время: развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. / Ю. Г. Алексеев; АН СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отделение; под ред. Н. Е. Носова. - Ленинград: Наука, Ленинград. отд-ние, 1980. - 243 с.

2. Обзор истории русского права / Владимирский-Буданов М.Ф.; Науч. ред.: Глазычев А.Л., Уткин А.И., Филиппов А.Ф., Хестанов Р.З. - М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2005. - 800 с.

3. Дьяконов М. А. Власть московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. / [соч.] М. Дьяконова. - С.-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. -VI, 224 с.

4. Дювернуа, Н. Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н. Л. Дювернуа. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 362 с.

5. Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X-XIV вв. / Рыбина Е. А. — М.: Изд-во МГУ, 1978. - 167 с.

6. Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. Рукописные памятники Древней Руси / Рыбина Е. А. — М.: 2009. 320 с.

7. Судебники XV-XVI веков / подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. - 615 с.

8. Самоквасов, Д.Я. Курс истории русского права / Д.Я. Самоквасов. - 3-е изд., испр. и доп. — М.: тип. Моск. ун-та, 1908. - VII, XXIX, 616 с.

9. Сидоров В.В. Обжалование процессуальных действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сидоров Виктор Владимирович; КЛЮИ МВД РФ. — Калининград, 2009. — 240 с.

10. Устрялов, Федор Николаевич. Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. / Ф. Устрялов. - 2-е изд.- СПб.: тип. Аполлона Фридрихсона, 1855. — 192 с.

11. Юшков, С.В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков; под ред. О. И. Чистякова. - М.: Зерцало-М, 2002. - 400 с.

ЗАЩИТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ XX ВЕКА: ИНЖЕНЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ И УРОКИ ИСТОРИИ

Пояркова Е.В., д-р техн. н., доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

XX век стал эпохой беспрецедентных технологических и социальных трансформаций, отмеченной, к сожалению, и беспрецедентными военными конфликтами. В этих условиях проектирование и строительство защитных сооружений приобрело особое значение, превратившись в важную составляющую градостроительства и национальной безопасности.

Развитие теории и практики создания защитных сооружений имеет свои корни в более ранних эпохах. Регулирование строительства подобных объектов в период с XIII по XIX век было разнообразным и зависело от культурных, религиозных, политических и экономических факторов. В то время как в Европе происходило постепенное формирование унифицированных строительных кодексов, в других регионах мира преобладали устные традиции, императорские указы, религиозные предписания и местные обычаи. Несмотря на различия, общим для всех стран было стремление к обеспечению прочности, безопасности и долговечности защитных сооружений, что, в свою очередь, стимулировало развитие строительного искусства и инженерной мысли.

Конструкции бомбоубежищ для пороховых складов и казематов в фортах продемонстрировали важность защиты от ударной волны, обломков и осколков. Этот опыт был использован при проектировании убежищ для гражданского населения в XX веке.

Строительство туннелей, галерей и подвалов показало потенциал использования подземных пространств для защиты от различных угроз. Эта идея была реализована в XX веке при создании метрополитенов, которые также могли и могут использоваться как убежища.

Широкое использование огнестойких материалов в строительстве промышленных предприятий и жилых зданий подчеркнуло необходимость защиты от пожаров [1, 2]. Этот опыт был использован при разработке стандартов пожарной безопасности для убежищ и других защитных сооружений.

Таким образом, сооружения и подходы, разработанные в XIX веке, сыграли важную роль в эволюции инженерной защиты. Они заложили основу для создания специализированных убежищ и укрытий в XX веке, которые были предназначены для защиты гражданского населения от новых угроз, таких как авиационные бомбардировки и ядерное оружие.

Развитие военной техники и появление оружия массового поражения потребовало создания специальных защитных сооружений. В 1930-е годы, с осознанием растущей угрозы воздушных бомбардировок, в ряде стран началось

систематическое строительство противовоздушных убежищ. Эта работа включала в себя разработку и внедрение стандартов строительства, создание централизованных систем оповещения и организацию обучения населения правилам поведения во время воздушных налетов.

Наиболее активно такое строительство велось в следующих странах:

- в преддверии Второй мировой войны в Великобритании были построены сотни тысяч частных убежищ типа «Anderson shelter» (металлические укрытия, частично заглубленные в землю) [3] и «Morrison shelter» (металлические каркасы, устанавливаемые внутри дома) [4]. Также строились общественные убежища, такие как переоборудованные подвалы зданий и станции метро;

- в Германии строительство убежищ было более централизованным и масштабным. Строились крупные бетонные бункеры, рассчитанные на большое количество людей, а также переоборудовались подвалы жилых домов и промышленных зданий;

- в Советском Союзе также велось строительство убежищ, особенно в крупных городах и промышленных центрах. Убежища строились в подвалах зданий, на территориях предприятий и в виде отдельно стоящих сооружений.

Ниже представлены основные конструктивные особенности противовоздушных убежищ 1930-х годов:

- основными материалами были бетон, железобетон, кирпич и сталь;
- толщина стен и перекрытий рассчитывалась исходя из необходимости защиты от ударной волны и осколков бомб;
- большинство убежищ были частично или полностью заглублены в землю для повышения их защитных свойств;
- убежища оснащались системами вентиляции для обеспечения притока свежего воздуха;
- в некоторых случаях убежища делались герметичными для защиты от отравляющих веществ;
- убежища имели аварийные выходы на случай блокировки основных входов.

В этот период подготовки ко Второй мировой войне в разных странах Европы развернулось наиболее масштабное строительство противовоздушных убежищ, обусловленное нарастающей угрозой воздушных налетов. Однако инженерные решения и опыт, накопленный в довоенные годы, оказали значительное влияние на развитие защитных сооружений в последующие периоды.

Чтобы подчеркнуть этот переход и показать эволюцию инженерных решений в области защиты населения, ниже приведены примеры известных строений, сочетающих в себе элементы как предвоенного опыта, так и новые технологии, появившиеся во время и после Второй мировой войны. Эти сооружения олицетворяют не только стремление защитить население от разрушительных последствий войны, но и развитие представлений о гражданской обороне и принципах защиты в условиях современных угроз.

Примеры известных строений:

– система противовоздушных убежищ в Лондоне (London Deep-level shelters) – сеть подземных убежищ [5 - 7], возведенная под станциями метро в период Второй мировой войны, служит наглядной иллюстрацией адаптации существующей инфраструктуры для защиты значительного числа гражданского населения от воздушных бомбардировок. Это был один из самых масштабных проектов по превращению транспортной инфраструктуры в систему защиты английских граждан;

– бункер в Берлине (Führerbunker) – подземное инженерное сооружение, построенное для Адольфа Гитлера и его ближайшего окружения, иллюстрирует ранние попытки создать абсолютно защищенное пространство для руководства страны [8, 9];

– самая большая подземная крепость в мире (Gros Ouvrage du Hackenberg) во Франции. Этот подземный город располагает собственной электростанцией, больницей, транспортной системой с длиной железнодорожных линий около десяти километров и семью вокзалами. В военное время в подземном укрытии жили 1082 человека, которые могли оставаться под землей в течение трех месяцев без связи с поверхностью, при этом внутри подземного города были все условия для комфортной жизни в условиях автономности [10];

– убежища Магнитогорского металлургического комбината (СССР) - сеть сооружений, построенных для защиты рабочих одного из крупнейших промышленных предприятий СССР [11], показывает важность защиты ключевых объектов экономики в условиях войны. В настоящее время, ежегодно, металлурги Магнитогорска проводят смотры-конкурсы среди защитных сооружений комбината и необходимые мероприятия, направленные на укрепление системы гражданской обороны [12];

– противоатомный бункер под современной гостиницей «Красные Холмы» в Москве (Бункер-703) – засекреченный командный пункт сталинских времен СССР, построенный в послевоенные годы на глубине 43 метра ниже уровня наземного города, является примером защитного сооружения, адаптированного к новым угрозам, таким как ядерное оружие [13]. Строительство бункера началось в 1948 году, а завершилось в 1961 году. Помещения бункера использовались Министерством иностранных дел хранения важной архивной документации (сто несгораемых сейфов). Во время работы спецобъекта интерьеры выглядели как в обычном помещении, был устроен ровный пол и фальшстены, которые превращали помещение из тоннеля в привычную прямоугольную комнату [14];

– подземные убежища под станцией метро «Аэропорт» в Москве, оборудованные в 1930-е годы, служили местом укрытия для гражданского населения во время воздушных налетов в годы Великой Отечественной войны. Они являлись частью системы противовоздушной обороны Москвы и обеспечивали защиту от осколков и ударной волны. Конструктивные особенности этих сооружений, включающие усиленные перекрытия,

герметичные двери и системы вентиляции, обеспечивали защиту от поражающих факторов воздушных бомбардировок;

- подземный комплекс в Самаре (бывший город Куйбышев), известный как «Бункер Сталина», является примером инженерного сооружения, спроектированного для защиты высшего руководства СССР в условиях военных действий [6]. Бункер расположен на глубине около 37 метров и обладает автономными системами жизнеобеспечения;

- уникальный объект гражданской обороны в Москве, расположенный под неприметным зданием «Военной библиотеки» на глубине 65 метров под землей (Бункер-42) – бывший запасной командный пункт дальней авиации СССР, строительство которого завершили в 1954 году. Конструктивные особенности этого сооружения впечатляют и демонстрируют уровень инженерной подготовки к потенциальному ядерному конфликту. Для обеспечения защиты от поражающих факторов ядерного взрыва бункер был спроектирован в виде автономного подземного комплекса, соединенного с системой московского метрополитена. Стены и перекрытия бункера имеют многослойную структуру, включающую мощный железобетонный каркас толщиной до полутора метров, усиленный слоями специальной стали, обеспечивающей дополнительную прочность и защиту от проникающей радиации. Конструкция также предусматривала эффективную систему амортизации для минимизации воздействия ударной волны. Для поддержания жизнедеятельности личного состава в условиях полной изоляции от внешней среды бункер был оборудован автономными системами вентиляции и фильтрации воздуха, водоснабжения, энергоснабжения и связи. Особое внимание уделялось герметичности сооружения, что обеспечивалось использованием специальных уплотнительных материалов и герметичных дверей, способных выдержать высокое давление. Сложная система коридоров и переходов, а также многоуровневая система доступа, обеспечивали не только безопасность, но и функциональность объекта в экстремальных условиях [14].

Вместе с тем, в СССР оборудованных убежищ и других, искусственно созданных подземных объектов, было недостаточно. Поэтому значительную часть населения и предприятий во время Великой отечественной войны удалось сохранить только благодаря огромной территории страны. В 1941 году основные заводы и часть населения из западных районов СССР были эвакуированы за Волгу и на Урал – за пределы досягаемости авиации противника, где продолжали работать [15].

Экспертная оценка современного состояния систем защиты населения предполагает признание ограниченности возможностей абсолютной защиты территории государства в условиях непрерывного развития вооружений и средств доставки, характеризующихся высокой точностью и глобальным охватом. В данной ситуации, несмотря на современные достижения в области средств поражения, инженерные защитные сооружения, в частности заглубленные конструкции, продолжают оставаться одним из наиболее надежных способов защиты населения и критически важных объектов. Это

обусловлено их способностью обеспечивать защиту от широкого спектра поражающих факторов, включая как традиционные, так и перспективные системы вооружения.

Исторический анализ опыта середины XX века, когда стало очевидным значение заглубленных сооружений как средства защиты в условиях ядерной угрозы, подтверждает актуальность данного подхода и в современной геополитической обстановке. Дальнейшее развитие и совершенствование технологий строительства и эксплуатации заглубленных защитных сооружений является необходимым условием обеспечения национальной безопасности и защиты населения.

Согласно [15], в 1952 году И. В. Сталиным был официально утвержден план по созданию в Севастополе города под землей и Балаклавского ремонтного завода для подводных лодок «малютка». Под каждым военным объектом Севастополя строился его подземный дублер (под штабом – штаб, под поликлиникой – поликлиника и так далее). В противоатомных убежищах военные и гражданские объекты должны были не только укрыться, но и нормально продолжать свою деятельность [15, 16].

Таким образом, изучение защитных сооружений XX века представляет собой не только исторический интерес, но и имеет важное практическое значение. С одной стороны, многие из этих объектов, несмотря на прошедшие десятилетия, до сих пор поддерживаются в готовности и регулярно модернизируются в соответствии с современными требованиями безопасности. С другой стороны, судьба других, утративших свою актуальность, сложилась иначе: они были разрушены или заброшены, переоборудованы и приспособлены для использования в мирных целях. Однако, даже находясь в полуразрушенном состоянии, они остаются свидетельством инженерной мысли и технологического прогресса своего времени, напоминая о важности защиты населения и территорий от потенциальных угроз.

Изучение принципов инженерной защиты, сформировавшихся к 1970-м годам, позволяет оценить эволюцию подходов к обеспечению безопасности населения от поражающих факторов оружия массового поражения, а также от последствий стихийных бедствий и техногенных аварий. Концепция дифференцированного подхода, комплексности, превентивности и рациональности, положенная в основу этих принципов, актуальна и сегодня при разработке новых стратегий и технологий в области безопасности.

В заключение, стоит отметить, что дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на анализ не только технических аспектов проектирования и строительства защитных сооружений, но и на изучение их влияния на социальную психологию, городскую среду и формирование исторической памяти. Сохранение и адаптация этих объектов, как свидетельств эпохи, может стать важным элементом культурного наследия и напоминанием о необходимости мира и безопасности.

Список литературы

1. Страницы истории - испытания огнестойких конструкций и дверей 1893 года. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZZu8DLChZQJnpF-Z> (дата обращения 01.04.2025).
2. Новичкова, Н. Ю. Социокультурный опыт обеспечения пожарной безопасности в городах Российской империи : монография / Н.Ю. Новичкова. – Иваново : ФГБОУ ВО Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2020. – 268 с.
3. Приюты Андерсона. – Режим доступа: <https://andersonshelters.org.uk/> (дата обращения 01.04.2025).
4. Приюты Моррисона. – Режим доступа: <https://andersonshelters.org.uk/other-shelters/morrison-shelters/> (дата обращения 01.04.2025).
5. What is under London? – Режим доступа: <https://eng-news.ru/What-lies-beneath-London/> (дата обращения 03.04.2025).
6. Кто и где построил первые бункеры, и чем известны спасительные русские подземелья. – Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/310522/53421/> (дата обращения 04.04.2025).
7. Халилова, Л. А. Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей / Л.А. Халилова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – №4-1. – С. 84-98.
8. Führerbunker – Режим доступа: <https://realty-germany.ru/articles/bunker-gitlera-v-berline/> (дата обращения 01.04.2025).
9. Укрыться от неизбежного. Как Фюрербункер стал могилой Третьего Рейха. – Режим доступа: <https://aif.ru/society/history/ukrytsya-ot-neizbezhnogo-kak-fyurerbunker-stal-mogiloy-tretego-reyha> (дата обращения 01.04.2025).
10. Самая большая в мире подземная крепость. – Режим доступа: <https://extremal.mirtesen.ru/blog/43611741923/Samaya-bolshaya-v-mire-podzemnaya-krepost> (дата обращения 01.04.2025).
11. Магнитогорский металлургический комбинат. – Режим доступа: <https://greedyspeedy.livejournal.com/72213.html> (дата обращения 03.04.2025).
12. Лучшее защитное сооружение Магнитки находится на ММК. – Режим доступа: <https://uralpress.ru/news/obshchestvo/luchshee-zashchitnoe-sooruzhenie-magnitki-nahoditsya-na-mmk> (дата обращения 03.04.2025).
13. СП 88.13330.2022. Свод правил. Защитные сооружения гражданской обороны: актуализированная редакция СНиП II-11-77: утверждён Приказом Минстроя России 21.12.2022 № 1101/пр; введён 22.01.2023. – 6 с. – Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/277168/> (дата обращения 03.02.2025).
14. Самые интересные бункеры Москвы. – Режим доступа: <https://experience.tripster.ru/articles/bunkery-moskvy/> (дата обращения 04.04.2025).
15. Нарышкин, В. Г. Проблема накопления фонда защитных сооружений и пути ее решения / В. Г. Нарышкин // Технологии гражданской безопасности. – 2016. – №1 (47). – С. 86-91

16. Черкашин, Н. А. Подземная гавань субмарин. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20070516003051/http://www.submarine.id.ru/cp/z97.shtml> (дата обращения 04.04.2025).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ

Томина Е.Ф., к. пед. н., доцент, Радомский М.Е.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

После завоевания политической власти в 1917 г. партия большевиков во главе с В.И. Лениным занялась вопросами восстановления и развития народного хозяйства нашей страны на новой технической основе — электрификации промышленности, транспорта, сельского хозяйства и быта людей. Уже в ноябре 1917 г. через несколько дней после победы Октябрьской революции В. И. Ленин интересуется перспективами добычи торфа в московской губернии и возможностью его использования в качестве топлива на электрических станциях.

В марте 1918 г. В. И. Ленин рассматривал материалы о строительстве Волховской гидроэлектростанции и о сооружении гидроэлектростанции на р. Свирь, а в декабре 1918 г. дал задание начать подготовку к строительству Шатурской электростанции на подмосковном торфе.

В апреле 1918 г. он составил: «Набросок плана научно-технических работ», в котором предложил создать ряд комиссий для «возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России» [1, с.288]. В этой работе особое внимание обращено «на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию; использование непервоклассных сортов топлива для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевозку горючего» [1, с. 289]. Таким образом, уже в начале 1918 г. Владимир Ильич не только выдвинул идею создания общегосударственного народнохозяйственного плана, но и предопределил электрификацию технической основой этого плана.

В январе 1920 г. Ленин обратился к учёному-электротехнику, будущему первому председателю Госплана СССР Глебу Максимилиановичу Кржижановскому с письмом о составлении плана ГОЭЛРО. В ответ на письмо Г.М. Кржижановский в течение недели написал примерный план по электрификации, и это в тот период, когда в стране шла Гражданская война, когда не было ни экономики, ни промышленности, ни хлеба.

Английский писатель-фантаст Гербер Уэллс по возвращении домой после встречи с Лениным напишет: «кремлёвский мечтатель», впавший в «утопию электрификации». Своему очерку о путешествии по России он даст название «Россия во мгле» [2].

Воплощением Ленинских идей электрификации явился принятый VIII Всероссийским съездом Советов план ГОЭЛРО. Сессия ВЦИК приняла постановление «Об электрификации России», в котором Высшему совету

народного хозяйства РСФСР совместно с Народным комиссариатом земледелия было предложено разработать план электрификации России.

Положение о Комиссии ГОЭЛРО было утверждено 24 февраля 1920 г. Советом Рабочей и Крестьянской обороны и подписано В.И. Лениным. В качестве руководителя всеми работами по составлению плана В.И. Ленин рекомендовал Г.М. Кржижановского, который показал себя способным решать не только чисто энергетические, но и программно-стратегические вопросы развития экономики в целом.

Всего к работе над планом ГОЭЛРО Кржижановским было привлечено более 240 специалистов, из которых 90 работали на постоянной основе, среди них: А.В. Винтер, И.Г. Александров, Г.О. Графтио, Р.Э. Классон, К.А. Круг, А.А. Горев, Л.К. Рамзин, Б.И. Угримов, М.А. Шателен, Б.А. Флоренский. Комиссия ГОЭЛРО работала с февраля по декабрь 1920 г. За это время состоялось 67 заседаний, на которых председательствовал Г.М. Кржижановский. Он регулярно информировал членов комиссии о беседах с В.И. Лениным.

Стремясь к широкой популяризации принципов электрификации, В. И. Ленин поручил И. И. Скворцову-Степанову создать книгу, в которой будут подробно освещены все аспекты электрификации с целью увлечь рабочий класс и сознательных крестьян грандиозной программой на 10–20 лет [3]. Работа была завершена, и в 1923 году она была опубликована в Москве. В ней автор разъяснял суть новой экономической политики, а также описывал общий план восстановления народного хозяйства и значение плана ГОЭЛРО в данном контексте.

Основные цели плана ГОЭЛРО заключались не только в увеличении производства электроэнергии, но и в создании новых промышленных центров в стратегически важных местах. Планы по электрификации стали первым комплексным проектом по модернизации экономики Советской России, затрагивающим множество отраслей, включая металлургию, машиностроение, транспорт и сельское хозяйство. Особое внимание в плане ГОЭЛРО было уделено развитию электроэнергетического сектора, который делился на две программы: программа «А» - восстановление и реконструкция довоенного электрохозяйства, и программа «Б» - строительство новых электростанций. Согласно программе «Б» было запланировано возведение 30 крупных тепловых и гидроэлектрических станций (20 тепловых и 10 гидроэлектрических) с общей установленной мощностью в 1,75 млн. кВт и рабочей мощностью 1,425 млн. кВт. Установленная мощность тепловых станций составила 1,11 млн. кВт, а гидроэлектростанций - 640 тыс. кВт. По оценкам Комиссии ГОЭЛРО, для финансирования программ требовалось 17,2 млрд. рублей (по курсам того времени), из которых 1,2 млрд. рублей предназначались для сектора электроэнергетики. Наибольшие инвестиции, составляющие 80 млрд. рублей, были направлены на восстановление и развитие транспортной инфраструктуры.

После утверждения плана ГОЭЛРО началась его реализация. Одной из первых электростанций, построенных в рамках этой программы, стала

Шатурская ГРЭС, расположенная близ Москвы. Она не только символизировала начало электрификации, но и стала ключевым объектом, обеспечивающим электроэнергией столицу и её окрестности. За ней последовали другие станции, как в европейской части СССР, так и в Сибири: Каширская ГРЭС в Московской области и Среднеуральская ГРЭС в Свердловске.

Особое внимание уделялось географическому распределению электростанций, чтобы они могли поддерживать ключевые промышленные и сельскохозяйственные регионы страны. Были возведены десятки новых городов и крупных промышленных объектов, среди которых Магнитогорский металлургический завод на Урале, Кузнецкий металлургический комбинат в Сибири, а также тракторные заводы в Волгограде, Харькове и Челябинске. Также были построены Уральский и Ново-Краматорский машиностроительные заводы и множество других энергоёмких предприятий. Крупнейшей электростанцией стали Днепровская ГЭС с мощностью 200 тыс. кВт, ставшая символом индустриализации страны.

В 1929 году в рамках реализации плана ГОЭЛРО началось строительство Магнитогорска с возведением Магнитогорского металлургического комбината. В 1932 году комбинат начал производить первый чугун, что ознаменовало начало его работа. В результате электрификации возник целый город с концепцией соцгорода.

Специалисты и инженеры с самого начала реализации плана ГОЭЛРО действовали в сложнейших условиях, когда почти всё оборудование для районных электростанций приходилось закупать за границей. Изучая иностранный опыт, они обеспечивали проектирование и строительство ТЭС и ГЭС на высоком техническом уровне [4]. М. Г. Меерович и Д. А. Хмельницкий обсуждают вопросы организации подготовки специалистов по проектированию энергетических объектов [5]. Авторы подчеркивают, что для накопления опыта проектирования промышленных объектов в 1927–1928 годах была направлена значительная группа советских инженеров в командировки за границу.

Энергетика в СССР и процесс расширения электрификации развивались стремительными темпами. Установленная мощность районных электростанций составила не 1 750 тыс. кВт, как планировалось, а 2 875 тыс. кВт. К концу 1935 года, то есть по истечении предполагаемых 15 лет, программа электростроительства была многократно перевыполнена, а общая мощность всех электростанций, предусмотренных планом ГОЭЛРО, достигла 6 914 тыс. кВт, что составило 247,9% от запланированных показателей.

План ГОЭЛРО стал стартом для создания государственной системы планирования в СССР. Он предвосхитил теории и проблемы, которые впоследствии стали основой пятилетних планов, и стал первым в истории единым общегосударственным планом, охватывающим все сферы экономики на базе электрификации. Именно благодаря электрификации была сформирована современная промышленность, изменился транспорт,

произведена перестройка сельского хозяйства, существенно выросли экономика и культура союзных республик, а на карте страны появились новые экономические районы с множеством городов.

Электрификация оказала влияние не только на промышленную структуру, но и на все аспекты жизни граждан. В городах и сёлах люди впервые начали использовать электричество в быту: для освещения своих домов, работы с электрическими приборами и даже для повышения уровня образования.

Список литературы

1. Ленин, В. И. Собрание сочинений / В.И. Ленин. – М.: Политическая наука, 1969. – 668 с.
2. Уэллс, Г. Дж. Россия во мгле / Г. Дж. Уэллс. – М.: Прогресс, 1970. – 230 с.
3. Скворцов-Степанов, И. И. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства / И. И. Скворцов-Степанов. – М., 1923. – 352 с.
4. Зелёв, М. В. Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии / М.В. Зелев // Известия ПГПУ. – 2012. – № 27. – С. 638-647.
5. Меерович, М. Г., Хмельницкий, Д.А. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию / М.Г. Меерович, Д.А. Хмельницкий // Вестник Евразии. – 2005. – № 2. – С. 92-123.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ЛЕКЦИЯ НА ГУМАНИТАРНУЮ ТЕМУ В XXI В.

Сафонов Д.А., д-р ист. н., профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

О том, насколько важны и значимы для процесса обучения в высшей школе лекции, имеется, без преувеличения, огромный массив публикаций, прежде всего педагогов. На современном этапе значительное внимание уделяется пониманию лекций, как формы, меняющейся и совершенствующейся в новых условиях. При этом одни обращают внимание на развивающиеся педтехнологии, другие – расширяющиеся технические возможности, третьи – просто фиксируют важность лекционного воздействия. Есть и такие, кто объявляет лекции важными, поскольку они упомянуты в п.56 приказа Минобра от 19.02.2013 г. Указанный пункт действительно гласит: «Организация предусматривает применение инновационных форм учебных занятий, развивающих у обучающихся навыки командной работы, межличностной коммуникации, принятия решений, лидерские качества (включая, при необходимости, *проведение интерактивных лекций*, групповых дискуссий, ролевых игр, тренингов, анализ ситуаций и имитационных моделей, преподавание дисциплин (модулей) в форме курсов»¹. Рассуждения об интерактивных лекциях как инновационной форме учебного занятия [2, 8], «ориентированной на развитие у обучающихся навыков командной работы и межличностной коммуникации» (А. Быков) тем менее, не могут скрыть основы – что же такое лекция; в упомянутом выше п.53 лекции отнесены к занятиям, которые предусматривают «преимущественную передачу учебной информации преподавателем обучающимся».

При этом, по сути, споров относительно того, что такое лекция, или того, нужна ли она сегодня, нет. Теоретизирование в данном вопросе, возможно, и имеет определенную ценность, только, на наш субъективный взгляд практика, оно мало что дает с прикладной точки зрения. Теоретические рассуждения относительно видов лекций, их типов, составляющих элементов, касаются лекций вообще, как бы абстрактных, хотя последних в реальности нет и быть не может. Нам не приходилось встречать ни одного преподавателя (возможно, просто повезло), который бы при подготовке к лекционному занятию в первую очередь формулировал его познавательную, развивающую и организующую функции, и лишь потом брался за материал, подчиняя его таковым. Любой «практикующий» преподаватель легко расскажет о серьезных различиях в

¹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 19 декабря 2013 г. № 1367 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры».

подходах к лекции публичной и лекции предметного курса, лекции по точным наукам и по истории, лекции с новой или знакомой аудиторией.

Именно по причине множественности подобных факторов мы ограничиваемся разговором о лекции на историческую тему.

В свое время лекции читались прежде всего потому, что речь лектора была, по сути, единственным источником информации. Учебников, как таковых, не было. Уместно напомнить, как был создан знаменитый «Курс истории России» В.О. Ключевского – на основе объединения конспектов курса, сделанных студентами.

По мере появления достаточного количества научных и учебных книг информационная ценность лекций снижалась – альтернативой становятся призывы к самостоятельному обучению студентов по книгам. Так, в 1876 г. профессор Дерптского университета Н. Варадинов писал, что он предпочитает самостоятельную работу студента над книгой «живому слову профессора» [4, с. 107.]. В это же время (1881) преподаватель артиллерийской академии Б. В. Герасимов издал целую книгу «Устранение чтений лекций в академической или университетской системе преподавания наук» [5, с.18.]. Затем вновь возросла значимость лекций как таковых; а спустя 20 лет маятник вновь качнулся в обратном направлении. В 1901 г. началась дискуссия о лекции и ее месте в системе преподавания - лекционная система якобы приучает «к пассивному, некритическому восприятию чужих мыслей, действует на умственные способности притупляющим образом, убивает в них стремление к самостоятельному труду и мышлению» [6, с.112-113].

В какой-то степени методичная смена ориентиров в приемах образования прекратилась в советский период, условно говоря, установлением мирного сосуществования и лекторского слова и учебников. В условиях господства «Краткого курса истории ВКП(б)» говорить что-либо лишнее на лекции, что-то такое, чего нет в учебнике, было рискованно и неразумно. Известен факт, что преподаватель исторического факультета Чкаловского пединститута в 1937 г. был арестован за то, что порекомендовал студентам дополнительно прочесть книгу Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

После XX съезда исчез «Краткий курс», но осталось единообразие в лекциях и учебниках: в терминах, оценках, изложении и проч. Продолжала существовать и действовать система контроля и самоконтроля. Инициативы не запрещались, но не поощрялись. Из личного опыта: на занятии для полноты картины была включена музыка – британский марш победы 1945 г. Следствием было сообщение в партком коллеги, кстати, ведущей новейшую историю, что на занятии звучали «фашистские марши». Было расследование. Преподаватели должны были иметь при себе текст лекции. Записывать за лектором, составлять конспект услышанного от студентов требовали – но это был скорее вопрос дисциплины. К экзаменам и зачетам все готовились по учебникам. Лекции в массе своей превращались в некий рудимент образовательного процесса. Из личного опыта: в педагогическом институте в 1980-х гг. на историческом факультете студенты дружно записывали только спецкурс Я.В. Рабиновича

«Быт средневековья», поскольку он был совершенно авторским и печатных вариантов не имел.

В пост-перестроечный период ситуация вновь изменилась – «старые» учебники устарели, «новые» в достаточном количестве появиться просто не успевали. Главным каналом трансляции исторической информации/исторических оценок вновь становятся лекторы. Наступило время экспериментов. Начиная с 1990-х гг. сверху неоднократно спускались инициативы о создании видео-циклов по истории, которые можно было бы показывать вместо присутствия живого преподавателя, а также создания фонда текстов лекций на кафедре, которые мог был озвучить другой преподаватель в случае отсутствия основного лектора. К счастью, инициативы не прижились, но сам факт появления таковых – показателен.

В принципе эксперименты продолжаются – и интерактивные лекции тому примером. Без сомнения, уместно и удобно появление по ходу рассказа на экране портрета исторического деятеля, карты и т.п. Только очевидно, что интерактив не намерен ограничиваться этим.

Использование лекции как традиционной *формы* допустимо; использование лекции как *традиционной* формы – уже нет. Времена действительно изменились, причем изменилось все – студенты, преподавание исторических знаний в школе, технические возможности, сами преподаватели, даже историческая информационная среда.

Начнем с преподавателей. Генерация тех, кто испытал на себе все перемены от советской высшей школы до сегодняшнего дня, все малочисленное и малочисленное - стремится к нулю, и в итоге к нему придет. Мифы о талантливых лекторах прошлого проживут еще какое-то время. Достаточно распространены рассказы о том, что на лекции такого-то историка сбегались студенты других факультетов: переполненные аудитории, восторженнее отзывы, овации по окончании (как правило, речь шла об историках дореволюционных). Так, например, в 1974 году академик М.В. Нечкина написала статью о лекторском мастерстве В.О. Ключевского, которого она, по понятным причинам, никогда не слышала сама. Она упоминала, что первая же лекция Ключевского 5 декабря 1879 г. была «встречена восторженной овацией». И тут же проговаривалась: «Передовое студенчество без устали аплодировало профессору, оказавшемуся «своим». Об этой лекции позже вспоминали как о выступлении, провозгласившем лозунг «свободы», которой столь не доставало реформам Петра» [7]. Сделаем заметку: не за даваемые исторические знания, а за кажущееся «вольномудрство». Текст именно этой лекции, кстати, не дошел до нас. Сходно звучит оценка лекций у А.М. Белова, вспоминавшего об этом спустя «четверть века»: «о чем бы ни говорил профессор своим слушателям, в его словах всегда звучал один лейтмотив, который красной нитью проходит по всем его рукописным и печатным курсам — это чувство гражданского долга перед родиной, врожденное и воспитанное в Ключевском общественным движением шестидесятых годов [1, с. 988].

Не подлежит сомнению, что лектор должен иметь авторитет у слушателей, но таковой приобретаем только инициативой самого преподавателя.

Лекция традиционно предполагает «передачу учебной информации преподавателем обучающимся» (п. 56): т.е. один говорит, прочие – слушают. Предлагаемые сегодняшними теоретиками лекция-беседа, лекция-пресс-конференция, лекция-визуализация и иные исходят априори от посыла, что студенты в этом участвуют. Вопрос - что делать, если они не участвуют – не хотят/ не могут/ не имеют знаний и т.п. – теоретики скромно обходят.

Мы подошли к вопросу информационной обеспеченности слушающей аудитории. Сегодняшние студенты отличаются от прежних поколений: широчайшими техническими возможностями и крайне слабой общеисторической подготовкой.

Самая большая проблема для молодежи сегодня - недостаточность общеисторических знаний. Связано это с двумя моментами. Первый: из-за выбора предметов для ЕГЭ в старших классах происходит де-факто дифференцированное обучение истории - кому надо, кому нет. Прежде подобный перекося несколько компенсировался общим информационным пространством. Информационная историческая среда в советский период была практически идеальной: практически все, что сообщало информацию по истории (учебники, книги, кино и т.п.) не имело внутренних противоречий, почему даже самый далекий от истории человек имел представления о прошлом – пусть в советской интерпретации, но азы, поворотные моменты, важные даты знали все. Гнев критиков постсоветского времени был направлен именно на идеологические оценки. Сегодня в обществе практически нет общеисторической информационной атмосферы, поддерживающей коллективную историческую память.

Второй момент: у молодежи нет желания получать знания дополнительно. Чтение книг сегодня не относится к культурным приоритетам. Даже историки-студенты не знают по сути, знаковых для них, как историков, книг - «Что делать?» Чернышевского, «Поднятой целины» и «Как закалялась сталь» и иных, которые давались в свое время не на уроках истории, а литературы.

Налицо парадоксальная ситуация. Феноменально расширившиеся информационные возможности по сравнению с тем, что было еще четверть века назад, и резко сократившийся интерес к таковым.

Повторимся: все интеллектуальные новации исходят из посыла, что студенты *очень хотят* приобретать знания. Отсюда мы полагаем, что побудить их приобретать знания и есть приоритетная задача преподавателя сегодня. А ее мы видим в двух составляющих. Первое: завоевать их внимание и интерес, первоначально в определенном смысле нисходя к имеющемуся у них уровню (пример, который можно полагать в определенном смысле классическим – рассказ известного историка Л.Н. Гумилева о Нидерландской революции [3]). И второе: материал лекции должен постоянно сверяться с уровнем знаний у

аудитории с целью поиска и нахождения условных маркеров в памяти студентов для привязки нового.

Состояние сегодняшней подготовки студентов – данность; существующее информационное поле – данность, технические условия – данность. Индивидуальна, важна и плодотворна только работа преподавателя-лектора – разумеется, в случае осознания им этой важности и собственного стремления к эффективности.

Список литературы

1. Белов А.М. В. О. Ключевский как лектор (Из воспоминаний его слушателя) Исторический вестник. 1911. № 6. С. 986-990.
2. Быков А.К. Интерактивная лекция как форма учебного занятия в высшей школе. // ЦИТИСЭ. 2017. №2(11). 6 с.
3. Гумилев Л.Н. История отпадения Нидерландов от Испании. // Сергей Александрович Снегов. Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1992. С. 202-204.
4. Зиновьев С.И. Учебный процесс в советской высшей школе. М.: Высшая школа, 1975. 107 с.
5. Ибрагимов Г.И. Лекция в вузе: теория, история, практика: монография / Г.И. Ибрагимов, Р. Г. Гайнутдинов; под ред. Г.И. Ибрагимова. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2017.
6. Казанский П. Вопрос о преподавании права в русской печати в 1901 г. – Одесса: Издательство «Одесса», 1903.
7. Нечкина М.В, Лекционное мастерство В. О. Ключевского. // Этюды о лекторах. Сборник. М.: Знание, 1974.
8. Челнокова Е.А., Лебедева А.А., Алешугина Е.А. Интерактивная лекция как современная форма обучения в вузе. // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т.9. №3(32). С. 199-202.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИХ СПОРТИВНЫХ ШКОЛ В СССР

Томина Е.Ф., к. пед. н., доцент, Терещук Н.О.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Государство играет одну из важных ролей в развитии детско-юношеского спорта в Советском Союзе. В Советском союзе спорт рассматривался одним из важнейших элементов воспитания молодежи, формирования здорового образа жизни и укрепления патриотизма. Система детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ) была создана именно благодаря государственной поддержке и контролю со стороны государства.

Через средства массовой информации активно продвигалась идея, что забота о своем здоровье является обязанностью каждого гражданина перед страной. Популярные слоганы вроде «В здоровом теле – здоровый дух!» или «Готов к труду и обороне!» символизировали эту эпоху.

В советских школах обязательно проводились уроки физкультуры, а также различные мероприятия, способствующие укреплению здоровья учеников. Система ГТО, которая охватывала большинство граждан, включала выполнение норм по различным видам физических упражнений: бег, прыжки, подтягивания.

Спортсмены такие как: Валерий Харламов, Валерий Борзов и Лев Яшин становились кумирами общества, воплощая мощь и выносливость советской нации. Успехи на международной арене, включая Спортивные игры: самбо, пионербол поднимали патриотический дух и усиливали гордость за своё государство.

Также государство выделяло большие средства на поддержку и развитие системы детско-юношеских спортивных школ.

Под контролем государственных структур возводились стадионы, бассейны, спортзалы и специализированные площадки такие как: Стадион «Динамо» в Москве, Легкоатлетический-футбольный комплекс ЦСКА, Спортивный комплекс «Олимпийский».

Советские школы государство снабжало современными спортивными снарядами — от обычных мячей до специализированных тренажёров для таких дисциплин, как гимнастика и тяжёлая атлетика.

Тренерская деятельность была высоко ценимой и уважаемой профессией. Для подготовки квалифицированных специалистов существовали специализированные учебные заведения, такие как Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры (сегодня - Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма). Эти учреждения давали будущим тренерам глубокие знания в педагогике, физиологии и психологии.

Особое внимание уделялось профессиональному образованию, методическим разработкам и социальным гарантиям. Тренеры активно сотрудничали с учеными, создавая современные методики тренировок, учитывающие уникальные потребности каждого спортсмена и особенности различных видов спорта. Благодаря этому тренерская работа обеспечивала стабильность и признание в обществе, что способствовало привлечению талантливых педагогов и улучшению качества спортивной подготовки.

Руководство спортивными учреждениями осуществляли партийные структуры, которые распределяли ресурсы и следили за выполнением планов. Это обеспечило единую систему управления спортом по всей стране.

Советская система спортивного образования была хорошо структурирована и продумана до мелочей. Она включала несколько последовательных этапов, которые помогали поэтапно развивать спортивные способности детей и подростков:

Детские секции и Группы начальной подготовки (ГНП) - первый этап, где дети начинали заниматься спортом, осваивали основы выбранной спортивной дисциплины и проходили базовую подготовку.

Учебно-тренировочные группы (УТГ) - следующий уровень, на который попадали самые талантливые и перспективные спортсмены. Они продолжали тренироваться более интенсивно и участвовали в региональных соревнованиях.

Специализированные школы-интернаты спортивного профиля (СУОР) и Школы высшего спортивного мастерства (ШСМ) - высшая ступень, где будущие профессиональные спортсмены могли одновременно учиться и проходить усиленную спортивную подготовку. Эти школы часто сотрудничали с ведущими спортивными клубами и федерациями.

Такая многоуровневая система обеспечивала эффективное выявление спортивных талантов и создавала условия для подготовки резерва для национальных команд.

Постоянная организация спортивных состязаний разного уровня играла ключевую роль в развитии детского спорта. Соревновательные мероприятия начинались уже в школе и могли привести к участию в международных соревнованиях.

Турниры проходили повсюду - от клубных соревнований до спартакиад. Каждый ребенок имел возможность проявить себя, вне зависимости от уровня своей подготовки.

Спортсмены, достигавшие наилучших результатов, награждались медалями, дипломами и денежными призами. Лучшие атлеты получали шанс поступить в престижные спортивные учебные заведения:

Ленинградский институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

Студенты этого института добивались успехов в соревнованиях по лёгкой атлетике, гимнастике, плаванию.

Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры им. И.В.Сталина

Студенты этого института добивались успехов в соревнованиях по гимнастике, фехтованию, боксу, теннису.

Участие в Олимпийских соревнованиях, мировых и европейских первенствах служило важным индикатором успешности всей спортивной системы. Победы советских спортсменов прославляли страну и мотивировали новые поколения стремиться к высоким достижениям.

Советский спорт прогрессировал благодаря практическому опыту и научным исследованиям. Учёные в областях физиологии, диетологии и психологии трудились над совершенствованием тренировочных методов и процессов восстановления. Основные направления работы включали:

Физиологические исследования. Изучались эффекты физической активности на организм, создавались идеальные программы тренировок для различных возрастов и спортивных дисциплин.

Психологическая поддержка. Эксперты помогали спортсменам преодолевать стрессовые ситуации, улучшать внимание и усиливать веру в себя.

Медицинское наблюдение. Регулярные медосмотры и постоянный контроль здоровья были неотъемлемой частью подготовки. Доктора отслеживали состояние спортсменов, способствовали восстановлению после травм и предотвращали переутомление.

Роль государства в развитии детско-юношеских спортивных школ в Советском Союзе была ключевой и многогранной. Спортивная политика рассматривала физкультуру и спорт как важные составляющие воспитания молодежи, укрепления здоровья нации и повышения обороноспособности страны. Создание сети ДЮСШ обеспечило массовое вовлечение детей и подростков в спортивные занятия, предоставляя им доступ к профессиональным тренерам и современному оборудованию.

Государство уделяло значительное внимание развитию спортивной инфраструктуры, финансируя строительство специализированных объектов и организацию соревнований различных уровней, что помогало находить талантливых спортсменов. Программы подготовки тренерских кадров, а также научные исследования в сфере спортивной медицины и физиологии сыграли важную роль в обеспечении высокого уровня подготовки будущих чемпионов.

Благодаря всесторонней государственной поддержке, система детско-юношеского спорта в СССР достигла высоких результатов, став одной из лучших в мире, и позволила воспитать множество выдающихся спортсменов, добившихся больших успехов на международной арене.

Список литературы

1. Агафьев, В. В. Воспитание будущих спортсменов / В. В. Агафьев. – М., 2004. - 255 с.
2. Бобылев, Г. П. Социально-педагогический потенциал спортивной школы / Г. П. Бобылев // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. - 2005. - № 10. - С. 37–41.

3. Голов, В. А. Детско-юношеский спорт в системе развития физической культуры учащейся молодежи / В. А. Голов // Успехи современного естествознания. - 2008. - № 1. - С. 65-68.

4. Яковлева, Н. Ю. Подготовка олимпийского резерва / Н. Ю. Яковлева. – М., 2004. - 143 с.

5. Филин, В. П., Фомин, Н. А. Основы юношеского спорта / В. П. Филин, Н. А. Фомин. – М., 1980. - 255 с.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ДНЕПРА В 1943 ГОДУ

Трофименко К. С., Щербаков А. А.

**Федерально государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

В 1943 году, в ходе Великой Отечественной войны, советские войска провели масштабную операцию по освобождению Днепра – одной из крупнейших рек Европы. Эта операция, известная как Битва за Днепр, стала переломным моментом в ходе войны и сыграла важную роль в победе над нацистской Германией [1].

К осени 43 года было ясно, что советские силы, необходимые для начала сильной атаки на свободные ключевые области. Во время этой миссии главная задача состояла в том, чтобы преодолеть реку Днепр, широкий и глубокий водный путь, представляющий огромную проблему для советского военного развития.

Операция «Днепр», известная также как Битва за Днепр, началась 26 августа 1943 года и продолжалась до конца декабря того же года. Целью операции было освобождение левобережной Украины от немецких войск и создание условий для дальнейшего наступления Красной Армии.

Перед началом операции советское командование провело тщательную подготовку. Были собраны огромные силы и средства для прорыва немецкой обороны. Войска получили новое вооружение и технику, была проведена интенсивная боевая подготовка [2].

Особое внимание уделялось координации действий различных родов войск. Были разработаны детальные планы наступления, учитывающие особенности местности и противника. Командование Красной Армии стремилось максимально использовать преимущества, которые давала наступательная операция на широком фронте.

Операция началась с мощной артиллерийской подготовки, которая должна была подавить огневые точки и укрепления противника. После этого советские войска перешли в наступление на нескольких направлениях.

На центральном участке фронта советские войска прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь территории. Это позволило создать условия для дальнейшего развития наступления.

Одновременно с этим советские войска вели бои за переправы через Днепр. Овладение переправами имело решающее значение для успеха операции. Советские войска стремились создать плацдармы на правом берегу Днепра, чтобы затем развить наступление на территории, удерживаемые противником.

Особенно упорные бои велись за плацдармы в районе Киева, Запорожья и Днепропетровска. Советские войска преодолевали сопротивление немецких войск, которые пытались удержать свои позиции любой ценой.

В результате ожесточённых боёв советские войска смогли форсировать Днепр и создать несколько плацдармов на его правом берегу. Это позволило развить наступление и освободить значительные территории левобережной Украины.

Советские войска продемонстрировали свою способность вести наступательные операции в сложных условиях и преодолевать упорное сопротивление противника [3, с. 42]. Они использовали различные тактики и стратегии, чтобы прорвать оборону противника и создать условия для дальнейшего продвижения.

Одновременно с наступлением на центральном участке фронта советские войска вели бои на других направлениях. В частности, они освободили ряд городов и населённых пунктов в районе Смоленска и Белоруссии, что создавало дополнительные трудности для немецких войск и отвлекало их силы от основного направления удара.

Благодаря решительным действиям советских войск и их мужеству, операция по форсированию Днепра увенчалась успехом [4]. К концу сентября 1943 года советские войска освободили обширные территории на правом берегу Днепра и создали прочные плацдармы для дальнейшего наступления.

Освобождение Днепра стало важным этапом на пути к победе над нацистской Германией. Советские войска не только прорвали оборону противника на широком фронте, но и продемонстрировали всему миру силу и непоколебимость в борьбе с фашизмом [3, с. 43].

Какие же были результаты Днепровской операции?

Советские войска прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь левобережной Украины. Были освобождены обширные территории, включая ряд городов и населённых пунктов. Это позволило создать условия для дальнейшего наступления и значительно ослабило позиции немецких войск на данном участке фронта.

Особое значение имело овладение переправами через Днепр и создание плацдармов на его правом берегу. Эти плацдармы стали основой для дальнейшего развития наступления и освобождения значительных территорий. В частности, упорные бои велись за плацдармы в районе Киева, Запорожья и Днепропетровска.

Операция продемонстрировала всему миру силу и непоколебимость советских войск в борьбе с фашизмом. Советские воины продемонстрировали свою способность вести наступательные операции в сложных условиях и преодолевать упорное сопротивление противника. Это имело не только военное, но и морально-психологическое значение, поднимая боевой дух и уверенность в победе.

Изменение стратегической ситуации. Успешное форсирование Днепра и создание плацдармов на правом берегу реки существенно изменили стратегическую ситуацию на фронте. Советские войска получили возможность развивать наступление в различных направлениях, что создавало

дополнительные трудности для немецких войск и отвлекало их силы от основных направлений удара.

Помимо создания плацдармов и продвижения вглубь территории, советские войска освободили ряд городов и населённых пунктов в районе Смоленска и Белоруссии. Это также имело важное значение для общего хода войны, отвлекая силы противника и создавая дополнительные сложности для немецкого командования.

Освобождение Днепра стало важным этапом на пути к победе над нацистской Германией. Успешное проведение операции «Днепр» способствовало дальнейшему наступлению Красной Армии и приближению победы. Это событие стало символом мужества и героизма советских воинов, их способности преодолевать трудности и достигать поставленных целей.

В результате операции «Днепр» советские войска не только прорвали оборону противника на широком фронте, но и создали условия для последующих успешных наступлений, которые в конечном итоге привели к освобождению Украины и приблизили победу над нацистской Германией.

Подведем итог, рассмотрим последствия Днепровской операции и дальнейшие события.

Днепровская операция, проведённая советскими войсками в 1943 году, стала одним из ключевых событий Великой Отечественной войны. Её успешное завершение имело далеко идущие последствия как для хода войны, так и для послевоенного устройства Европы. Освобождение Днепра и создание плацдармов на его правом берегу стали переломным моментом, который предопределил дальнейшие победы Красной Армии и приблизил крах нацистской Германии.

После успешного форсирования Днепра и освобождения левобережной Украины Красная Армия окончательно перехватила стратегическую инициативу. Немецкие войска, понесшие значительные потери, были вынуждены перейти к обороне. Это позволило советскому командованию планировать масштабные наступательные операции на других участках фронта.

Одним из важнейших результатов операции стало освобождение Киева 6 ноября 1943 года. Столица Украины была ключевым политическим и экономическим центром, и её освобождение имело огромное символическое значение. Это событие укрепило моральный дух советских войск и населения.

Захват плацдармов на правом берегу Днепра, особенно в районах Киева, Запорожья и Днепропетровска, позволил Красной Армии развить наступление вглубь Украины. Эти плацдармы стали отправными точками для последующих операций, таких как Корсунь-Шевченковская и Уманско-Ботошанская.

Немецкие войска понесли значительные потери в живой силе и технике. Их оборонительные рубежи были прорваны, что вынудило вермахт отступать на запад. Это ослабило немецкую группировку на Восточном фронте и создало условия для дальнейшего продвижения советских войск.

Освобождение левобережной Украины позволило СССР вернуть контроль над богатыми сельскохозяйственными и промышленными регионами.

Это укрепило экономику страны и обеспечило ресурсы для дальнейшего ведения войны.

Несмотря на разрушения, вызванные войной, началось восстановление промышленности, транспорта и сельского хозяйства на освобождённых территориях. Это стало важным шагом к послевоенному восстановлению страны.

После успешного завершения Днепровской операции Красная Армия продолжила наступление на запад. В 1944 году были проведены крупные операции, такие как:

Корсунь-Шевченковская операция (январь-февраль 1944 года), в ходе которой была окружена и разгромлена крупная группировка немецких войск.

Освобождение Правобережной Украины (зима-весна 1944 года). Советские войска продолжили освобождение украинских городов, включая Одессу и Львов.

Операция «Багратион» (лето 1944 года), в ходе, которой была освобождена Белоруссия и нанесён сокрушительный удар по группе армий «Центр».

Выход к границам Европы. К концу 1944 года Красная Армия вышла к границам Польши, Венгрии и Румынии, начав освобождение стран Восточной Европы от нацистской оккупации.

Список литературы

1. Дьяченко, Т. Л. Форсирование Днепра советскими войсками в 1943 году в отечественной монументальной живописи. / Т. Л. Дьяченко // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 7. – С. 31-32.

2. Соловьев, Б. Г. История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 7 / Б. Г. Соловьев. – М.: Воениздат, 1976. – 522 с.

3. Возненко, В. В. Наступление 1-го Украинского (Воронежского) фронта на Киевском направлении в 1943 году (Краткий оперативный очерк) / В. В. Возненко. – М.: Воениздат, 1951. – 264 с.

4. Гончаров, В. Л. Битва за Днепр. Штурм «Восточного вала» / В. Л. Гончаров. – М.: Вече, 2025. – 624 с.

СРАЖЕНИЕ ЗА КАЛУГУ: ПРОЛОГ К БИТВЕ ЗА МОСКВУ

Трофименко К. С.

**Федерально государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Красная армия в районе Калуге оказалась в тяжелом положении. Калужское направление располагалось между двумя огромными «котлами», а конкретно вяземским и брянским. Немецкие войска незанятые в ликвидации «котлов» могли беспрепятственно двигаться на восток. Однако пехотные дивизии Группы Армий «Центр» (12 Армейский Корпус и 13 Армейский Корпус), которые продвигались в дефиле между «котлами» должны были встретиться с 38-м Укрепрайоном (Калужский Укрепрайон). Но проблема заключалась в том, что 38-й УР строился и был очень малочисленным по сравнению с соседними Можайским, Волоколамским и Малоярославецким УРами. Калужский оборонительный рубеж существовал фактически только в приказах на бумаге и являлся собой «иллюзией» укрепления. Готовые ДОТЫ к декабрю насчитывали – 0%, а ДЗОТ – 1%. Неплохим подспорьем для обороняющийся под Калугой был семнадцатикилометровый противотанковый ров, которые отлично бы сработал, если бы немцы наступали танками, а не пехотными подразделениями, как это было в декабре.

Советское командование для прикрытия Калужского Ура выделило из резерва свежие стрелковые части. Также, к самой Калуге уже двигались опытные 316-ая, 32-ая, 312-ая стрелковые дивизии. Навстречу немецким пехотным дивизиям двигалась 5-ая гвардейская стрелковая дивизия (в прошлом 107-ая сд., гвардию она получила за бои под Ельней). Командиром дивизии был полковник П.В. Миронов, с 1939 года имевший отличные боевые заслуги. По изначальному плану 5-ая гвардейская стрелковая дивизия должна была задействоваться на Орловском направлении и встречать свой бой с Гудерианом.

После начала «Тайфуна» 5-ая гв. сд. находилась в городе Вышний Волочок, который располагался в полосе Западного фронта. Ко 2 октября Ставка ВГК отдала приказ, грузится на поезда и выдвигаться к линии фронта. Но погрузка затянулась и продлилась до 5 октября. Дивизия растянулась на 34 эшелона и свой путь она начала из Вышнего Волочка – Калинина – Москвы – Тулы и до Орла. Уже 4 октября 1941 года первый эшелон 5-ой гв. сд. достиг станции Мценска и оттуда его перенаправили в Сухиничи, а оттуда в район Калуги, что показывало сложность всей ситуации на фронтах. Подобные смены маршрутов очень сильно дезорганизовывали личный состав, таким образом, первым к Калуги прибыли не передовые части, а тыловые, которые по выучки или опыту боевых действий находились на нулевом уровне. Несколько эшелонов 5 гв. сд. попали под удары с воздуха и понесли потери, как в личном составе, так и в обеспечении. Если подводить краткий итог переброски 5-ой гвардейской дивизии, то переброска заняла 13 дней.

Личный состав и укомплектованность дивизии фактически соответствовала довоенным стандартам (5-ая гв. сд. сохранила два артполка). Артиллерийский штат включал в себя:

- 18 76-мм полковых пушек;
- 13 76-мм УСВ (Универсальная Система Воронкова);
- 29 122-мм гаубиц 10/30 г.;
- 8 152-мм М-10 обр. 1938 г.;
- 3 152-мм обр. 1909/30 г.

На момент 5 октября 1941 года дивизия располагала винтовками и карабинами в количестве 9043 штук, в данное число входило и 1944 самозарядных винтовки СВТ (по штату их должно быть 3342) [1]. Печальная ситуация обстояла с пистолетами-пулеметами ППД (Пистолет-пулемет Дегтярева), по довоенному штату должно быть 1206 штук, на деле же было 178. Ситуация с пулеметами обстояла куда лучше чем с ПП:

- Из 390 пулеметов ДП (Дегтярев пехотный) было 304 штуки;
- Из 112 пулеметов «Максима» 144 штуки;
- Из 54 ДС-39 (станковый пулемёт Дегтярева образца 1939 года) всего 5 штук;
- Из 24 зенитных «Максимов» осталось 17 штук.

5-ая гвардейская стрелковая дивизия образца 1941 года была тем самым недостижимым идеалом для стрелковых дивизий образца 1943 года, которые воевали под Сталинградом. Также в Красной армии на момент октября 1941 года находилось очень мало противотанковых ружей, но у 5-ой гв. сд. в расположении находилось 16 12,7-мм ПТР и 7 14,5-мм ПТР. Другим противотанковым средством были «сорокапятки» (45-мм противотанковая пушка образца 1937 года (53-К)), из 54 по штату располагалось 33 штуки. Однако недоукомплектованность «сорокапятками» по штату не была основной проблемой, ей была низкая бронепробиваемость самой «сорокапятки», которая не могла поразить немецкие самоходные штурмовые орудия (Sturmgeschütz III (StuG III)), которые поддерживали пехоту вермахта на Калужском направлении. Впрочем, П.В. Миронов отмечал другие проблемы 5-ой гв. сд., а конкретно неопытный пополняемый личный состав (25% новых солдат были неопытными) [2].

Когда дивизия еще находилась в эшелонах, она получила задачу из Генштаба – «при поддержки 17-й танковой бригады действовать вдоль шоссе на Юхнов и выйти на связь с резервами Западного фронта». Но данным задачам не удалось сбыться. Первые эшелоны 5 гв. сд выгружались восточнее на станция близ Калуги и занимали оборону на 40-км фронте по восточному берегу рек Угра и Ока. Командовал новопривывшими солдатами командир 49-ой армии генерал-лейтенант И.Г. Захаркин, который увидел в гвардии шанс на оборону. До этого в обороне находились 194-ая сд и 8-ой запасной танковый полк. Начиная с 9 октября 1941 года к ним присоединилась 5-ая гв. сд., которая свела разрывы в линии обороны к минимуму (в условиях нехватки солдат, вооружения и отсутствия сильных оборонительных фортификаций).

Несмотря на опору в виде водных преград, фронт, который был, раскинут на 25 км был очень широким даже для 5 гв. сд. Также необходимо понимать, что к 9 октября еще не все части были в полном составе и находились в эшелонах. К вечеру 9 октября в оборону встали 630-й и 765-й полки из 5 гв. сд., но даже тут, части 630-го полка занимали оборону с 9 в ночь на 10 октября. Для сравнения – 765-й полк 9 октября занял оборону, а 586-й полк находился в 30-40 км от назначенного рубежа обороны.

Но все же первый попытки немцев удалось отразить. К Угре подошла 34-ая пехотная дивизия немцев и встретила упорное сопротивление полка 194-й сд в районе Товаркова. Завязался ожесточенный бой, где стороны не могли достичь одностороннего успеха.

Параллельно с этим 5-ая гв. сд. удачно отбивает атаки 95-го полка 17-ой пехотной дивизии у Плетеневки. Немецкие войска пытались отбить у Красной армии железнодорожный мост через Угру в районе Плетеневки. Сам населенный пункт находился в излучине, что позволяло немецким войскам атаковать защитников моста и противоположного берега с трех сторон.

Железнодорожный мост стал «костью в горле» для командира П.В. Миронова. С одной стороны, силы НКВД были ответственными за подрыв данного моста, а с другой стороны мост взрывать было просто нечем. 10 октября командование 49-ой армии отдало приказ о подрыве моста, но этого не произошло, так как не было взрывчатке. В Калужском гарнизоне не находилось достаточное количество взрывчатых веществ. Только концу дня 10 октября удалось добыть пару ящиков взрывчатке. Но в тот момент, как была найдена взрывчатка, бой за мост уже шел в полном разгаре, и возможность его подорвать была потеряна. Сам же Миронов позже напишет – «встречается сильный автоматический и пулеметно-минометный огонь противника с противоположного берега...» [3]. Позиции в районе моста оказались критическими, и поэтому командир 49-ой армии принимает рискованный шаг, снять два батальона с позиции обороны Оки из состава 765-го полка и отправить к мосту.

К 11 октября советские войска подвергаются под Калугой массовой атаке сразу с нескольких направлений. Немецкие войска смогли оттеснить сводный пол 194-й сд в районе Товаркова. Для сдерживания немцев из состава 5 гв. сд направили 586-й полк. 5 гвардейская стрелковая дивизия к моменту на 11 октября получила уже второй проблемный участок, с которым ей пришлось разбираться. К концу 11 октября немцы смогли расширить плацдарм в районе ЖД моста и оттеснить 5 гв. сд. на высоту 203,3 Анненки. К вечеру 11 октября прибыли два батальона 765-го полка и батальон 586-го сп, где поначалу успешно продвигались вперед, но были закрыты с флангов и бои за мост прекратились.

Красноармейцы столкнулись на мосту с 55-ым полком немецкой 17-ой пехотной дивизии. В журнале боевых действий 17-й пд ситуацию обрисовали следующим образом – «Преодолевая сильнейшее сопротивление противника, полк пересек ручей и попал под сильные контратаки противника с востока и

северо-востока, а также с южных высот Оки. ... Полк понес очень тяжелые потери» [4].

Одновременно с этими событиями, 11 октября в районе Свинухова передовые немецкие части 98-ой пд пытаются форсировать Угру, но без поддержки артиллерии терпят поражение. В журнале соединения данные события описывали следящим образом – «...До сей поры невидимый противник на своих позициях дает отпор. Из четырех больших надувных лодок, три потоплены и безнадежно расстреляны. Дальнейшие попытки бессмысленны». [Гарайс М. ---С. 103]. Но после того как 98-я пд дождалась своих артполков, атаки продолжились.

К исходу 11 октября, в ночь на 12 было принято решение отходить на следующие позиции. Данное решение считается в историографии очень спорным, так как командир 49-й армии И.Г. Захаркин мог бы еще попытаться держаться за водные фортификации (Угру и Оку). Таким образом, фронт обороны вокруг Калуги сужался с юга, через Оку.

На позиции отходящих красноармейцев 49-й армии и 5 гв. сд. наступала 17-ая пд, которая активно завязывала бои с отходящими силами Красной армии - «В ходе развертывания 21-го пп на исходных позициях у Крутиц противник уходит из этой деревни. В 9.00 полк начинает атаку и к 10.00 выходит к правым батальонам к развилке дорог и левому батальону в районе Белой» [5].

Если переходить к самой Калуге, то ситуация была очень плачевной. Город был не готов к обороне, ни баррикад, ни минных полей, ни подготовленных зданий к обороне. Город выглядел так, как будто война не началась. Естественно последствия отсутствия обороны не заставили себя ждать. Немецкий 55-й полк быстро проходил половину города и выходит на линию южного моста (Ока). Параллельно с этим начинается попытка немцев форсировать Оку и атаковать красноармейцев находящихся в Калуге с юга.

В журнале боевых действий 17-ой пехотной дивизии немцев было написано – «В Калуге находятся 55-й пп и два батальона 21-го пп. Зачистка не завершена». Иными словами, город был взят, но красноармейцы из него не выбиты и бои идут. Командир 49-ой армии высказался весьма прямолинейно и обвинил во всем 5-ую гв. сд., которая выходила из города без приказа – «безнаказанно овладели городом Калугой». Город планировалось отбить контрударом, который был передан П.В. Миронову. Миронов решает отрезать противника в городе контрударом, разделив его и теснить немцев к Оке.

Немецкие источники свидетельствуют о ликвидации советских частей во время сражений за город. Например, подразделение 55-го полка 17-й пехотной дивизии в ночное время обнаружило на восточной окраине Калуги советскую колонну, готовившуюся к отступлению. Согласно записям в журнале боевых действий дивизии, несмотря на темноту и неразбериху, батальону удалось полностью разгромить колонну. Вероятно, это были бойцы 765-го полка. Таким образом, шансы на успех контрудара оказались иллюзорными.

И.Г. Захаркин, сомневаясь в точном выполнении своих приказов, 13 октября прибыл вместе с Военным советом на командный пункт 5-й

гвардейской стрелковой дивизии, где лично увидел последствия своих решений. Контрудар, начатый в 15:00, был остановлен мощным огнем противника, после чего ситуация для дивизии стала катастрофически ухудшаться. Захаркин отметил: «Дивизия не могла наступать дальше, так как все резервы пришлось бросить на отражение атак с флангов». Одновременно возникла угроза прорыва немцев в тыл дивизии после форсирования Оки частями 260-й стрелковой дивизии. Немецкая разведка продвигалась без сопротивления. В результате дивизия была разделена на две части: одна включала 586-й стрелковый полк, остатки 630-го полка, гаубичную батарею, саперов и часть штаба; другая — 765-й стрелковый полк, артиллерийский полк, разведбатальон и противотанковый дивизион. Фактически образовались два «котла», из которых советским войскам все же удалось вырваться. Первая группа под командованием командира дивизии отступила к Песочие (по дороге на Малоярославец), вторая — к востоку от Калуги, потеряв управление; командование над ней взял на себя майор Петров, начальник артиллерии. Только через несколько дней обе группы смогли воссоединиться.

Несмотря на формально значительную численность (7272 человека), боеспособность 5-й гвардейской стрелковой дивизии резко снизилась. В ее распоряжении оставалось лишь 57 ручных пулеметов ДП и 2 станковых ДС, 16 «Максимов» и 8 зенитных «Максимов». 5-ая гв. сд. потеряла большую часть своих СВТ и ППД, потеряла все свои противотанковые ружья и полковые пушки. Контролировать ситуацию позволило лишь усиление 49-ой армии новопривывшей 238-ой стрелковой дивизией.

Отступление 5-й гвардейской стрелковой дивизии в ноябре 1941 года стало предметом разбирательства. Полковник Миронов подчеркивал, что приказы передавались «лично мне и комиссару в присутствии начальника штаба дивизии, начальника артиллерии и начальника особого отдела». Решение об отходе 13 октября было отдано Захаркиным в присутствии генерал-майора Петрова, заместителя Народного комиссара внутренних дел. Сам Захаркин отмечал, что «5-я гвардейская дивизия стойко и мужественно обороняла Калугу против трех пехотных дивизий противника, поддержанных танками и авиацией».

После взятия Калуги и разгрома 5-й гвардейской стрелковой дивизии возникла необходимость срочно восстановить линию фронта 49-й армии. Естественным рубежом для этого стала река Ока. Чтобы закрыть прорыв, с 17 октября из тылового района 43-й армии (с рубежа реки Истья) в направлении Таруссы начали переброску 60-й стрелковой дивизии, ранее сформированной из ополченцев. Это лишило 43-ю армию резерва на Варшавском шоссе. Изначально планировалось передислоцировать дивизию на автотранспорте, но в итоге бойцы шли пешком и достигли Таруссы лишь утром 20 октября. Как уже упоминалось, артиллерийский полк 60-й дивизии не был полностью укомплектован: под Серпуховом 969-й артполк получил 12 гаубиц образца 1909 года, но, согласно журналу боевых действий, «вести огонь не мог из-за отсутствия снарядов и оптических прицелов». 564-й артиллерийский полк резерва Главного

командования так и не прибыл, поэтому дивизия могла противостоять наступающим немецким частям только с помощью стрелкового оружия.

Анализируя действия 49-й армии, следует отметить, что 5-я гвардейская стрелковая дивизия показала наихудшие результаты среди всех соединений, переброшенных для укрепления Можайской линии обороны. Это было обусловлено сочетанием нескольких факторов.

Главной проблемой стала слабая подготовка Калужского укрепрайона. Город лишь числился в системе обороны, но не имел реальных укреплений. В отличие от, например, успешной обороны курсантов под Ильинским, где заранее оборудованные позиции сыграли решающую роль, под Калугой советские войска не имели подготовленных рубежей. При наличии таких укреплений можно было бы заранее заминировать железнодорожный мост через Угру, что избавило бы 5-ю гвардейскую дивизию от многих трудностей.

Ещё одним негативным фактором стало отсутствие в этом районе танковых частей, которые на других участках фронта успешно сдерживали натиск противника и ликвидировали прорывы. Немецкие же пехотные соединения, напротив, действовали слаженно и эффективно отражали контратаки.

Возможно, ли было превратить Калугу в «крепость» по примеру немецких укрепленных городов в конце войны? Теоретически — да, это увеличило бы сроки обороны. Однако в отличие от Познани с её мощными фортификационными сооружениями, Калуга не располагала историческими укреплениями. Кроме того, создание оборонительных рубежей требовало ресурсов, которых не хватило даже на полноценное оборудование Калужского УРа. При наличии этих средств заблаговременное строительство укреплений, особенно в районе железнодорожного моста, могло бы кардинально изменить ситуацию.

Список литературы

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) Ф. 1054. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.
2. ЦАМО РФ Ф. 1054. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.
3. ЦАМО РФ Ф. 1054. Оп. 1. Д. 8. Л. 81.
4. National Archives and Records Administration (NARA) T315 R688 frame 343: сайт. — URL: <https://ahistory.info/document/1523?ysclid=m8xalye9s9189003569> (дата обращения: 31.03.2025).
5. NARA T315 R688 frame 344: сайт. — URL: <https://ahistory.info/document/1523?ysclid=m8xaouk2pv141983567> (дата обращения: 31.03.2025).

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Семенов В.Г., к. ист. н., доцент, Фослер М.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Память о героях Великой Отечественной войны – это выражение глубочайшего уважения к их подвигу и самопожертвованию. 9 мая 1945 года они одержали Победу над фашизмом ради жизни на земле, ради счастья будущих поколений. Победа была достигнута ценой огромных потерь. На полях сражений погибло 185 тысяч оренбуржцев, тысячи земляков пропали без вести. Мы должны чтить подвиг всех тех, кто сражался за нашу свободу и независимость, и не допустить, чтобы их имена были забыты или оклеветаны.

Имя советского военного деятеля генерал-майора Николая Петровича Якунина, уроженца села Шарлык Оренбургской области (с. Михайловки Оренбургского уезда Оренбургской губернии), стало широко известным в Оренбуржье в 2021 году, когда нами было предпринято исследование его биографии. Поводом для поиска стало обращение редакции газеты «Звезда» к читателям, опубликованное в декабре 2020 года, с просьбой сообщить любые сведения о генерале Якунине. Они были необходимы для розыска родственников, без согласия которых невозможно было перенести останки советского генерала из одиночной могилы в центре латвийского города Мадона в воинское захоронение в этом же населённом пункте [1].

Исследование началось с поиска данных о людях, носивших фамилию, Якунин, в разные исторические периоды Оренбургской губернии. Однако, все носители фамилии Якунин, оказались однофамильцами героя-земляка (больше всего их оказалось в Сорочинском районе). В Оренбургском уезде Оренбургской губернии было шестнадцать населенных пунктов с наименованием Михайловка или Михайловское, и найти родину генерала по названию села не удалось. В военных энциклопедиях и Википедии утверждалось, что село Михайловка Оренбургского уезда находится в черте города Оренбурга. Видимо, Оренбургский уезд ассоциировался у авторов статей о Якунине с современным Оренбургским районом [2, с. 651].

Поиск продолжился в комитете по делам архивов Оренбургской области в секторе исполнения тематических и генеалогических запросов ОГАОО. В результате были найдены документы, которые помогли определить малую родину советского военачальника. Оказалось, что генерал-майор Николай Петрович Н.П. Якунин является уроженцем с. Шарлык Шарлыкского района Оренбургской области (села Михайловское Оренбургского уезда Оренбургской губернии).

Факт рождения будущего генерала в Шарлыке был установлен по метрическим церковным книгам за 1903 год. В них указана точная дата

рождения Н.П. Якунина - 1 ноября 1903 года, а не 1 ноября 1902 года, как отмечалось в воинских документах. [3, л. 86. об. - 87]. В тех же метрических книгах указано, что у Якунина была старшая сестра Агриппина, родившаяся 18 июня 1902 года. [4, л. 116. об. - 117]. Этот факт еще раз подтверждает, что в дате рождения допущена неточность. Брат и сестра не могли родиться в один год в разные месяцы. Также из метрических книг стало известно, что в Шарлыке родились младшие сестры Якунина: Клавдия - в 1908 году [5, л. 122. об. - 123] и Александра - в 1910 году [6, л. 31 об. - 32]. В Оренбурге, куда семья переехала позднее, родились: младшая сестра Нина - в 1917 году [7, л. 122 об. - 123] и брат Павел - в 1920 году [8, л. 47].

В ходе поиска документов о малой родине героя Якунина нами был изучен его воинский путь, который позволил сделать предположение, что во время Гражданской войны будущий военачальник мог сам приписать себе год, чтобы уйти на фронт не 15-летним подростком, а 16-летним юношей. В Красной армии Николай Петрович Якунин числился с марта 1918 года. В годы Гражданской войны сражался против банд и басмачества. Воевал на Восточном фронте в составе отряда Красной гвардии, затем - 1-го рабочего Оренбургского полка. В одном из боёв получил пулевое ранение в грудь.

С мая 1920 года Н.П. Якунин учился на 3-х Оренбургских (Борисоглебских) кавалерийских курсах [9, с. 114-115]. После Гражданской войны окончил военную школу физкультурных инструкторов, а в 1925-м году - Крымскую кавалерийскую школу им. ЦИК Крымской АССР. Служил в кавалерии, прошёл путь от командира взвода до начальника 1-го отделения штаба 5-й кавалерийской дивизии. Весной 1933 года Николая Петровича направили на учёбу в Военную академию им. М.В. Фрунзе.

После учебы проходил службу на штабных должностях в различных кавалерийских соединениях. С ноября 1938 года находился на учёбе в Академии Генштаба РККА. В августе 1939-го Якунин был направлен в Белорусский особый военный округ начальником 1-го отдела штаба 3-го кавалерийского корпуса. Принимал участие в походе Красной Армии в Западную Белоруссию. В должности начальника отдела штаба армейской кавалерийской группы участвовал в советско-финской военной кампании.

С началом Великой Отечественной войны Н.П. Якунин был направлен в Северо-Кавказский военный округ для формирования 52-й кавалерийской дивизии. (В августе 1941-го дивизия была включена в состав 13-й армии и участвовала в сражении под Смоленском). В составе оперативных групп генералов А.Н. Ермакова и Ф.Я. Костенко 52-я кавалерийская дивизия под руководством Н.П. Якунина приняла участие в Орловско-Брянской и Тульской оборонительных операциях; Елецкой наступательной операции и контрнаступлении под Москвой.

В марте 1942 года Н.П. Якунин был назначен командиром 21-й горно-кавалерийской дивизии, которая сражалась в Средне-Донской наступательной операции и участвовала в освобождении станицы Тацинской. В феврале 1943 года 21-я горно-кавалерийская дивизия была преобразована в 14-ю

гвардейскую кавалерийскую дивизию, а Н.П. Якунин был награждён орденом Красного Знамени. В наградном листе на героя отмечалось: «...т. ЯКУНИН, обладая исключительной храбростью и решительной настойчивостью в выполнении боевых приказов командования корпуса выходил на самые ответственные участки боя, где личным примером увлекал за собой в бой подразделения» [10].

В мае 1943-го генерал Якунин был назначен на должность заместителя командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса в составе Степного военного округа, однако с июня находился в распоряжении Военного совета Степного фронта, а затем - в распоряжении Главного управления кадров наркомата обороны. С ноября 1943 года генерал Н.П. Якунин исполнял должность командира 98-го стрелкового корпуса, принимавшего участие в боевых действиях в ходе Ленинградско-Новгородской наступательной операции.

В дальнейшем генерал Якунин занимал должности заместителя командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, командира 98-го стрелкового корпуса. В мае 1944 года он был назначен заместителем командующего 8-й армией, и в этой должности принимал участие в организации и проведении Нарвской операции. В июле 1944 года Якунин был назначен на должность командира 124-го стрелкового корпуса 2-го Прибалтийского фронта. В ходе Прибалтийской наступательной операции военному соединению удалось прорвать оборону противника, за что в мае 1943 года генерал Якунин был награждён вторым орденом Красного Знамени [11].

30 сентября 1944 года гвардии генерал-майор Н.П. Якунин был тяжело ранен в бою в районе Эргли. От полученных множественных осколочных ран герой скончался в военном госпитале, и был похоронен на центральной площади латвийского города Мадоны в одиночной могиле рядом с госпиталем. 15 октября 1944 года генерал-майор Якунин был представлен к ордену Ленина (посмертно). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года Якунин был награжден орденом Ленина [12].

В 1946 году на могиле героя был установлен памятник с надписью: «Гвардии генерал-майор Н.П. Якунин. Погиб 30.9.1944.». В мае 2020 года дума Мадонского края приняла решение о переносе могилы советского генерала из центра города на советское воинское кладбище в Мадоне, где покоятся его однополчане.

Одной из наших первостепенных исследовательских задач был поиск ближайших родственников генерал-майора. В Оренбурге удалось отыскать правнуков сестры Николая Петровича – Александры Петровны, работавшей в советские годы в Оренбургском зенитно-артиллерийском училище. Много лет она вела переписку с однополчанами брата-героя и со школьниками из Ворошиловградского клуба «Юность», собиравшими материалы о легендарном генерале Якунине и его рейде. Есть в этом архиве и песня о генерале Якунине, написанная и присланная однополчанином В. Головановым.

Александры Петровны не стало в 1998 году, а две ее дочери, внуки и правнуки, живущие в Оренбурге, не являются носителями фамилии Якуниных, поэтому найти их удалось не сразу. В сети интернет в ходе поиска было обнаружено фото с шествия «Бессмертного полка» в Оренбурге с потомками генерала Якунина. В тексте под фото сообщалось, что в праздничных колоннах среди оренбуржцев, шедших по проспекту Победы в Оренбурге, находился старший сержант Росгвардии Алексей Ульянов с портретом генерал-майора Якунина Николая Петровича, двоюродного прадеда своей супруги. Ульяновы хранят архив, доставшийся им от Александры Петровны, сестры земляка – героя.

Дальнейшие поиски привели нас в Петербург, в военный комиссариат Петродворцового района. Выяснилось, что у генерала Якунина был сын Николай, родившийся в 1928 году в Оренбурге. Он вместе с отцом был на фронте, имел награду - орден Отечественной войны II степени. Воевал Николай Николаевич на территории Латвии вместе с отцом. Есть сведения, что именно он вытаскивал генерала Якунина с поля боя. Также в ходе поиска нам удалось узнать, что после войны сын генерал-майора проживал в городе Ломоносове Ленинградской области. Однако по адресу, где ранее проживал Николай Николаевич Якунин, живут другие люди, и им ничего неизвестно о прежних жильцах.

После проведенного поиска родственников героя и обнаружения в записях метрических церковных книг сведений биографического характера на видного советского военачальника генерал-майора Н.П. Якунина, электронная энциклопедия «Википедия» утвердила внесенные нами поправки в личные данные генерал-майора Николая Петровича Якунина, настоящее место рождения которого - село Шарлык Оренбургской области, дата рождения - 1 ноября 1903 года.

Сведения о потомках генерал-майора Якунина, обнаруженные нами, направлялись в оренбургский военкомат и размещались в СМИ и сети интернет в сообществах Оренбурга. Репортаж о найденных архивных документах, свидетельствующих о том, что генерал Якунин родился в селе Шарлык, транслировался в информационных программах ГТРК «Оренбург». Две статьи о прославленном земляке-герое были опубликованы в шарлыкской районной газете «На новые рубежи»[13]. Также в ходе настоящего исследования было оказано содействие сотрудникам ГБУК ЛНР «Луганский краеведческий музей» в поиске родственников сестры генерала Якунина в Оренбурге.

На 27 сентября 2021 года намечалась траурно-торжественная церемония перезахоронения останков генерала Н.П. Якунина, но ее пришлось отложить. По информации одной из оренбургских организаций, родственники героя выразили желание, чтобы генерал был перезахоронен на родине, в Оренбурге. Видимо, затем последовал отказ родных от этой идеи, потому что 11 декабря 2021 года состоялась торжественная церемония перезахоронения останков советского военачальника генерал-майора Н. П. Якунина на воинском кладбище на Парковой горе в Мадоне, где покоятся 4186 его однополчан,

погибших при освобождении Латвии от немецко-фашистских захватчиков.

Мотивы отказа родственников от перевоза праха генерала Якунина на родину остались неизвестны, но главным является то, что согласно закону «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» родственники приняли участие в принятии решения, на основании чего Россия согласовала перенос останков генерала Н.П. Якунина на советское воинское кладбище [14].

В результате проведенного исследования, основанного на анализе архивных материалов, в частности записей метрических церковных книг, удалось существенно уточнить биографические данные генерал-майора Николая Петровича Якунина, видного советского военачальника. Полученные сведения позволили внести коррективы в существующую информацию о его жизни, в том числе в электронную энциклопедию «Википедия», что свидетельствует о практической значимости предпринятого поиска и его влиянии на формирование достоверной картины истории.

Большую ценность представляют обнаруженные сведения о сыне генерал-майора, самоотверженно вынесшем отца с поля боя в критический момент сражения. Этот факт не только дополняет представление о личности героя, но и подчеркивает важность семейных связей и преемственности поколений в сохранении памяти о Великой Отечественной войне.

Таким образом, данное исследование не только уточняет важные факты биографии генерал-майора Н.П. Якунина, но и способствует расширению знаний о подвигах земляка-героя и увековечению его памяти. Полученные результаты исследования могут быть использованы в образовательных целях, при создании музейных экспозиций, посвященных Великой Отечественной войне, а также при подготовке публикаций о видных советских военачальниках, связанных с Оренбуржем.

Список литературы

1. Ищем родственников героя [Электронный ресурс] //Газета «Звезда». 16.12.2020. – Режим доступа: <https://ok.ru/gazeta.zvezda/statuses/152691327881420> (Дата обращения: 25.01.2025).
2. Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь/ Под общ. ред. генерал-полковника М. Г. Вожанина. - Москва, 2006. - Т. 1. - 672 с.
3. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО) Ф. 173. Оп. 16. Д.1523.
4. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д.1469.
5. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 2273.
6. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1870.
7. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 2273.
8. ОГАОО. Р. 8381. Оп. 1. Д. 92.

9. Семёнов В.Г., Семёнов О.В. Герои Великой Отечественной войны и видные военачальники в Оренбуржье // Великая Отечественная война глазами молодежи: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. — Оренбург, 2015. - С. 107-114.

10. Якунин Николай Петрович. [Электронный ресурс] // Прибалтийский фронт. — Режим доступа: <https://www.pribfront.ru/5136.html> (Дата обращения: 25.01.2025).

11. Подлинные документы о Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Память народа. — Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie12077798/ (Дата обращения: 25.01.2025).

12. Подлинные документы о Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Память народа. — Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie46484924/ (Дата обращения: 25.01.2025).

13. Лаврищева О. Он наш, шарлыкский генерал! / О. Лаврищева // Газета «Звезда». — 2021. — 25.02. — 6.

14. Он защищал Отечество. Генерал-майора Якунина перезахоронили. [Электронный ресурс] // Baltija.eu. 15.12.2021. — Режим доступа: <https://baltija.eu/2021/12/15/on-zashishal-otechestvo-general-maiora-iakynina-perezahoronili/> (Дата обращения: 25.01.2025).

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Ягудина О. В., к. ист. н., Чиканова В. О.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

После распада СССР произошли значительные изменения не только внутри государства, но и в геополитической расстановке сил. России пришлось подстраиваться под изменившиеся условия и искать себе новых политических и экономических союзников.

В 90-е гг. XX в. приоритетным внешнеполитическим направлением было развитие отношений с Западом. Проекты в Центральной Азии, которые разрабатывались в советский период были приостановлены в связи с экономическими трудностями. Но со странами Европы и США не удалось выстроить доверительных отношений. Несмотря на объявление о завершении холодной войны, отношения продолжали оставаться напряженными. В отличие от отношений с восточным соседом, Китаем, взаимодействие с которым в последующем помогло выбраться стране из долговой ямы.

С 1991 по 1996 гг. между двумя государствами активно развивались дружеские отношения, а с 1996 г. началось стратегическое взаимодействие.

Уже 16 июля 2001 г. был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, инициатором которого выступил Китай. К этому времени Китай становится сверхдержавой, в связи с чем происходит переоценка данного внешнеполитического направления [8].

На сегодняшний день российско-китайские отношения динамично развиваются, также как их сотрудничество во многих областях, не считая некоторых разногласий.

Взаимные визиты руководителей России и Китая наиболее частые по отношению к другим странам. Во время выступления на торжественном вечере, посвященном 60-летию установления дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой [3], бывший президент РФ. Д.А Медведев (президент РФ с 7 мая 2008 г по 7 мая 2012 г.) говорил: «Взаимодействие между двумя крупнейшими странами мира было и остается фактором действительно геостратегического масштаба». А председатель КНР Ху Цзиньтао (председатель КНР с 2003 г. по 2013 г.) назвал китайско-российские отношения «поистине важным фактором в пользу позитивного взаимодействия между основными игроками мировой политики и сохранения мира и стабильности в мире» [13].

На данный момент Россия и Китай реализуют множество совместных проектов, вот одни из них:

1) Действующий нефтепровод Россия – Китай, который берет свое начало от нефтеперерабатывающей станции Сковородино, проходит через Хэйлунцзян и прибывает в Дацин, на конечную станцию.

2) Крупный совместный российско-китайский проект магистрального газопровода для поставок газа из Якутии в страны Азии «Сила Сибири». В мае 2014 г. Россия и Китай подписали 30-летний контракт на поставку газа в Китай объемом порядка 38 млрд. кубометров газа в год. Общая сумма контракта составляет 400 млрд. долларов. При этом Газпром получит от Китая предоплату на строительство газопровода «Сила Сибири».

Эксперт по Восточной и Юго-Восточной Азии, А.О. Виноградов, в своей книге «Россия - Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи» упоминает, что главным крупным проектом, реализованным цзилиньскими предпринимателями на российском Дальнем Востоке, является совместный проект по производству и дистрибуции грузовой и спецтехники ведущей китайской марки FAW в городе Артем [2, с. 218].

А историк Р.Т. Ганиев, в учебном пособии «Политика России и Китая в Центральной Азии», отмечает, что у наших государств в разработке находится еще один важный проект по доставке углеводородов из России в Китай, именуемый «Алтай». Россия в первую очередь заинтересована в Китае как в инвесторе для Дальнего Востока и Восточной Сибири, наиболее проблемных территорий на востоке страны. Кроме того, усиление Китая косвенно способствует активизации отношений России с Японией и Южной Кореей [4, с. 46]. Данный проект на рассмотрении с 2000 г. и предполагал создание самого короткого пути до Китая. Но его реализация столкнулась с техническими сложностями: согласование цены и вопросы экологии, так как путь лежит через природный парк Укок. На данный момент ОАО «РЖД» рассматривает вариант эстакады, что по крайней мере должно снять экологические проблемы [5, с. 128].

Взаимодействие в экономической сфере является одним из приоритетных направлений и основой русско-китайского стратегического партнерства. Еще в 1992 г. были определены его основные векторы: сельское хозяйство, энергетика, использование ядерной энергии в мирных целях, транспорт, инфраструктура, связь, космос, конверсия военного производства и другие. Разрешалось установление прямых связей регионам, предприятиям, предпринимателям. В начале 1990-х гг. Китай получил практически неограниченный доступ на российский рынок, особенно в приграничных регионах [8, с. 18].

Среди всех экономических отраслей можно выделить одну, наиболее важную, это транспортная отрасль. Транспорт играет большую роль во внутреннем и внешнем развитии торговли и экономики страны. Быстрое и эффективное развитие транспортной системы делает Россию конкурентоспособной по отношению к странам, являющимся лидерами мировой экономики. В данном случае, основная задача государства развить

многовекторные транспортные связи с мировыми экономическими центрами и сделать Россию крупнейшим экспортером транспортных услуг.

Президент РФ В.В. Путин, в одном из интервью, говорил «политика и экономический вес страны не в последнюю очередь определяются доступом к глобальным транспортным коридорам», что в очередной раз подчеркивает значимость развития этой экономической отрасли [1].

В настоящее время у России есть возможность использовать свое географическое положение с целью реализации проекта транспортного сотрудничества в формате «Россия – Центральная Азия – Китайская Народная Республика».

Сегодня процесс глобализации затронул большинство стран мира, это влияет на ускоренное развитие мировых транспортных связей и вынуждает искать новые возможности повышения эффективности внутренней транспортной системы.

Другой важной составляющей сотрудничества между Китаем и Россией является гуманитарный обмен.

Страны активно взаимодействуют друг с другом в сфере образования. Это можно проследить по увеличению количества визитов студентов «по обмену». Сотрудничество между двумя странами становится все более разнообразным, обширным и постепенно формируется свой собственный механизм взаимодействия государств. Студенты из Китая доминируют во всем иностранном контингенте наших вузов и их численность уверенно растет.

Профессор МГИМО, С.Г. Лузянин, в своей книге «Современные российско-китайские отношения» [7] заостряет внимание на отдельных аспектах, а именно:

1. С 2016 г. активно развивалась российско-китайская практика по обмену студентами, преподавателями, деятелями культуры, науки и спорта.

2. В России обучаются около 28 тысяч граждан Китая, а в Китайской Республике учатся более 16 тысяч россиян. (По данным на 2024 год: в России обучается 48 тысяч китайцев, а россиян в КНР все так же около 16 тысяч [12]). Основные направления подготовки, на которых обучаются китайские студенты, языкознание, экономика и литературоведение [11, с. 2].

3. Правительства двух стран поставили задачу – довести общее количество обучающихся по обмену до уровня в 100 тысяч человек. К сожалению, на момент написания статьи, март 2025 года, эта цель не была достигнута, выполнено всего 64% от поставленной задачи.

Ряд мероприятий, проводимых при содействии правительства России и Китая обширен и разнообразен, охватывает различные сферы жизни общества. К примеру, одними из масштабных событий можно назвать: «Национальные Годы России в Китае и Китая в России» (2006-2007), «Годы русского и китайского языков» (2009-2010), «Годы дружественных молодежных обменов» (2014-2015) и другие [7]. Также в странах активно празднуются национальные праздники дружественной страны, к примеру, в России отмечается «Китайский новый год», а в Китае на площади устраивают праздник «Масленица».

Такие мероприятия укрепляют дружественные отношения народов, распространяют традиционные культуры, расширяют направления гуманитарных обменов. Страны союзники часто обмениваются знаниями в спорте, для китайских фигуристов попасть к тренеру России приравнивается к победе на олимпийских играх, а для русских спортсменов позитивным опытом будет занятие с китайским тренером по прыжкам в воду.

Культурный обмен и взаимодействие России и Китая тесно связано с деятельностью Института Конфуция, который является культурно-образовательным центром. Его основная задача формировать позитивный имидж Китая во всем мире через распространение культуры. Так в России насчитывается около 25 подразделений Института Конфуция [11, с. 4].

Но, несмотря на такую благоприятную атмосферу в гуманитарной, экономической и научной сферах, все же есть разногласия, препятствующие сближению стран.

Из всех проблем можно выделить 2 наиболее глобальные – это экономическая и общественная, которые подчеркивает в своем исследовании преподаватель Северо-Восточного педагогического университета г. Чанчунь Чжоу Яньян:

1) Проблемы в экономической сфере.

Главная проблема заключается в том, что структура двусторонней торговли между Китаем и Россией не рациональна. Среди товаров, экспортируемых Китаем в Россию, в основном преобладают трудоемкие товары, такие как текстиль и продукция легкой промышленности. Российский экспорт в Китай – это в основном сырье и энергоносители. В результате экспортные товары двух стран имеют единую структуру, их конкурентоспособность снижается, а их добавленная стоимость невелика.

2) Проблема в обществе.

Антикитайские настроения – крупная и трудноразрешимая проблема, потому что в такой атмосфере предпринимателям, работающим с Китаем, приходится рассчитывать только на себя. Когда в обществе считают, что китайцы вот-вот, буквально завтра, захватят Сибирь, им не приходится рассчитывать на сочувствие, а, следовательно, и на помощь, на защиту, на льготные кредиты. Мощный толчок этим настроениям дала авария на нефтехимическом предприятии в провинции Цзилинь. Скорее всего, тема «неэкологичности» китайских предприятий будет постоянно подниматься при обсуждении инвестиционных предложений [13, с. 84].

Не так давно состоялся «Круглый стол», на котором затронули тему перспективы сотрудничества России и Китая в 2025 году, «Китай-2049». Участники мероприятия дали оценку перспективам развития Москвы и Пекина в 2025 году.

2025 год может стать знаковым для отношений Москвы и Пекина. Россия и Китай будут отмечать 80-летие Победы во Второй мировой войне. Важным направлением в углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия России и Китая станет работа в ШОС под

председательством КНР и БРИКС.[6]. Будет продолжено расширение взаимодействия Евразийского экономического союза и Китая в рамках реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между государствами-членами ЕАЭС и КНР [10].

На круглом столе было высказано мнение, что России не выгодно рисковать своими стратегическими отношениями с Китаем ради сближения с США. Лучшим выходом для обеспечения национальных интересов России является формирование сбалансированных отношений с Западом и Востоком — конструктивный диалог с США при сохранении стратегического партнерства с КНР [10].

В будущем, отношения Китая и России станут еще более дружественными, ведь запланировано большое количество мероприятий и проектов. Несмотря на санкции и влияние Запада, связь между двумя странами только крепчает.

В заключении можно отметить, что сотрудничество двух стран преодолевает все внешние проблемы, устойчиво развивает свой путь. Активно взаимодействует в экономике, культуре, энергетике. Стремительно развивается в сфере искусственного интеллекта, цифровой экономики, гармонично взаимно дополняя друг друга и в других направлениях.

Россия занимает одну из важных позиций во внешней политике Китая, так же как Китай занимает существенное место в международной политике России. Россия и Китай – наглядный пример того, как две страны могут развиваться даже под санкциями.

Всего 30 лет взаимодействия России и Китая дает невероятные результаты в культуре, науке, экономике и медицине, которые другие страны добивались столетиями. Дружба России строится не только на взаимной политической выгоде, но и на реальной дружбе глав государств и народов.

Список литературы

1. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия. - М.: ИВ РАН, 2018. - 126 с.
2. Виноградов А.О. Россия—Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи». - М.: ИДВ РАН, 2020. - 240 с.
3. Выступления на торжественном вечере, посвящённом 60-летию установления дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой // Президент России URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/4498> (дата обращения: 11.03.2025).
4. Ганиев Р. Т. Политика России и Китая в Центральной Азии. - Екатеринбург: Урал, 2017. - 64 с.

5. Квинт В. Л. Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива. — Кемерово: КемГУ, 2022. — 282 с.
6. Круглый стол на тему: «Стратегия России по отношению к странам БРИКС и к странам Глобального Юга». // RACO URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Kruglyi_stol_Strategii_Rossii_v_otnosheniyaх_so_stranami_BRIX_i.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
7. Лузянин С. Г. Современные российско-китайские отношения. - М.: ДеЛи плюс, 2018. - 264 с.
8. Муратшина К. Г. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI вв. — Екатеринбург: Урал, 2016. — 126 с.
9. Небренчин С. М. Состояние и перспективы российско-китайских межкультурных коммуникаций // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2021. - №4-1. — С. 389-392.
10. Россия и Китай: перспективы взаимодействия // Россия Сегодня URL: <https://pressria.ru/20250115/957494921.html> (дата обращения: 18.03.2025).
11. Садловская М. В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №. № 4 (142). — С. 1-6.
12. Увеличение количества китайских студентов в вузах РФ // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/russia/977113> (дата обращения: 24.03.2025).
13. Чжоу Яньян Российско-китайские отношения в начале XXI века: достижения и проблемы // Этносоциум и межнациональная культура. — 2023. - №8(182). — С. 79-86.

РЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В 60-70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Шурбаев К. К.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный педагогический университет»**

К 60-м годам XIX века Оренбургский край претерпел ряд изменений. Они были связаны не только с улучшениями эффективного управления обширным пограничным краем, но и тем, что для российского правительства стало перспективным среднеазиатское направление во внешней политике.

Важное преобразование в военном управлении Российской империи и Оренбургского края произошло в ходе осуществления военно-окружной реформы. В мае 1862 года военный министр Д. А. Милютин разослал на широкое обсуждение проект организации военных округов в Российской империи. Этот проект, получивший предварительное одобрение императора Александра II, представлял собой реформу военной структуры страны, призванную повысить эффективность управления армией и ее боеготовность. Записка-проект, сопровождавшая рассылку, детально описывала предполагаемое деление империи на военные округа, определяла численность войск в каждом из них, а также распределяла полномочия между командующими округами и военным ведомством. Д. А. Милютин, понимая сложность и масштабность реформы, стремился получить максимально широкое экспертное мнение перед принятием окончательного решения. Среди ответов, полученных военным министерством, имелся и от командира Оренбургским отдельным корпусом А. П. Безака. Он в целом поддержал идею введения окружной системы, признавая ее потенциальную пользу для повышения оперативности и эффективности управления войсками. Однако при этом высказал ряд существенных замечаний, прежде всего, вопроса о подчиненности и распределении ответственности за содержание войск в округах. А. П. Безак опасался, что если командующий округом будет понимать, что войска на его территории остаются в прямой подчиненности военному министерству, то это может снизить его заинтересованность в хозяйственном обеспечении и боевой подготовке этих войск. Он аргументировал свою позицию тем, что командующий округом, неся полную ответственность за все аспекты жизни войск на вверенной ему территории, будет более эффективно управлять и контролировать уровень боевой готовности частей [1, с. 88, 93].

6 августа 1864 г. Александр II утвердил высочайшим указом военно-административное преобразование. Территория Европейской России

делилась на 10 военных округов, а Оренбургский Отдельный корпус был переименован в «Войска Оренбургского края». Спустя год на территории Оренбургского края произошло значимое событие – образование Оренбургского военного округа (6 августа 1865 г.) [2, с. 158].

Главное командование этим решением, преследовало двойную цель: централизация общего стратегического управления и контроля в военном министерстве, с одной стороны, и предоставление значительной самостоятельности местным властям – с другой. Такой подход отражал стремление к эффективному управлению обширными территориями края, включавшими в себя степные пространства, населенные кочевыми народами, и значительные расстояния между гарнизонами. Во главе Оренбургского военного округа стоял военный генерал-губернатор, наделенный широкими полномочиями. Ключевым отличием этого округа от других стало расширение полномочий военно-окружного совета. Военно-окружной штаб занимался широким кругом вопросов, включая управление казачьими войсками, их комплектование и снабжение. В его компетенцию входило и делопроизводство, связанное с Аральской флотилией, что указывает на важность контроля над водными путями региона. Что касается тылового обеспечения, то интендантское и артиллерийское управления формировались в соответствии с общим «Положением» о военном управлении. Инженерное управление обладало большей самостоятельностью в строительстве второстепенных сооружений, но обязано было немедленно сообщать обо всех подобных мероприятиях в Главное инженерное управление [3]. Военная реформа коснулась и военно-учебных заведений Оренбургского края. Значительно расширился Неплюевский кадетский корпус, который играл важную роль в подготовке офицерских кадров для армии. Примечательно, что в корпусе обучались не только дети русского дворянства, но и представители башкирской, татарской и казахской знати. Образование для представителей кочевых народов рассматривалось как способ интеграции их в Российскую империю и укрепления лояльности. Для детей казахской знати была учреждена специальная стипендия «в память об И. И. Неплюеве», финансируемая за счет средств, собранных в Тургайской области (2650 рублей) [4, л. 1].

После образования Оренбургского военного округа остро встал вопрос о его войсках. Помимо линейных батальонов и полубатальонов, которые только были переформированы, и не могли в полной мере замещать батальоны, ушедшие вглубь Средней Азии, в 1865 г. последовало распоряжение усилить числом и качественно войска Оренбургского края. Военный министр в приказе от 24 августа 1865 г. уведомил штаб Оренбургского военного округа о назначении для этой цели третьи батальоны полков 37-й пехотной дивизии.

Одним из первых на новое место дислокации отправился батальон 145-го пехотного Новочеркасского полка. Выступив 11 сентября пешим строем из Пензы батальон под командованием майора Ванчурина, следуя через Самару, в тяжелейших условиях преодолев 500 км, 31 октября достиг Оренбурга, где был расположен в окрестностях по заготовленным квартирам [5, с. 282-284, 292]. В Оренбург так же выступил батальон 146-го пехотного Царицынского полков. Батальон 147-го пехотного Самарского полка был направлен в Сыр-Дарьинскую область, а батальон 148-го пехотного Каспийского полка в форт Перовский. Всего в Оренбургский военный округ посылалось: 8 штаб-офицеров, 55 обер-офицеров и 2077 нижних чинов. Дополнительно 37-я пехотная дивизия брала на себя функцию пополнения, так как Оренбургский военный округ по высочайшему утвержденному предложению о распределении молодых солдат набора в 1866 г. не получал рекрутов [6, с. 129, 134-135]. На начало 1867 г. в подчинении командующего Оренбургским военным округом находилось 28865 чел., из них 8429 чел. – в составе иррегулярных войск.

16 февраля 1867 года, по истечению двухлетнего пребывания батальонов в Оренбургском военном округе Александр II высочайше утвердил предложение военного министра по приведению в кадровый состав 37-й пехотной дивизии. Свою задачу батальоны выполнили, особенно после того как в августе 1866 г. Н. А. Крыжановский посетил Ташкент, и после обращения жителей города с просьбой о вхождении Ташкента в состав Российской империи объявил о принятии их в русское подданство [7]. На подготовку, перемещение и возвращение батальонов домой главное командование отводило год. Вместо батальонов 147-го пехотного Самарского и 148-го пехотного Каспийского полков было решено послать в Туркестанскую область 8-й и 9-й Оренбургские линейные полубатальоны. Приведение их в штатный состав происходило за счет 1-го Оренбургского линейного батальона и Орской уездной команды.

11 июля 1867 года Туркестанская область получила статус самостоятельного генерал-губернаторства, одновременно с образованием Туркестанского военного округа. Это решение стало логическим шагом после успешных военных кампаний, позволивших России расширить свои владения в Средней Азии. Реорганизация затронула военную структуру региона. Значительная часть войск Оренбургского военного округа, включавшая в себя 15 пехотных батальонов и 30 казачьих сотен, была переведена под непосредственное командование новоназначенного генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана. Этот шаг резко усилил военный потенциал региона, предоставив К. П. фон Кауфману значительные ресурсы для дальнейшего расширения влияния России [8, с. 345]. Снижение численности войск Оренбургского военного округа на 3/4 имело серьёзные последствия. Оренбург, прежде являвшийся важным

стратегическим центром, существенно потерял в военной значимости. Его роль в контроле над юго-восточными границами России теперь отходила на второй план. Хотя Оренбургский округ и сохранил некоторые военные части, их численность была значительно сокращена. В распоряжении генерал-губернатора Н. А. Крыжановского остались: два Оренбургских линейных батальона (1-й в Оренбурге под командованием полковника Ковинского, 2-й в Орске – подполковником Гротенгельмом), 70-й резервный батальон, дислоцированный в Уфе, и 22 казачьих сотни [9, с. 417, 445, 449].

В 70-е годы XIX века продолжилось участие Оренбургского военного округа в среднеазиатских делах. В конце 1872 года в Санкт-Петербурге, после долгих и тщательных обсуждений, было принято решение о начале военной экспедиции против Хивинского ханства. Наступление планировалось на весну 1873 года. Участие войск Оренбургского военного округа заключалось в создании самостоятельного отряда (9 рот пехоты, 9 сотен казаков при 6 орудиях) и высылки в Туркестанский военный округ 4-го Туркестанского стрелкового батальона.

С отправкой туркестанского подразделения не возникло проблем. 18-й стрелковый батальон, прежнее название «4-го Туркестанского», оказался в 1869 г. в Уральске. Его появление было связано с началом беспокойства в киргизской степи оренбургского ведомства из-за введения нового Положения об управлении киргизами [10]. После в 1870 г. его включили в состав туркестанской стрелковой бригады с соответствующим переименованием, но оставили в Оренбургском военном округе. Здесь он продолжал нести караульную службу, и участвовать в походах в составе степных отрядов. Теперь, когда батальон уходил, для выполнения его обязанностей в Оренбурге временно задерживали 257 молодых солдат предназначенных для Туркестанского военного округа [11, л. 1-2 (об)].

В дальнейшем подготовка к экспедиции в Оренбурге столкнулась с рядом непредвиденных сложностей, которые замедлили и усложнили процесс. Планировалось использовать в качестве основы экспедиционного отряда два Оренбургских линейных батальона [12, с. 560]. 2-й батальон, за исключением небольшого караула в Орске, был готов к переброске. Однако с 1-м Оренбургским линейным батальоном возникли серьезные трудности. Этот батальон, совместно с 49-м губернским батальоном, нес усиленную караульную службу в самом Оренбурге, что значительно ограничивало его мобильность. Ситуация осложнялась тем, что одна из рот 1-го батальона находилась на Нижне-Эмбенском укреплении, и оперативно заменить ее было не кем. Было предложено два способа решения вопроса: или призвать на службу пеший казачий батальон или командировать в Оренбург пехотный полк из соседнего Казанского военного округа. После рассмотрения было решено отказаться от первого варианта, так как были неизвестны точные сроки пребывания батальонов в

походе. К тому же казакам нужно было время, на получение строевой подготовки и на переход с места формирования в Оренбург, всего примерно 4 месяца, а начало Хивинского похода было назначено на конец февраля. Поэтому для усиления войск Оренбургского военного округа было приказано сформировать в Оренбурге 3-й Оренбургский линейный батальон (подполковник Мартон), и временно переместить из Самары 159-й пехотный Гурийский полк, с целью, как несения гарнизонной службы, так и в случае необходимости для помощи войскам, действующим в степи [13, с. 30-31].

16 февраля 1873 г. после торжественного прощания с участием, успевшего приехать из Петербурга оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, в поход выступил 1-й батальон, а 25 февраля из Орска 2-й батальон. Пробыв в походе восемь месяцев и приняв непосредственное участие к принуждению к миру и российскому подданству Хивинское ханство в сентябре 1873 г. батальоны вернулись на места постоянной дислокации.

В 1875 г. в результате очередных изменений оба Оренбургских линейных батальона были переведены в Туркестанский военный округ и переименованы в 16-й и 13-й Туркестанские линейные батальоны соответственно. В итоге к концу 1876 г. на территории Оренбургского военного округа находились: 159-й пехотный Гурийский полк (3 батальона) (40-я пехотная дивизия), 22-е воинских команд, Башкирский дивизион в составе 2-х эскадронов, а также 24 сотни Оренбургского и Уральского казачьего войска. Всего 14.156 человек [14, с. 267].

Новым испытанием для войск Оренбургского военного округа в 70-х годах стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Накануне и в начале войны общественность Оренбургского края живо откликалась на события и известия с Балканского полуострова. В Оренбурге с началом войны, начинается сбор пожертвований. В Челябинске было решено обеспечивать немногочисленные семейства запасных нижних чинов из этого уезда; семейства с одним ребенком по 2 руб./мес., не более трех детей по 3 руб./мес., более трех детей по 4 руб./мес. [15]

Начавшаяся война после ряда успехов русской армии приобрела более затяжной характер. Стало очевидно, что для усиления войск на фронте необходимы дополнительные мобилизации. В течение 1877 г. было осуществлено несколько наборов запасных нижних чинов в рамках мобилизационного расписания №6. Весной 1877 г. из разных городов Оренбургского военного округа на войну мобилизовали около 4 тыс. чел. [16, с. 222]

25 июля 1877 г. в Оренбурге была получена телеграмма о призыве ратников первого разряда. К первому разряду ратников принадлежали все без исключения молодые люди, зачисленные в ополченцы по призывам 1874 г., 1875 г. и 1876 г., при этом исключались по семейному положению,

так как объявленный призыв ратников делался для усиления постоянных войск, а не для составления отдельных ополчений. Призыв производился через МВД и не поименный, а всех вместе, потому на всех видных местах были вывешены соответствующие объявления [17]. Всего за весь 1877 г. было призвано 241,6 тыс. чел. из которых 20 тыс. запасных нижних чинов приходились на Оренбургский военный округ. После того, как стало известно, что 40-я пехотная дивизия примет участие в боевых действиях, из Оренбурга в поход выступил 159-й пехотный Гурийский полк. Весной 1877 г. полк добрался до Самары, оттуда отправился на Кавказский театр военных действий, где с 24 июля занимал позиции в Ардаганском отряде [18, с. 61, 90]. Вместо него был приказ сформировать в Оренбурге и Уральске 1-й и 2-й Оренбургские линейные батальоны соответственно.

Таким образом, в 60-70-е годы XIX в. в Оренбургском крае произошли значительные изменения. Оренбургский военный округ отражал попытку сочетать централизованное управление с учетом специфических условий обширного и пограничного региона. Расширение полномочий военно-окружного совета, учет потребностей казачьих войск и аральской флотилии, а также образовательная политика, направленная на представителей разных национальностей, свидетельствуют о комплексном подходе к управлению регионом. В 70-е годы Оренбургский военный округ приняли участие в Хивинском походе, направив в составе экспедиционного отряда свои не многочисленные войска. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала первой проверкой военно-окружной системы. Оперативные и слаженные действия окружного командования в проведении мобилизации и отправке пехотного полка на театре военных действий демонстрировали высокую подготовку военного управления Оренбургского края.

Список литературы

1. Зайончковский, П. А. Военные реформы 1860-1870 годов в России / П. А. Зайончковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 371 с.
2. Шурбаев, К. К. Несколько слов о военной истории Оренбургского края в конце XIX - начале XX вв. / К. К. Шурбаев // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Оренбург, 14 декабря 2012 года. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 158-166.
3. Глиноецкий, Н. Применение военно-окружной системы к Кавказу, Оренбургскому краю, к Сибири / Н. Глиноецкий // Военный сборник. – Том 45. – СПб.: Типография уделов, 1865. – С. 24-32.
4. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее ОГАОО). Ф. Ф-6. Оп. 6. Д. 14375. Л. 1.

5. Шелехов, Ф. П. История 145-го пехотного Новочеркасского Императора Александра III полка, 1796-1896 гг. / Ф. П. Шелехов. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1896. – 575 с.
6. Грабовский, С. В. Историческая хроника полков 37-й Пехотной дивизии (1700-1880) / С. В. Грабовский. – СПб.: Тип. Кесневеля и Балашева, 1883. – 428 с.
7. Южаков, Ю. Д. Шестнадцатая годовщина взятия Ташкента / Ю. Д. Южаков. – СПб.: Типография В. В. Комарова, 1881. – 16 с.
8. Семёнова, Н. Л. Реформа военного управления в Оренбургском крае в 60-80-е гг. XIX в. / Н. Л. Семёнова // Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. – Екатеринбург, 1998. – Ч. 1. – С. 343-346.
9. Ежегодник русской армии на 1872 год. Ч. 2. – СПб.: Военная тип., 1872. – 472 с.
10. Проходцев, К. А. К вопросу о проектах реформирования области киргизов Оренбургского ведомства в первой половине 60х гг. XIX в. / К. А. Проходцев // Народы Южного Урала на страже Родины: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска, Оренбург, 30 апреля 2014 года. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 295-307.
11. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 6. Д. 14352. Л. 1-2 (об).
12. Ежегодник русской армии за 1873 и 1874 гг. – Ч. 2. – СПб.: Военная тип., 1874. – 624 с.
13. Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. – Кн. 3 / под ред. генерала Троцкого. – Ташкент: Типография арендуемая Ф. В. Базилевским, 1881. – 161 с.
14. Ежегодник русской армии за 1877 г. – Часть 2. – СПб.: Военная тип., 1877. – 488 с.
15. Оренбургский листок. – 1877. – 8 мая.
16. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. – Выпуск 11. – СПб.: Военная типография, 1898 – 278 с.
17. Оренбургский листок. – 1877. – 31 июля.
18. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. – Том II. – СПб.: Экономическая типолитография, 1904. – 724 с.